BX 1530
.B43
Copy 1

Class BX 1530
Book .B44

YUDIN COLLECTION

5831

СЕЛЬСКОЕ ДУХОВЕНСТВО

ВО ФРАНЦІИ.

«Доколѣ тяжкосердіи? вскую любяте
суету и ищете лжи»? Пс. IV, 3.

БЕЛЛЮСТИНА.

ЦѢНА 1 Р. 50 К., ВѢС. ЗА 2 Ф.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»,
по Мойкѣ, № 5.
1871.

СЕЛЬСКОЕ ДУХОВЕНСТВО

ВО ФРАНЦІИ.

Bellustin, Ioann Stepanovich
Sel'skoe dukhovenstvo

СЕЛЬСКОЕ ДУХОВЕНСТВО

ВО ФРАНЦІИ.

«Доколѣ тяжкосердіи? вскую любите
суету и ищете лжи»? Пс. IV, 3.

БЕЛЛЮСТИНА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»,
по Мойкѣ № 5.
1870.

BX1530
.B43

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 4 іюня 1870 г.

12 May 12-1972

СЕЛЬСКОЕ ДУХОВЕНСТВО

ВО ФРАНЦІИ.

Трудно представить себѣ что либо болѣе поучительное и болѣе поражающее, какъ положеніе католическаго духовенства въ средѣ французскаго народа. Во времена общественнаго спокойствія, поддерживаемое правительствомъ, оно — сила вліяющая на массы народныя, располагающая ими по личному усмотрѣнію; случается, на столько сильная сила что самому, поддерживающему его, правительству приходится считаться съ нею и даже уступать ей. Но при первомъ потрясеніи общественнаго спокойствія круто слѣдуетъ поворотъ; оно не только оказывается безсильнымъ и безвліятельнымъ, но поднимаетъ противъ себя такую бурю негодованія, злобы, ненависти со стороны народа, которая съ корнемъ вырываетъ изъ общественной среды все что только зовется духовенствомъ, все что имѣетъ какое бы то ни было отношеніе къ нему. Не говоря уже о томъ страшномъ потрясеніи, которое зовется революціей прошлаго вѣка,—даже въ періодъ реставраціи, когда народныя страсти достаточно улеглись, съ кѣмъ не хотѣлъ примириться народъ? — исключительно, единственно съ духовенствомъ. Онъ щадилъ уже богатство, щадилъ аристократію; прощалъ всякое мнѣніе, возглашалъ всеобщую амнистію, — и лишь священника исключалъ изъ всего этого; ему одному — уничиженіе, позоръ и война на смерть!... Въ немъ

и во всемъ его служеніи, онъ видѣлъ нѣчто болѣе ненавистное для себя,—чѣмъ всѣ тѣ злоупотребленія внѣшней силой, которыя породили революцію.—Вслѣдствіе чего были и могутъ быть такіе страшные повороты отъ безграничнаго почти преобладанія надъ народомъ къ ничѣмъ неудовлетворяющейся мести со стороны народа?

«Вольтеріанизмъ, философизмъ, невѣріе,»—вотъ избитыя мѣста, которыми адепты католицизма объясняютъ эти повороты. Но такъ ли въ существѣ дѣла?—Философизмъ и—массы народныя: что общаго между тѣмъ и другимъ? Съ воздухомъ развѣ онъ могъ проникнуть въ ихъ темную и невѣжественную среду?—Невѣріе?—да!... Но вслѣдствіе чего же такъ неизцѣльно и такъ неодолимо охватывало оно эти массы?—Откуда шла въ нихъ эта погибельная язва?—Не было ли само духовенство главной виной его?

Безъ всякаго сомнѣнія въ немъ заключалась главная вина; что̀ народныя массы если не сознавали ясно, то понимали тѣмъ инстинктивнымъ чутьемъ, которое рѣдко ошибается въ опредѣленіи источниковъ того или другаго общественнаго зла. Такъ безпощадно преслѣдуя духовенство, народъ мстилъ ему за ту умственную тьму и нравственный развратъ, которые оно, въ продолженіи вѣковъ, разсѣевало въ народной средѣ; за ту ложь слова и дѣла, которая отравляла народную жизнь въ самыхъ ея основахъ; за то фарисейство которое душило все что только зовется внутренней жизнью,—жизнью души;—словомъ, погрязшій въ невѣріе народъ мстилъ духовенству за свое невѣріе. Инстинктивно сознавая что фарисейство болѣе разъѣдающее зло, чѣмъ какія бы то ни было общественныя злоупотребленія и неправды, онъ, при улегшейся бурѣ страстей, всему прощалъ, со всѣмъ примирялся; лишь по отношенію къ одному духовенству считалъ неудовлетворенною свою месть. Мало этого,—онъ переносилъ ее на священныя изображенія, на богослужебныя зданія, — на все святое и чтимое въ мірѣ христіанскомъ; но какъ же иначе и могло быть, когда онъ во всемъ этомъ видѣлъ лишь орудія лжи, не больше какъ сред-

ства для выжиманія изъ него самыхъ жизненныхъ соковъ, которыми питались, отъ которыхъ тучнѣли тысячи праздныхъ тунеядцевъ? Какъ было, напр., не ругаться ему надъ статуями которыми, во имя небывалыхъ чудотвореній, цѣлыя поколѣнія его мистифировали, ради обирательства, самымъ наглымъ и кощунственнымъ образомъ, и т. п.? А отъ статуи, естественно, переходилъ онъ и къ изображаемому ею, отъ креста къ распятому на немъ, — ругался и надъ ними (á bas le crucifix), потому что и въ названіяхъ видѣлъ туже мистификацію, какъ и въ изображеніяхъ.

Но такъ ли было на самомъ дѣлѣ? — Конечно, такъ. Современное намъ католическое духовенство ни на одинъ шагъ не выступило изъ той колеи, которою шли его предшественники; а на чемъ, главнѣйшимъ образомъ, сосредоточивается вся его дѣятельность? на томъ ли чтобы проводить въ жизнь обществъ плодотворный свѣтъ евангельскихъ правды и любви? на томъ ли чтобы, всячески содѣйствуя умственному развитію народныхъ массъ, вмѣстѣ съ тѣмъ возвышать нравственный уровень въ ихъ средѣ? на томъ ли чтобы вести человѣчество къ тому совершенству, которое заповѣдано Спасителемъ?—Нѣтъ, на томъ чтобы держать человѣчество въ самой безпроглядной религіозной тьмѣ,—въ такой тьмѣ которая давала бы возможность нагло мистифировать индульгенціями, ремиссіями, чудесами, всѣмъ чѣмъ только, изъ за корыстныхъ побужденій, можно дурачить слѣпое человѣчество... А какъ религіозная тьма возможна при одномъ условіи, — при всецѣлой умственной тьмѣ, то и къ закрѣпленію ея, по крайней мѣрѣ въ народныхъ массахъ, направляются всевозможныя усилія сказаннаго духовенства. Ради этого, глава его, время отъ времени, и разражается анаѳемой противъ умственнаго движенія впередъ; ради этого, все оно въ совокупности и пользуется всякими способами чтобы захватывать въ свои руки народное образованіе. Но что же такое религіозная тьма, какъ не прямая и вѣрная дорога къ самому отчаянному невѣрію? что

такое умственная тьма, какъ не одичаніе способное доходить до звѣрства, жаждущаго разрушенія, убійствъ, крови?

Кто бы усомнился въ томъ что именно на этомъ, главнѣе всего, сосредоточивается дѣятельность католическаго духовенства, тотъ пусть возьметъ на себя трудъ прочесть любое изъ произведеній автора—«Le Maudit»,—и онъ наглядно убѣдится что въ сказанномъ выше нѣтъ преувеличенія. Въ «Le Moine,» напр., онъ увидитъ изобрѣтательность по части чудотворныхъ родниковъ, мадоннъ, частицъ мощей и п. т. п.,—такую изобрѣтательность въ которой трудно опредѣлить чего больше—дерзости кощунства, или наругательства надъ здравымъ человѣческимъ смысломъ. И что́ же эта изобрѣтательность,—понятно, вся направленная къ безпощадному обирательству народа, по крайней мѣрѣ, преслѣдуется духовными властями, высшими стражами стадъ христовыхъ? Совершенно напротивъ, авторизуется, поощряется, награждается. Изобрѣтенное что либо по чудотворной части,—хоть бы то была уродливость до послѣднихъ границъ кощунства,—мощи, напр. или часть ихъ, выписанныя изъ извѣстной лавки въ Парижѣ, и т. п.,—открывается со всею возможной торжественностью: учреждаются процессіи, ношенія этихъ мощей кругомъ церквей, абатствъ;—словомъ, не жалѣются никакія усилія для мистифированія невѣжественнаго народа и для привлеченія толпы, жаждущей зрѣлищъ, къ новоизобрѣтенной святынѣ*). И кто-жъ скажетъ

*) Изъ — «La Réligieuse» и «Le Jésuit» можно было бы привести не малое число образчиковъ—какъ и что творится тамъ по этой части. Но ограничимся однимъ—изъ «Le Moine».—Монаху, изъ странствующихъ, надоѣло бродяжничество, и пожелалось, во чтобы то ни стало, жизни спокойной и раздольной, въ качествѣ настоятеля какого либо монастыря. Съ этой цѣлію онъ пріютился въ одномъ разоренномъ и заброшенномъ абатствѣ—Человѣкъ былъ во всей крѣпости силъ, и за филотеями дѣло не стало. И вотъ, общимъ усердіемъ, у развалинъ абатства оказался чудотворный родникъ, съ водой и грязью—спеціально для дѣтей (дѣтскія болѣзни въ этой мѣстности были развиты). Для всякаго народа, задавленнаго религіозной тьмой, одного слова — «чудотворный» достаточно чтобы онъ бросился на поклоненіе изобрѣтенной святынѣ;—и къ роднику об-

что кровавое возмездіе не ждетъ, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, этихъ изобрѣтателей?—что народъ, какъ и въ былыя времена, не разобьетъ въ прахъ и не растопчетъ ногами эти языческіе кумиры, маскируемые разными христіанскими названіями, предъ которыми теперь преклоняется и за поклоненіе которымъ утучняетъ изобрѣтателей?--Вѣдь нѣтъ такихъ оковъ которыхъ, въ свое время, не сокрушилъ бы здравый человѣческій смыслъ, какъ и нѣтъ такой лжи которая, рано или поздно, не обличилась бы.

ратились матери съ дѣтьми, особенно когда тутже явилась чудотворная мадонна. Но что соберешь съ крестьянскихъ женщинъ, хоть бы онѣ цѣлыми толпами являлись на богомолье? Все это мѣдь—вѣсу много, цѣны мало.—Спутешествовалъ монахъ въ Парижъ; и у грековъ, поставщиковъ въ извѣстную парижскую лавку всякаго сорта мощей, пріобрѣлъ что-нинаесть лучшія.—Съ благословенія и разрѣшенія епархіальной власти, послѣдовало торжественное открытіе—не парижской покупки, а—«явившихся мощей». Продѣлка избитая; но въ темной массѣ народа удалась какъ нельзя лучше: обильно посыпалось и серебро. Въ чудесахъ, при посредствѣ филотей, конечно недостатка не было.—Явилась наконецъ возможность возстановить нѣкоторыя части развалинъ, на что, за уплатой изрядной суммы, монахъ и получилъ разрѣшеніе отъ епархіальной власти, и вмѣстѣ съ тѣмъ назначеніе—быть пріоромъ возстановляемаго абатства. Цѣль достигнута; но успѣхъ подзадориваетъ.—И задался монахъ вопросомъ: чтобы такое изобрѣсти поэффектнѣе мощей, которыхъ вездѣ съ избыткомъ?—Поѣздка въ Парижъ,—и появилась на сцену вещь, которую мы даже не дерзаемъ и назвать по русски,—

«Vera caro Domini nostri Iesu Christi, sciliceł umbilicus et praeputium ejus». Явилась извѣстнымъ способомъ.—Было-дескать видѣніе сонное монаху и благочестивымъ дѣвамъ (т. е. его филотеямъ), что абатство, въ прежнія времена, владѣло этой святыней; но когда, въ революцію, разгромляли монастыри, то ее скрыли въ монастырской стѣнѣ; и что теперь, за благочестіе и ревность пріора, Г. Іисусу угодно,—чтобы часть его тѣла вновь была открыта на общее поклоненіе. По сказанному какъ по писанному; въ указанномъ, въ сонномъ видѣніи, мѣстѣ съ торжественнѣйшей процессіей *обрѣтенъ* флаконъ, въ которомъ и заключалась—«vera caro».. Правда, мѣстная свѣтская власть въ указанномъ мѣстѣ увидѣла очень свѣжую штукатурку и очень недавнюю работу каменщика; но когда же свѣтскія власти принадлежатъ къ числу истинно вѣрующихъ (въ католическомъ смыслѣ)?—Такъ и взглянула на это дѣло епархіальная власть, и

Но быть же не можетъ чтобы въ средѣ этого духовенства,— если уже не монашествующаго, то приходскаго, и особенно лицомъ къ лицу стоящаго съ народомъ, не находились истинные пастыри—съ яснымъ разумѣніемъ всей гибели такаго порядка дѣлъ, какъ для ихъ служенія, такъ и для дѣла христова на землѣ?—Да, есть они. Но что же сдѣлаютъ—одинъ и даже нѣсколько такихъ пастырей, когда вліяніе, связи, богатство,—т. е. вся внѣшняя сила въ рукахъ монашествующаго духовенства, съ епископами и архіепископами въ главѣ въ

разрѣшила торжественное открытіе обрѣтенной святыни, съ каждогодной процессіей in soecuſa soeculorum. Абатство процвѣло; пріоръ зачисленъ въ разрядъ ревностнѣйшихъ служителей церкви, достойныхъ всякихъ похвалъ и наградъ; а для полноты его монашескихъ утѣшеній, филотеи близъ самаго абатства, устроили общину подъ названіемъ «Сестры sanc ti ргаeputii».

Авторъ такъ заключаетъ свой разсказъ объ обрѣтеніи святыни: «Я ни какъ не хотѣлъ вѣрить, что обрѣтенныя реликвіи съ торжественнѣйшей процессіей разгуливаютъ въ Шатору; чтобы въ половинѣ девятнадцатаго вѣка могло возобновиться это дикое и кощунственное идолослуженіе; чтобы нашелся епископъ—который самъ совершилъ бы такое возмутительное служеніе, или предписалъ совершать его подвластнымъ ему священникамъ. И тѣмъ не менѣе, это—несомнѣнная правда, свидѣтельствуемая цѣлымъ городомъ Шатору.—О, священники—угодники монаховъ! ужели не видите вы какъ все это дорѣзываетъ церковь? ужели не видите вы, что возобновляемая дичь средневѣковыхъ суевѣрій самымъ логическимъ путемъ ведетъ къ той страшной реакціи, которая снова изберетъ грозный девизъ: «Ecrasons l'inſame»?... (Le Moine, II.)

Даже, и послѣ свидѣтельства цѣлаго города, трудно было бы повѣрить возможности такихъ диковинныхъ вещей въ ультра-цивилизованной и христіаннѣйшей Франціи, еслибъ дѣйствительность ихъ не доказывалась изъ другихъ источниковъ. Вотъ, напр., что говоритъ Тьеръ въ «трактатѣ о суевѣріяхъ»: «монахи Н.... монастыря хвастаютъ—что владѣютъ частію тѣла нашего Господа, которую добрые люди этой мѣстности называютъ saint Prepuce. Спеціальность этой части, хранящейся въ серебряномъ ковчегѣ, помогать беременнымъ женщинамъ—родить легко и безъ болей (—вотъ такъ изобрѣтательность!). Понятно, какія громадныя толпы должны стекаться сюда, и какую обильную дань собираютъ монахи за позволеніе прикоснуться къ ковчегу».—Правда, этой частію владѣютъ и десятки другихъ монастырей, и въ каждомъ—vera

рукахъ которыхъ вся ихъ жизненная судьба?—когда и большинство ихъ собратовъ, до невѣроятія невѣжественныхъ, бьетъ на тоже самое,—на что и монашествующее? Передъ глазами ихъ какой нибудь пріоръ монастыря, и даже просто монахъ добивающійся пріорства, изобрѣтаетъ чудовищную штуку по части чудотвореній; девотки, не разлучныя спутницы подобнаго люда, въ ихъ собственной паствѣ пропагандируютъ изобрѣ-

---

саго; но какъ у каждой своя особенная спеціальность, то дѣло и идетъ какъ нельзя лучше въ каждомъ монастырѣ: *вѣрующее* католичество щедро расплачивается за счастье—прикасаться ко всѣмъ этимъ святынямъ. Тьеръ заключаетъ очень наивно: «развѣ одинъ какой монастырь владѣетъ названной частью, потому что нашъ Господь былъ обрѣзанъ однажды» (Thiers, t. 1, p. 100.)

А затѣмъ, въ курсахъ католической теологіи, какъ догматъ вѣры, предписывается благоговѣйно чтить всѣ реликвіи, не только существующія, но и тѣ которыя «милосердый Г. Іисусъ явитъ вѣрующимъ, для укрѣпленія ихъ вѣры во дни невѣрія и нечестія».—Вопросъ о подложности, тысячами случаевъ доказанной, о нелѣпости иныхъ реликвій, которую и доказывать нечего,—обыкновенно обходится, на томъ основаніи что «вѣра не допускаетъ изслѣдованій.» Вотъ напр., что говорится объ названной выше части въ одномъ изъ новѣйшихъ курсовъ теологіи: «Мы вѣруемъ, что Г. Іисусъ Христосъ оставилъ свой прѣрисе на землѣ. Эта часть его тѣла была слишкомъ ничтожна чтобы можно было доказывать, что онъ не съ цѣлымъ тѣломъ вознесся на небо (нужно замѣтить что, по поводу этой части, былъ жесточайшій споръ между католическими учеными; одни доказывали,—«Cum caro ipsa Praeputii sit de veritate humanae naturae, credimus quod, resurgente Christo, rediit ad suum locum glorificata»,—т. е. что названная часть, при воскресеніи Г. Іисуса, вернулась на свое мѣсто; другіе стояли на томъ что она осталась на землѣ, и Г Іисусъ безъ нея вознесся на небо,—споръ былъ разрѣшенъ папой, какъ и слѣдуетъ, въ пользу послѣднихъ;—къ чему терять такую статью доходовъ?). Не согласны лишь въ томъ—гдѣ хранится эта часть. Св. Бригита утверждаетъ что въ Римѣ, Иннокентій III повѣствуетъ что Карломанъ, при посредствѣ іерусалимскаго патріарха (—греческаго патр. Василія, по другимъ источникамъ), получивъ эту часть отъ самого Г. Іисуса, вложилъ ее въ Aix-la Chapelle; а отсюда Карлъ плѣшивый перенесъ ее въ Римъ, въ Латранскую базилику, и помѣстилъ ее въ ковчегѣ названномъ «святое святыхъ». Одни доказываютъ что она хранится въ Анверѣ, другіе—что въ Броггэ, третьи что въ Пюи, и т. п. Нѣкоторые,

тенное своимъ патрономъ;— что́жъ сдѣлали бы они для спасенія своей паствы отъ распространенія въ ея средѣ грубѣйшаго язычества? Возстали бы всей силой своего пастырскаго вліянія?—Но на нихъ доносъ: «невѣрующіе-де вольтеріянцы»,— и изгнаніе ихъ изъ прихода, а нѣтъ-такъ и изъ епархіи (exeat), несомнѣнно. Молчаливымъ неодобреніемъ свидѣтельствовали бы свое отвращеніе къ изобрѣтенной штукѣ?—но они безженные и безсемейные, а по своему служенію непрестанно сталкивающіеся съ женщиной;—на нихъ доносъ извѣстнаго содержанія,—таже исторія. А нѣтъ, — такъ и безъ доносовъ, натравятъ на нихъ ихъ же собратовъ, или ближайшее начальство, и доведутъ таки до того-что они сами сбѣгутъ изъ даннаго мѣста. Что́жъ тутъ сдѣлали бы истинные пастыри? себя принесли въ жертву своему долгу?—Но и жертва безплодная.

Очевидно, положеніе такихъ пастырей, въ католическомъ мірѣ, больше чѣмъ незавидно. И вообще положеніе приходскаго духовенства тамъ, особенно сельскаго, не блестящее: подавленное монашествующимъ и желѣзной ферулой управленія, безправное до илотства, лишенное всякой возможности имѣть какія либо чистыя, напр. семейныя отрады жизни, оно

чтобы примирить всѣ эти разногласія, доказываютъ,—что означенная часть была раздроблена на множество частицъ и раздѣлена по монастырямъ и церквамъ. Въ этомъ нѣтъ ничего невозможнаго». («Cours de Théologie», d'Arlan de Lamthe; 1836; T. 1, p. 492; въ этомъ же курсѣ, и въ такомъ же точно духѣ, перечисляются всѣ реликвіи Г. Іисуса —отъ младенческихъ пеленокъ и до его крови — «которою обладаютъ очень многіе монастыри и церкви»; T. 11, p. 365—374.)

И во все это заставляютъ вѣровать, подъ карой анаѳемы которою, даже въ наши дни, Ватиканъ не устрамляется оглашать міръ!.... И все это съ единственной цѣлію—обирать и обирать слѣпотствующее человѣчество.... Трудно опредѣлить гдѣ слѣпоты больше,—на сторонѣ обираемыхъ или обирающихъ; какъ, казалось бы, не разумѣть что, такъ нагло—кощунственно убивая дѣло христово на землѣ, тѣмъ самымъ, подготовляютъ себѣ самимъ неизбѣжную, никакими человѣческими силами неотклонимую, гибель? — По истинѣ, кого Господь Богъ хочетъ наказать—у того отнимаетъ всякій человѣческій смыслъ.

далеко не можетъ похвалиться благопріятными условіями своего существованія и служенія. По крайней мѣрѣ, большинство его такъ ужъ выдѣлано и подготовлено образовательной системой что, служа слѣпымъ орудіемъ своихъ — «право правящихъ слово истины», способно находить себѣ удовлетвореніе во всемъ что ни пошлетъ судьба, безъ особенной разборчивости — подходящее то, или не подходящее къ пастырскому служенію. Но горе тому кто, отъ природы съ крѣпкими силами души, съ призваніемъ къ пастырству а не къ дармоѣдной, за чужой трудъ, жизни,—и образовательной системой не выдѣлался въ заповѣдную форму; кто захотѣлъ бы быть пастыремъ по евангелію, а не по ватиканскому кодексу: никакая чистота жизни, никакія услуги дѣлу пастырства не спасутъ его отъ позорнаго изгнанія изъ среды пастырства. Даже во Франціи галиканство не спасаетъ таковыхъ отъ неумолимой мести монашествующаго духовенства, переполненнаго ультрамонтанскимъ духомъ и пользующагося преобладающимъ значеніемъ въ странѣ:—не прямыми — такъ подспудными способами, — а ужъ добьются таки того что уничтожатъ это тревожное бѣльмо на глазу.

Вотъ прочтемъ автобіографическую записку одного изъ таковыхъ, чтобы имѣть понятіе о сельскомъ духовенствѣ во Франціи вообще, и о положеніи истинныхъ пастырей въ особенности. [1]) Въ запискѣ, какъ и во всѣхъ произведеніяхъ автора—«Le Maudit», не мало подробностей несовсѣмъ идущихъ къ дѣлу; поэтому, оставляя ихъ въ сторонѣ, или оставляя изъ нихъ лишь то что необходимо для уясненія дѣла,— главное и существенное прочтемъ вполнѣ, безъ пропусковъ и сокращеній:—вопросъ о пастыряхъ въ мірѣ христіанскомъ — не праздный вопросъ; отъ его цѣлесообразнаго рѣшенія многое, даже слишкомъ многое, зависитъ въ жизни христіанскихъ обществъ. Значитъ, чѣмъ больше данныхъ для его обсужденія, тѣмъ цѣлесообразнѣе можетъ быть рѣшеніе его; и особенно

---

[1]) Le Curé de Campagne, par l'abbé···. 1867.

данныхъ выработанныхъ самой жизнью, какъ это въ предлагаемомъ теперь чтеніи.

1. До перваго викаріятства.

На дѣтствѣ Леонарда (Ліунь-сокращенно) Бертомье, — таково имя священника разсказывающаго неотрадную повѣсть своего священства, нѣтъ нужды долго останавливаться. Происходя изъ овернской семьи Бертомье, пользовавшейся глубокимъ уваженіемъ въ цѣлой мѣстности за строгую честность своей жизни, онъ наслѣдовалъ отъ нее здоровое тѣлосложеніе, счастливыя умственныя способности, несокрушимую волю, овернскую прямоту характера — и бѣдность. Отецъ его, младшій изъ братьевъ, первые годы своей молодости прослужилъ въ «великой арміи»; вернулся оттуда ни съ чѣмъ, и женился таки на той самой которую назвалъ своей невѣстой до своихъ воинскихъ подвиговъ. Положеніе его было не изъ блестящихъ: безпечный, плохой хозяинъ, онъ, къ тому же, любилъ и кутнуть при случаѣ, отчего надѣлъ полученный имъ изъ отцовской семьи, ничтожный и самъ по себѣ, скоро прошелъ сквозь его руки. Къ счастью для него, жена его принадлежала къ тѣмъ крѣпкимъ, богато одареннымъ умственными силами натурамъ, которыя не падаютъ ни подъ какими невзгодами житейскими, и умѣютъ найтись въ самыхъ крутыхъ обстоятельствахъ: ея находчивость, благоразуміе и энергія спасли семью отъ безвыходной нищеты.

Подъ вліяніемъ безграничной любви этой матери, Леонардъ и провелъ свое дѣтство.—Но матери хотѣлось, во что бы то ни стало, угладить жизненный путь своему сыну, въ сильныхъ способностяхъ котораго она не ошибалась, по примѣру многихъ матерей. «Безъ ученья ничего не добьешся, часто повторяла она; я такъ несчастна что и читать даже не умѣю; не будетъ же того съ сыномъ». — И рисовалась при этомъ въ ея воображеніи очаровательная картина: ея любимецъ Ліунь со временемъ священникъ...; выше и блестящѣе этой карьеры

для сына она и представить себѣ не могла. Собравъ всѣ силы, она устроила его въ приходскую школу.

Не великъ былъ курсъ этой школы, — чтеніе, письмо и первыя четыре правила ариѳметики; не отличался особенными педагогическими способностями школьный учитель; тѣмъ не менѣе, умственныя силы Леонарда и тутъ уже сказались: въ короткое время онъ перегналъ всѣхъ своихъ товарищей и обратилъ на себя вниманіе даже приходскаго священника. Къ чему могло повести это при естественномъ порядкѣ вещей? Ровно ни къ чему: мечты любящей матери такъ и остались бы мечтами; съ огромными силами, но лишь съ школьнымъ образованіемъ, ея сынъ едва ли выбился бы изъ своей овернской колеи. Но впутался въ его жизненную судьбу случай, и толкнулъ на путь священства.

Бывшему солдату «великой арміи» захотѣлось, во чтобы то ни стало, не только поправить свои дѣла, но и сдѣлаться богачемъ на славу. Нѣсколько сотъ франковъ, доставшихся ему по смерти матери, должны были послужить фондомъ для его будущаго обогащенія; кромѣ ихъ, онъ могъ разсчитывать на помощь братьевъ и родныхъ. И придумалъ онъ такую штуку.

Пюй-де Домъ и прочія окрестныя высоты составляютъ не малый предметъ любопытства путешественниковъ, съѣзжающихся на воды Мон-дора и вообще проѣзжающихъ Клермономъ.—Но эти великолѣпныя горы, покрытыя всей роскошью растительнаго царства, не представляютъ ничего, что бы могло назваться удобствомъ для любознательныхъ обозрѣвателей; капли воды нельзя тамъ найти, хоть бы кто либо изъ таковыхъ умиралъ отъ жажды. И такъ, построить харчевню при подошвѣ Пюй- де-Дома, значитъ навѣрное обогатиться. Онъ, до своихъ воинскихъ подвиговъ пасшій отцовское стадо въ горахъ, знаетъ ихъ какъ свои пять пальцевъ; поэтому, будетъ отличнымъ проводникомъ для обозрѣвателей; ну, и понятно, будетъ получать за то щедрое вознагражденіе. Сынъ, не по

годамъ развившійся, сумѣетъ управиться въ харчевнѣ. И пойдутъ дѣла на славу.

Сказано-сдѣлано; не воину же, въ самомъ дѣлѣ, великой арміи вообще, и не овернцу въ особенности уступить чьимъ бы то ни было убѣжденіямъ, хоть бы то были самыя разумныя убѣжденія жены, которую больше всего возмущало что ея любимецъ, вмѣсто продолженія своего ученаго поприща, превратится въ трактирнаго мальчишку. «Ну, ты оставайся въ своей деревнѣ, порѣшилъ отставной герой великой арміи; а мы съ Леонардомъ устроимся на Пюй-де-Домѣ.».

И устроился, при помощи братьевъ. Когда окончилась шумная пирушка ради новоселья, при чемъ было истреблено больше половины вина заготовленнаго для путешественниковъ, онъ, весь сіяющій отъ радости, сказалъ сыну: «ну, Ліунь, теперь мы цари горы. Я—что,—я неучъ; и читать то съ грѣхомъ пополамъ умѣю. А ты вѣдь не даромъ ходилъ въ школу, ты выучился; будь, значитъ, теперь честный человѣкъ. Это всего главнѣе въ проводникѣ. Такъ, вотъ мы и съ хлѣбомъ теперь на всю жизнь. А тамъ, ты будешь встрѣчаться съ людьми учеными, съ господами отъ которыхъ услышишь много прекрасныхъ вещей объ нашихъ горахъ,—воспользуйся этимъ. Я ужь слишкомъ старъ чтобы сдѣлаться умнѣе; а ты слушай и учись. И вотъ ужь буду гордъ я, какъ со временемъ услышу: «Леонардъ Бертомье знающій и честный человѣкъ».

Разсчетъ, какъ и слѣдовало ожидать, послѣ оказался вздоромъ:—обозрѣвателей горъ не могло являться слишкомъ много; да и вознагражденія ихъ не были на столько щедры, чтобы могли обезпечить существованіе стараго солдата съ семьей. Но отсюда начался поворотъ Леонардовой судьбы, о которомъ пусть разскажетъ онъ самъ.

Такова была новая почва, на которую перенесла меня капризная фантазія моего отца.

Ему не было нужды повторять приказаніе, чтобы я при-

слушивался къ толкамъ туристовъ которыхъ провожалъ на Пюй-де-Домъ, на Пюй-де-Парьонъ, и водилъ по обширнымъ кратерамъ давно угасшихъ вулкановъ. Съ жадностью ловилъ я каждое слово ихъ. Минералоги, которыхъ особенно много являлось сюда въ этотъ годъ, были моими первыми учителями и не подозрѣвая того. Съ сильной памятью, съ чрезвычайно проницательнымъ взглядомъ, мнѣ стоило лишь разъ услышать названіе какого либо камня, чтобы уже не забыть его никогда. Такимъ образомъ, мы дожили лишь до половины лѣта, какъ я уже собралъ и ярлычками обозначилъ главные камни этой мѣстности, такъ богатой минералогическими сокровищами.

Многочисленные образчики каждаго вида камней отбивалъ я молоткомъ съ особенною ловкостью, и рѣдкая недѣля проходила чтобы я не продалъ, за нѣсколько франковъ, свою небольшую коллекцію въ которой находились различные граниты, сіениты, базальты, порфиры, разновидные трахиты, горный хрусталь, халцедоны и т. п. Въ воскресенье, —день въ который гостьей являлась къ намъ мать, я гордо показывалъ ей свой небольшой кошелекъ. Она улыбалась и какъ будто говорила мнѣ: да вѣдь это не продлится долго.

Что до отца, такъ онъ былъ просто въ небесахъ. Онъ видѣлъ во мнѣ будущаго ученаго и, чрезъ недолгое время, образцоваго проводника. Храброму воину другаго идеала не представлялось.

Однажды, блестящая коляска, парой, остановилась передъ нашей дверью. Соскочили два лакея. Изъ коляски вышли — дама, очаровательная дѣвочка и три господина. Послѣдніе попросили моего отца проводить ихъ на Пюй-де-Домъ.

— Фелиси и я — мы не пойдемъ съ вами, сказала дама; Фелиси устала бы слишкомъ скоро, да и я плохой ходокъ. Я отсюда полюбуюсь на эту прекрасную гору. За вами буду слѣдить въ свой бинокль. Между тѣмъ поболтаемъ съ этимъ мальчикомъ.

И она посмотрѣла на меня чрезвычайно ласково.

— Добрый путь, господа ученые!.

Мы остались одни.

Былъ одинъ изъ тѣхъ блестящихъ дней іюня, когда гора представляется во всемъ своемъ великолѣпіи. Небо было также чисто; лазурь такая же темная, какая обрамливаетъ Везувій въ глубинѣ неаполитанской бухты, окружала наши высоты. Пюй точно отдѣлялся отъ своего громаднаго основанія, покрытаго лѣсомъ и всей роскошью растительнаго царства, во всей красѣ зелени и цвѣтовъ.

Передъ глазами, на необъятномъ горизонтѣ, разстилалась картина, очаровательнѣе которой трудно представить себѣ что нибудь.

Было жарко, но не знойно; въ воздухѣ носился ароматъ горныхъ травъ; да къ тому же и я, безпощадный собиратель, въ это самое утро, набралъ цѣлую массу травъ и цвѣтовъ, лучшихъ и рѣдкихъ, какіе и можно найти лишь въ горахъ. При помощи двухъ обручей съ бочки я сплелъ изъ нихъ два чудовищные вѣнка, точь въ точь такіе какіе имѣютъ обыкновеніе вѣшать надъ своими дверьми продавцы винъ въ Клермонѣ. Между роскошными цвѣтами горечавки и арники я размѣстилъ по немногу этого благовоннаго гнафаліума, который употребляется въ горахъ вмѣсто чаю. Отъ моихъ травъ и цвѣтовъ разливалось самое сладкое благоуханіе.

— Что за пріятный ароматъ отъ этихъ двухъ вѣнковъ, сказала дама обращаясь ко мнѣ. Да и сплетены они такъ искусно. Сестра, должно быть, твоя устроила это съ такимъ вкусомъ?

— Извините, мадамъ, я здѣсь одинъ съ моимъ отцемъ.

— Такъ, значитъ, ты сработалъ эти вѣнки?

— Да, мадамъ.

— Что это за цвѣты? да такихъ красивыхъ, кажется, и въ нашихъ цвѣтникахъ нѣтъ?

— Надѣюсь, мадамъ, сказалъ я наивно и съ чувствомъ гордости за свои горы, которымъ такая великолѣпная дама воздавала эту честь. И пахнутъ они хорошо, вотъ подождите.

И войдя въ комнату, я схватилъ благоухающую связку

арники, перемѣшанной съ гнафаліумами, которую предложилъ дамѣ и ея маленькой дочери.

— Да это просто очарованіе,—эти цвѣты. Благодарю, мой милый.

И вынувъ серебряную монету, она предложила ее мнѣ.

— Никогда, мадамъ, сказалъ я ей, я не возьму денегъ за мои цвѣты.—Эти цвѣты только дарятъ, мадамъ; ихъ не продаютъ.

Между тѣмъ, мой овернскій инстинктъ не дремалъ.

— А вотъ есть у меня, мадамъ, небольшія коллекціи минераловъ...

Я не посмѣлъ договорить, что продамъ ихъ. Немного сробѣлось.

Мой голосъ свѣжій и звучный, мой энтузіазмъ изъ за нашихъ горъ и цвѣтовъ, мой отказъ взять деньги за эти очаровательные цвѣты, которые никакъ не хотятъ аклиматизироваться въ долинахъ, скромность которую выразилъ я въ предложеніи ей минераловъ, не осмѣлившись договорить что возьму за нихъ деньги, потому что они стоили мнѣ труда, — все это сильно заинтересовало даму.

Тонкая улыбка, по которой я угадалъ что она поняла меня, мелькнула на ея губахъ.

— И прекрасно; я страстно люблю минералы. Посмотримъ, мой милый. Съ удовольствіемъ сдѣлаю здѣсь закупку. У меня уже есть чрезвычайно красивыя раковины которыя я привезла, прошлымъ годомъ, съ морскихъ купаній. Вмѣстѣ съ минералами—будетъ чудесно.—Покажи свою коллекцію.

Я вынесъ и разложилъ передъ нею свои сокровища.

— И ты знаешь названія этихъ камней?

— Конечно, мадамъ.

И отчетливо, опредѣленно,—какъ учитель вполнѣ владѣющій своимъ предметомъ, я назвалъ ей каждый изъ минераловъ.

— Такъ, сказала она; но я не такая ученая какъ ты, и не могу упомнить всѣхъ этихъ мудреныхъ названій. Изъ всего

что ты сейчасъ назвалъ мнѣ, только и удержалось въ моей головѣ что—пемза да горный хрусталь.

— Это ничего не значитъ, мадамъ; у меня есть ярлычки.

И я сейчасъ же отыскалъ клочки бѣлой бумаги, на которыхъ моимъ красивымъ почеркомъ были написаны названія минераловъ.

— Сдѣлай мнѣ коллекцію самую полную, — понимаешь?— самую богатую, какую только можешь.

Я принялся за дѣло. Впродолженіи моей работы мать и дочь внимательно наблюдали порядокъ съ которымъ я размѣщалъ образчики, и вѣрность моего взгляда по которому каждый ярлычекъ сразу занималъ свое мѣсто.

— И ты увѣренъ что не ошибаешься?

— О, совершенно увѣренъ, мадамъ.

— Но эти ярлычки отлично написаны. Твоей руки?

— Да, мадамъ.

— Чудесно! Долго ты былъ въ школѣ? тебѣ должно быть лѣтъ пятнадцать?

— Нѣтъ, мадамъ, мнѣ всего двѣнадцать лѣтъ; и лишь годъ тому какъ мать отдала меня въ школу.

— Да это похоже на чудо!

— Нисколько, мадамъ. Мы бѣдны; я думалъ о своей матери и трудился крѣпко.

Я сдѣлался немного смѣлѣе: дама казалась мнѣ такою доброю!—Это была чрезвычайно представительная личность лѣтъ сорока, съ глазами кроткими и свѣтлыми, съ лицемъ необыкновенной бѣлизны, съ легкимъ румянцемъ на щекахъ. На ней была, по современной модѣ, огромная шляпа съ развѣвающимися наверху дорогими перьями.

Когда я упомянулъ свою мать, лице ея расцвѣло.

— Такъ ты очень любишь свою мать?

— О, мадамъ, о чемъ спрашиваете вы!... Люблю ли я ее!..

И вѣроятно, изъ моего выразительнаго движенія она вполнѣ поняла мою безграничную любовь къ матери.

— Какъ эти натуры, которыхъ еще не коснулась цивили-

зація, искренни и хороши! Совсѣмъ не красивъ этотъ мальчикъ; не смотря на то, въ немъ есть нѣчто привлекающее.

Эти слова, такъ часто припоминавшіяся мнѣ послѣ, какъ будто были сказаны взрослымъ, болѣе чѣмъ ея дочь способнымъ понять значеніе ея думы, выраженной вслухъ.

— Какъ зовутъ твою мать?

— Нетта.

— Имя поэтическое.

— Испорченное моимъ дѣтскимъ лепетаньемъ, мадамъ. Ея настоящее имя—Жанна Соре.

— Понимаю. У дѣтей вездѣ одни и тѣже инстинкты. А тебя какъ зовутъ?

— Леонардъ Бертомье.

Затѣмъ, подозвавъ одного изъ лакеевъ который вмѣстѣ съ кучеромъ стоялъ у экипажа, она приказала ему осторожно отнести мои минералы въ ящикъ коляски. Послѣ чего вынула изъ своего кошелька монету и, завернувъ ее въ клочокъ бумаги, такъ что я не успѣлъ разглядѣть—что была за монета, обратилась ко мнѣ,—

— Вотъ за минералы, мой милый. Но разверни бумажку и посмотри что въ ней лишь когда вернется твой отецъ и мы уѣдемъ.—Обѣщаешь?

— Обѣщаю, мадамъ.

И я опустилъ въ карманъ бумажку, не совсѣмъ довольный, правда, что не могъ тутъ же удовлетворить свое любопытство касательно содержащагося въ ней.

Жаръ между тѣмъ усиливался.

— Нѣтъ ли у васъ чего прохладительнаго?

— Есть, мадамъ,—вино; отличное вино,—мой отецъ лишь только купилъ въ Шантюргю; пиво, лимонадъ.

— Вина я не пью; пива не терплю.—Лимонадъ же вашъ... вѣрно никуда не годится.

Я почти возмутился противъ дамы которую доселѣ находилъ такъ любезною.

— Никуда не годится!... Ну, ужъ нѣтъ! Мой отецъ слишкомъ честный человѣкъ.

По тону моего отвѣта она замѣтила что обидѣла меня. Кротко и ласково сказала за тѣмъ:

— Сдѣлай милость, потрудись принести три бутылки пива моей прислугѣ.

Я поспѣшилъ исполнить. Когда вернулся, она спросила — нѣтъ ли у меня вишенъ.

— Позвольте, мадамъ, отвѣчалъ я.

И, уставивъ столикъ въ углу комнаты гдѣ была тѣнь, накрывъ его самой чистой скатертью, я поставилъ полную корзину вишенъ, только что наканунѣ купленныхъ на рынкѣ Клермона, свѣжихъ и сочныхъ на диво.

— Вотъ такъ чудныя вишни!... Что еслибъ онѣ также свѣжими попали въ Парижъ,—Парижане съ ума бы сошли отъ нихъ. Только двѣ страны въ мірѣ, гдѣ такъ чудно хороши вишни,—Клермонъ и Неаполь.

— По моему, это объясняется очень просто, мадамъ. Вишенъ Неаполя мнѣ не случалось пробовать; но клермонскія растутъ на одинаковой почвѣ. И вкусъ, поэтому, долженъ быть одинаковый. Здѣсь и тамъ дерева коренятся въ вулканической золѣ, въ пуссоланѣ. Вотъ почему всѣ плоды, особенно абрикосы, а также и вишни, такъ хороши у насъ.

— Вотъ что!. Никогда никто не говорилъ мнѣ этого. Теперь я понимаю, отчего въ Клермонѣ мы ѣдимъ неапольскія вишни. Но кто-жъ научилъ тебя всему этому?

— Никто, мадамъ. Только путешественники часто говорили при мнѣ о Везувіи, объ его сходствѣ со многими изъ нашихъ высотъ. Почва Неаполя которая производитъ, говорите вы, лучшія вишни въ свѣтѣ, вулканическая; наша также вулканическая и производитъ превосходныя вишни. Я сдѣлалъ лишь простой выводъ.

— Весьма недурно, мой маленькій логикъ.

Дѣвочка, истребляя вишни, слушала внимательно и зорко смотрѣла на меня.

Покончивъ съ вишнями, онѣ встали; дама, взявши зрительную трубку, расположилась наблюдать своихъ путешественниковъ на вершинѣ Пюй-де-Дома.

— Да еще добрыхъ полчаса они не будутъ тамъ, замѣтилъ я.

— Въ такомъ случаѣ пройдемся. Ну, мой милый, поболтаемъ еще.

Обѣ онѣ вооружились зонтиками, и мы начали,—дама чрезвычайно медленно, взбираться по склону къ основанію конуса. По мѣрѣ того какъ поднимались мы, горизонтъ расширялся на востокъ; и лишь на нѣсколькихъ метрахъ высоты намъ бросился въ глаза необъятный бассейнъ Лимана — весь залитый свѣтомъ, съ своими необозримыми равнинами, покрытыми невообразимой роскошью зелени, и съ своими многочисленными городами которые представлялись бѣлыми пятнышками въ картинѣ.

— Боже! какъ это хорошо! дѣти мои, какъ хорошо!..

И, какъ будто спохватившись:

— Моя Фелиси, смотри же!

Гордый этимъ словомъ, которое какъ будто усыновляло меня такой великолѣпной дамѣ,—

— Да, мадамъ, сказалъ я ей, это слишкомъ хорошо; а было время когда вся эта страна, между двумя цѣпями горъ, представляла безпредѣльное озеро, въ нѣсколько сотъ метровъ глубины.

— Ты удивляешь меня, мой милый. Такъ какъже такое озеро могло высохнуть?

— Очень легко, мадамъ, какъ всѣ озера дно которыхъ каждый годъ возвышается посредствомъ наносовъ земли, посредствомъ известковыхъ осадокъ. Кромѣ того, плотина, удерживавшая воды, была прорвана подземными огнями, и озеро превратилось сначала въ болото, потомъ въ равнину, которую обработка и осушила окончательно. Такъ, на этихъ же дняхъ, объяснялъ мнѣ это одинъ ученый, что я хорошо понялъ. Точно такъ мы видимъ, на своихъ поляхъ,—пруды

мало по малу мелѣютъ, заростаютъ, а потомъ и совсѣмъ высыхаютъ. Такой феноменъ, — это слово того ученаго, совершился въ громадныхъ размѣрахъ, при осушеніи лимана, какъ онъ же замѣчается въ озеркахъ и прудахъ.

— Милый мой, съ тобой, чего добраго, и я сдѣлаюсь ученою. Но постой, ты будешь доволенъ. Одинъ изъ этихъ молодыхъ людей, который теперь съ моимъ мужемъ, предполагаетъ вернуться сюда, на продолжительное время, для изученія вашихъ горъ. Это — молодой ученый изъ Англіи, котораго намъ рекомендовали. Онъ возвращается изъ Сициліи и изъ Италіи, гдѣ видѣлъ Этну и Везувій, и предназначаетъ себя для геологіи. Ты многому можешь научиться съ нимъ.

Впродолженіе этой рѣчи дамы, дѣвочка не сводила съ меня глазъ. Передъ этимъ она, то неподвижная около насъ, казалась сильно задумавшейся, — точно подъ неотразимымъ вліяніемъ какой то мысли; то, склонившись къ рукѣ матери, она какъ будто сливалась съ нею въ единодушномъ изумленіи словамъ, которыя бойко лились съ языка деревенскаго мальчика—натуралиста.

О, какъ крѣпко сохранилась въ моей памяти эта сцена, при всей своей видимой простотѣ и незатѣйливости!.. Послѣ столькихъ лѣтъ, я все еще подъ невольнымъ вліяніемъ этого взора—за разъ такъ наивнаго и такъ полнаго огня. Бѣдный ребенокъ, что дѣлала она?—Лишь уступала этимъ отраднымъ инстинктамъ, которые дѣлаютъ такъ добрыми и такъ сострадательными юныя души. Ничего больше. А эта симпатія была окончательнымъ рѣшеніемъ всей моей жизненной судьбы, — всей и всецѣло.

Случилось, что дама нѣсколько отвернулась. Въ эту минуту дѣвочка, невыразимо граціозно, кинулась на шею своей матери и сказала ей тихо, но на столько взволнованно что шопотъ ея словъ не могъ не достигнуть моего слуха:

— О, какъ жаль, какъ горько, если не помогутъ учиться этому мальчику!..

Молнія озарила лице матери, и невыразимая улыбка мате-

ринской радости какъ будто отвѣтила дѣвочкѣ: — я понимаю тебя.

Наконецъ мы примѣтили троихъ путниковъ, которые махали намъ бѣлыми платками на вершинѣ Пюй. Мы слѣдили за ними взоромъ, пока они рѣшились сойти. Скоро показались они на первомъ уступѣ, съ котораго выдѣляется необъятный конусъ Пюй-де—Дома. Съ этого пункта сходъ уже не такъ крутъ. Мы направились къ нимъ и, когда сошлись, молодой англичанинъ не находилъ словъ для выраженія своего изумленія объ нашихъ угасшихъ вулканахъ, которые были зрѣлищемъ совершенно новымъ для него.

По отъѣздѣ дамы съ ея спутниками, я поспѣшилъ развернуть бумагу. Въ ней заключалась золотая монета. Это была первая, которая коснулась моей руки.

Да проститъ меня читатель, что я вдался въ такія мелочи касательно этой эпохи моей жизни. Это оттого что онѣ то и рѣшили мою будущность. Безъ этой встрѣчи, безъ этого разговора съ великолѣпной дамой изъ Клермона, по поводу вишенъ и минераловъ,—теперь, когда на жалкихъ клочкахъ бумаги и чаще всего карандашомъ, да и на такомъ мѣстѣ которое и языкъ не поворачивается назвать, я слагаю воспоминанія о своей священнической жизни, возмущенной такъ безпощадно и горько;—теперь вѣроятно я былъ бы честнымъ отцемъ семьи, мирно живущимъ въ деревенской лачугѣ. Не въ добрый, значитъ, часъ похвасталъ я своей ученостью предъ великолѣпной дамой и заинтересовалъ ее своей любознательностью.

Результатомъ этой встрѣчи было то-что мадамъ Лязера,— то была жена Клермонскаго мера, господина весьма богатаго, уважаемаго и вліятельнаго, приняла самое дѣятельное участіе въ судьбѣ Леонарда. Началось тѣмъ что она пристроила отца его сторожемъ въ Клермонскомъ соборѣ. Не безъ упорной борьбы старый солдатъ рѣшился перемѣнить свою свободную жизнь на должность «собаки на привязи», какъ онъ выражался;

главнѣе всего его возмущала предстоявшая невозможность— временемъ кутнуть, что называется, всласть, во всю воинскую ширь и мочь. Но настоянія жены, а еще больше убѣжденіе въ томъ что его фантастическіе разсчеты разлетаются въ прахъ. сломили его упорство: онъ сдѣлался величавымъ стражемъ Клермонскаго собора, съ сознаніемъ всей важности своего лица въ преддверіи и между скамьями его.

Леонардъ поступилъ въ коллегію. Его общеобразовательный курсъ прошелъ блестящимъ образомъ: первые призы каждаго года доставались ему. И могло ли быть иначе подъ непрерывнымъ вліяніемъ такой чудной феи, какою была для него Фелиси?—Она, конечно при посредствѣ своей матери, познакомившейся съ его матерью, съ избыткомъ снабжала его всѣмъ что только требовалось для его образовательнаго дѣла; она,— и онъ это хорошо зналъ,—незримо, но тѣмъ не менѣе зорко, слѣдила за его учебными работами, за его успѣхами которымъ радовалась даже больше чѣмъ ея мать, тоже, въ свою очередь, считавшая каждый призъ Леонарда своимъ личнымъ торжествомъ, потому что онъ былъ ея созданіе, ея дѣло. Совершенно естественно что, подъ вліяніемъ такой феи и при своихъ сильныхъ способностяхъ, онъ выработался въ коллегіи далеко не дюжиннымъ юношей. — И вотъ, ему наконецъ предсталъ выборъ дальнѣйшаго пути...

Продолжимъ его собственный разсказъ.

Нѣтъ нужды болѣе распространяться объ этомъ фазисѣ моей жизни. Успѣхи мои въ классицизмѣ были весьма значительны. Я изучалъ языки путемъ аналитическимъ, что такъ шло къ складу моихъ умственныхъ силъ. Только меня возмущало все, что называется поэзіей, краснорѣчіемъ, воображеніемъ. Поэтовъ я цѣнилъ слишкомъ невысоко. Фабриковать латинскіе стихи— было для меня камнемъ преткновенія. Литературныя экзерсиціи, которыя заставляютъ говорить Катона или Аннибала устами шестнадцатилѣтняго школьника, представлялись мнѣ сущей нелѣпицей. Но стоило мнѣ лишь открыть книгу

геометріи, физики, естественной исторіи, чтобы я не могъ уже оторваться отъ нея. Ахилла, скрытаго среди юношей, узнали по взгляду который онъ бросилъ на щитъ. Я пожиралъ, скорѣе чѣмъ изучалъ, свои геометрическія теоремы. Этому неодолимому стремленію къ строгимъ геометрическимъ выводамъ я обязанъ тѣмъ что умъ мой сдѣлался мнительнымъ и непреклоннымъ по всякому вопросу, въ которомъ не видно истины.

Увы! этотъ драгоцѣнный даръ, эта высшая цѣль всякаго умственнаго развитія,—что такъ подняло меня среди учащагося люда гдѣ этотъ даръ всегда цѣнится, — это-то, по всей вѣроятности, съ моимъ характеромъ—прямымъ, неспособнымъ къ лести и притворству, и было причиной всѣхъ бѣдъ моего священническаго поприща. Я хотѣлъ внести въ свои теологическіе труды, также какъ и въ частную жизнь, строгую точность логики, на которой успокоиваются разумъ и совѣсть. А напротивъ, для успѣха на этомъ поприщѣ, требовалось — заглушить эту жажду истины которой не терпятъ, которой не выносятъ въ церковномъ управленіи извѣстныя личности— консерваторы прошлаго до самыхъ грубыхъ его заблужденій, до самыхъ гибельныхъ его язвъ.

И такъ, мое общее образованіе кончено. Чтожъ дѣлать мнѣ дальше,—остаться ли въ коллегіи для изученія философіи? надѣть ли сутану и поступить въ семинарію?

Мнѣ было девятнадцать лѣтъ. Всѣ мои силы и способности доселѣ были поглощены трудами коллегіи. Не было ничего чище годовъ моего юношества. Я не могъ найти въ себѣ ни этихъ привычекъ, ни этихъ инстинктовъ, которые навсегда должны отдалять отъ священства.

Съ другой стороны, мы были бѣдны. Скудное жалованье, назначенное сторожу собора, доставляло намъ кровъ, одежду, хлѣбъ, но ничего больше. Правда, невелики были и труды моего отца. Значитъ, тутъ нечего было взять для устройства моей будущности. Нельзя было думать о тѣхъ поприщахъ, для которыхъ требуется дорого-стоющее образованіе, и которыя, по этому самому, составляютъ привилегію богатыхъ. —

Сильныя дарованія чрезвычайно рѣдки. Ихъ на перечетъ въ судебныхъ учрежденіяхъ, въ медицинѣ, на всѣхъ свободныхъ поприщахъ, которыя заперты для самаго генія, хоть бы онъ обнаружилъ себя съ пятнадцатилѣтняго возраста, если судьба одѣла его въ непредставительную ливрею бѣдности. Этимъ и объясняется, почему блаженная посредственность заполоняетъ все...

Значитъ, мнѣ предстояло одно изъ двухъ — слѣдовать внушеніямъ моей дорогой матери, которая не знала ничего выше и лучше должности священника, или приняться за промыселъ, — взвалить на свои плечи разносчичій коробъ и пуститься на всѣ случайности.

Какъ женщина разумная и образованная, мад. Лязера была озабочена моимъ положеніемъ. Она всячески старалась вызнать отъ моей матери о призваніи молодаго человѣка, который былъ обязанъ ей всѣмъ. Съ матерью я уже объяснился. Умъ мой былъ слишкомъ положителенъ, чтобы убаюкивать себя призраками. Создать себѣ положеніе въ мірѣ, безъ средствъ, а лишь съ кое какими пособіями благодѣтельницы, представлялось мнѣ сущей невозможностью. По моимъ понятіямъ, подъ вліяніемъ общаго мнѣнія страны, гдѣ считается великой славой для всѣхъ бѣдныхъ семей — «произвести священника», я могъ надѣяться что буду счастливъ на этомъ пути и не безъ пользы проведу свою жизнь. Поэтому моя мать сказала матери Фелиси, что я рѣшился поступить въ семинарію.

Должно отдать справедливость мад. Лязера, — она все сдѣлала съ своей стороны, чтобы заставить меня понять что дурной священникъ — язва человѣчества, и что должно принять это званіе съ твердой рѣшимостью — свято выполнить его обязанности. Моя мать, чрезъ которую дѣйствовала она, точно воспроизводила мнѣ какъ убѣжденія этой дамы, такъ и ея обѣщанія — продолжить мнѣ пособіе, если я, хоть сколько нибудь чувствуя нерасположеніе къ священству, рѣшусь избрать какое либо другое поприще.

Я раздумывалъ столько сколько можно раздумывать въ мои годы, даже съ такимъ положительнымъ умомъ какъ мой, и сказалъ своей матери что я рѣшился и—буду священникомъ.

И теперь, какъ я переживаю мысленно горькіе переходы своего священническаго пути, безпредѣльнымъ утѣшеніемъ для меня служитъ воспоминаніе, что меня не обольстили благородныя и деликатныя предложенія моей благодѣтельницы; и что не суетность и эгоистическіе разсчеты толкнули меня въ семинарію; а искреннее желаніе отдать свою жизнь на служеніе добру. То не было внутреннее, неодолимое призваніе,—сознаюсь; далеко не энтузіастъ по своей природѣ, безъ страстнаго увлеченія вступилъ я въ клерикальную семью. Но не было то и опрометчивымъ шагомъ молодости которая, такъ нерѣдко, очертя голову бросается на тотъ или другой жизненный путь: — многое тутъ было обдумано и взвѣшено, — конечно не все; но гдѣ-жъ было знать какому нибудь овернскому бѣдняку что творится въ клерикальномъ управленіи, — къ чему стремится оно, какія цѣли преслѣдуетъ? Въ служеніи священническомъ я видѣлъ служеніе правдѣ и любви; откуда жъ мнѣ было знать, что именно это-то и не терпится тутъ большинствомъ того что называется высшей церковной властью?—въ коллегіи намъ не говорили ничего о томъ.

Я поступилъ въ семинарію.

Клермонская семинарія имѣетъ особенную физіономію, — какой не имѣетъ большая часть епархіальныхъ семинарій Франціи, въ которыя рекрутируютъ, откуда и какъ пришлось, субъектовъ для священства; — она вполнѣ однородна: здѣсь всѣ—овернцы. Отсюда—неодолимый духъ корпораціи, тѣсно сплоченнаго товарищества, который родится изъ одинаковыхъ навыковъ, изъ одинаковаго воспитанія. Здѣсь можно встрѣтить всѣ добрыя свойства и всѣ недостатки этого древняго народа—аборигена. Овернецъ и въ семинаріи—истый овернецъ, гордый, смѣлый до дерзости, неуступчивый, горячій, бережливый, беззавѣтно преданный родителямъ, выше всего въ мірѣ ставящій деревню въ которой родился, гору по которой бѣгалъ, когда

пасъ отцовское стадо. И здѣсь онъ простъ до смѣшнаго, грубъ, скупъ, самолюбивъ, эгоистиченъ, падокъ на деньги, — несчастная страсть народа у котораго слишкомъ мало способовъ добывать ихъ, и всегда въ потѣ лица.

Изъ этого священническаго разсадника выходятъ впрочемъ добрыя, прекрасныя натуры, которыя добиваются таки того что сдираютъ съ себя грубую кожу овернца, и облекаются въ человѣка новаго — цивилизованнаго и образованнаго. Я видѣлъ какъ тамъ совершается, медленно и туго, это преобразованіе душъ. Тяжкое было дѣло: золото чрезвычайно трудно выходило изъ горнила; но чего же нельзя добиться съ доброй волей?

Добрые сюльпиціане, которые управляли этой семинаріей съ самаго ея основанія, избрали именно тотъ методъ, который одинъ только и годится съ натурами такъ терпкими какъ наши. Они предоставляютъ семинаристамъ великую свободу. Стѣсненіе ни къ чему бы доброму не повело съ такимъ народомъ. Этимъ они выигрываютъ то что характеры обрисовываются лучше; и имъ не приходится столько терпѣть, какъ въ другихъ мѣстахъ гдѣ преобладаетъ система стѣсненій, отъ самой позорной и гибельной язвы священства,—отъ лицемѣрія и фарисейства, отвратительная гангрена которыхъ зарождается въ семинаріяхъ, вмѣстѣ съ презрѣнными стремленіями—добиваться житейскихъ успѣховъ всѣми возможными путями и способами.

Между нами все было по товарищески-искренно, открыто и прямо.

Разъ были мы на прогулкѣ въ одно изъ этихъ чудныхъ утръ іюня, когда природа, неустанно заботливая о воспроизведеніи повсюдной жизни, работаетъ во всѣ свои необъятныя силы. Первые плоды на деревахъ уже появились—также очаровательные на взглядъ какъ и цвѣты. Оглушительное пѣніе птицъ раздавалось всюду—въ садахъ, въ воздушной выси, во всю нашу дорогу—отъ Монферана гдѣ семинарія, до вершины нагорной равнины, отдѣленной отъ центральнаго кряжа и со-

ставляющей мысъ на бассейнѣ Лимана. Эта мѣстность не что иное какъ могила, гдѣ почиваетъ наша знаменитая Герговія, славная своей упорной борьбой съ Цезаремъ. Вся покрытая развалинами, она давно уже была изучаема мною съ той страстію, которая родится изъ беззавѣтной преданности своей родинѣ. Гордый прошлой славой Герговіи, понятно, я зналъ все что только могъ найти объ ней у лѣтописцевъ и историковъ; а въ послѣдніе годы съ такимъ же рвеніемъ принялся за изслѣдованіе ея развалинъ.

Въ этотъ разъ, такъ какъ правила семинарій очень строго воспрещаютъ гулять по-двое, мы составляли группу человѣкъ въ двѣнадцать или пятнадцать, настоящихъ товарищей. То былъ цвѣтъ Оверни, молодецъ—къ молодцу. Правда, тутъ представлялся истинный пандемоніумъ характеровъ, натуръ, различныхъ инстинктовъ; но, и безъ особеннаго сходства, мы братски любили одинъ другаго: дружба, какъ и любовь, возникаетъ и изъ контрастовъ. Насъ звали монтаньярами (горцами), потому что всѣ мы были чадами нагорной равнины. Въ свою очередь, на своемъ арго, другихъ мы звали пеліерами (кожевниками).

— Ну, Savantas,—таково было прозвище данное мнѣ товарищами, переведи намъ что нибудь изъ своего Цезаря. — Вѣдь, по твоему, именно здѣсь была Герговія. Чтожъ говоритъ объ ней этотъ знаменитый убійца свободы нашей страны? Мы нѣсколько сносно понимаемъ латинь лишь кухни нашей жалкой теологіи. Передай намъ разсказъ побѣдителя по французски, по овернски,—какъ тебѣ заблагоразсудится.

И, какъ предисловіе къ чтенію, посыпались наши родныя овернскія словца, печатныя и непечатныя, сопровождаемыя неудержимыми взрывами хохота.

Когда молчаніе воцарилось въ моей мало-послушной аудиторіи, я открылъ своего Цезаря, и, среди самой безумной веселости, передалъ имъ, говоромъ своей деревни, то мѣсто гдѣ говорится объ Герговіи. Десятки разъ прерывали меня слушатели своими замѣчаніями—смѣшными до нелѣпости, своими

шутовскими объясненіями и сближеніями. Сцена была потѣшна—до уродливости; и тѣнь Цезаря, если она какъ либо завернула сюда въ эти минуты, вѣрно содрогалась въ ожиданіи концерта анаѳемъ отъ этихъ потомковъ товарищей гордаго Версингеторикса (Vercingétorix).

Никто такъ легко не увлекается потокомъ сцѣпленія мыслей, какъ семинаристы на прогулкѣ. Мудрено ли? — Такъ счастливы они на свободѣ!..

Отъ Цезаря мы сразу перескочили къ Наполеону.

— Это былъ великій человѣкъ, говорилъ одинъ.

— Да, тиранъ, говорилъ другой.

— Тиранъ? возразилъ третій. Вотъ такъ словцо. Пора бы его предоставить однимъ старымъ классикамъ.

— Онъ чрезвычайно любезно проводилъ французскую идею въ мірѣ, кричали еще.

И долго длились споры на эту тему.

— Я люблю дѣла; не люблю человѣка.

— Должно любить великихъ людей съ ихъ странностями.

— Милая странность—быть въ постоянной войнѣ съ родомъ человѣческимъ.

— Ба! да это для того чтобы бѣсить Англичанъ.

— Еще нелѣпость! Англичане развѣ не стоютъ французовъ?—Какіе-жъ вы Овернцы!

— Англичане ограбили нашу сторону, точь-вточь какъ легіоны Цезаря.

— Ну ужъ, надоѣлъ ты съ своимъ Цезаремъ. Прочь Цезаря!

— А кромѣ того, англичане теперишніе развѣ отвѣчаютъ за англичанъ четырнадцатаго вѣка?

— Поколѣнія солидарны.

— Допотопная чушь! Значитъ, парижскіе или альзаскіе евреи распяли нашего Господа. Имѣйте жь наконецъ здравый смыслъ.

— Все таки Наполеонъ одна изъ нашихъ великихъ знаменитостей.

— Да, да,—одна изъ нашихъ знаменитостей. На томъ и покончимъ. Поговоримъ о чемъ нибудь другомъ.

— А мы, горькіе бѣдняки—будущіе сельскіе священники, ему то и обязаны, чрезъ его нелѣпый Конкордатъ, что сдѣлались крѣпостнымъ людомъ священства.

— Конкордатъ спасъ религію во Франціи.

— Вотъ еще милая новость! Спасти религію! Точно, религія имѣетъ нужду въ чьемъ либо спасеніи.

— Не то; нужно было установить положеніе, и Наполеонъ сдѣлалъ это съ изумительной ловкостью.

— У него тутъ былъ свой разсчетъ.

— Всеконечно. Но великіе политики выше всего ставятъ свое собственное величіе. Виноваты ли они? — каждый работаетъ для себя.

— Такъ. Но въ какое же страшное положеніе, безправія и беззащитности, поставилъ онъ несчастнаго сельскаго священника!

— Какъ быть? это была непредусмотрительность,—вотъ и все. Конкордатъ создалъ нѣсколько неотрѣшаемыхъ личностей, на безусловную волю которыхъ и отдалъ все низшее духовенство. Кому и для чего это было нужно, — понять не трудно. И Наполеонъ тутъ ни при чемъ. Онъ не былъ теологомъ, не былъ и пророкомъ. Какъ могъ онъ угадать, къ чему стремятся и чего добиваются составители грамоты? Кромѣ того, мѣра была временная. Еслибъ онъ царствовалъ дольше, то, по всей вѣроятности, нашелъ бы какія нибудь средства противъ этого зла.

— Ну, а бурбоны почему-жъ не сдѣлали этого?

— Ой ты, прикуси свой язычекъ. О политикѣ здѣсь не толкуютъ.

— Да и я-жъ не о политикѣ толкую. А захочу говорить объ ней, такъ буду говорить.

— О-да, ты слишкомъ упрямъ на этотъ счетъ.

— Будетъ! Отъ Цезаря мы перескочили къ Наполеону;

отъ Наполеона къ Конкордату; отъ Конкордата къ политикѣ.— Долой политику.

— Я все таки скажу, что Наполеонъ и бурбоны хотѣли, чтобы епископы держали клиръ подъ желѣзной ферулой.

— И поставили сельскихъ священниковъ въ жалкое положеніе.

— Что до меня, то каково бы оно ни было, я буду доволенъ: Clitellas dum portem meas. Поволоку свое ярмо, какъ бы ни было тяжко и болѣзненно оно.

— Хорошо такъ говорить; но требуется слишкомъ сильное призваніе, чтобы принять это положеніе безвыходнаго рабства.

— Аа! призваніе! призваніе!

— Ну-да призваніе!. Думаете ли вы что священниковъ ужь и не-было бы, если бы имъ предстояла лучшая, болѣе прочная и надежная будущность?

— О, глупая голова! да изъ за этого не будетъ никогда недостатка въ призваніяхъ.

— Понимаютъ ли въ двадцать лѣтъ что дѣлаютъ, когда поступаютъ въ семинарію?

— Безъ сомнѣнія,—хотятъ быть священникомъ.

— Всеконечно такъ. А главное побужденіе?

— О, да ихъ тысячи.

— Посмотримъ. Насъ здѣсь человѣкъ десять или пятнадцать; и я ручаюсь, что двоихъ нѣтъ между между нами, которые поступили бы по одному и тому же побужденію.

— А вотъ это сейчасъ же можно узнать. Ну, чада, безо лжи! Сердце на ладонь, безъ утайки! По овернски, учинимъ исповѣдь—что каждаго изъ насъ побудило стать именно на эту дорогу.

Доселѣ я не вмѣшивался въ эту нескладную и праздную болтовню. Вопросъ о призваніяхъ затронулъ мое любопытство.

— И я непрочь, сказалъ я имъ; и сейчасъ же начинаю допросъ. Вы будете отвѣчать мнѣ.

— Отлично! пусть Ліунь насъ спрашиваетъ.

— Ну! съ права—на лѣво. Ты, толстякъ?

— Я? О, это очень просто. Я сообразилъ, что мнѣ будетъ спокойнѣе и привольнѣе въ хорошей пресбитеріи чѣмъ пасти коровъ.

— Вотъ такъ откровенно. Браво!

Мои молодцы расходились и неистово-шумно рукоплескали откровенному призванію. Значитъ, одинъ уже опредѣлился. Призваніе лѣни.

— А ты, doctissime? сказалъ я одному уморительному весельчаку который отваливалъ намъ, безостановочно и невозмутимо, цѣлыя страницы изъ своей теологіи отзубренныя наизусть, точь-вточь какъ ребенокъ валяетъ свои басни.

— Я могъ угодить въ солдаты, къ чему никакого расположенія не имѣется. Я боюсь и дотронуться до ружья.

Новый взрывъ — браво. — Двое опредѣлились. Призваніе трусости.

— Вы, monseigneur? сказалъ я одному красивому абатику, семнадцати лѣтъ, который часто возводилъ свои очи горѣ.

— Я думалъ что, сдѣлавшись священникомъ, смогу лучше любить благаго Бога.

Трое. Призваніе мистическое.

— Ты, великолѣпный? Это прозвище дано было нами сыну одного толстаго торговца коровами; — то былъ щеголь семинаріи.

— А я полагалъ, что блестящее облаченіе не совсѣмъ дурно будетъ лежать на моихъ плечахъ.

Призваніе суетности.

— Ты, удалой? обратился я къ молодцу боевому, смѣлому, предпріимчивому, — настоящему типу овернца который хочетъ сдѣлаться чѣмъ нибудь.

— Мнѣ чрезвычайно понравился стихъ ап. Павла: «кто епископства хочетъ добраго дѣла желаетъ». Митра будетъ чудесно идти ко мнѣ.

Призваніе тщеславія.

— Ты, Иванъ-толстой?

— Мои желанія слишкомъ скромны. Въ своей деревнѣ я жилъ по нищенски. Ну, а въ пресбитеріи вѣрно будутъ у меня и доброе вино, и пріятели.

Призваніе тунеядства и жизни разгульной.

— Ваше призваніе, messire Guillaume?

— О, я буду такое же важное лице какъ г. меръ.

Призваніе честолюбія.

— Ты, Piarre?

— Я сдѣлаю счастливою свою добрую мать въ ея старости.

Призваніе добраго сердца.—Каждый отвѣтъ сопровождался оглушительными и продолжительными браво.

Когда всѣ были спрошены, товарищи хотѣли чтобы и я опредѣлилъ свое призваніе.

— Что до меня, отвѣчалъ я, то одно у меня желаніе — учить людей правдѣ и любви.

Мы еще нѣсколько времени тѣшились этой сценой — гдѣ каждый былъ на распашку. Впослѣдствіи, нѣкоторые изъ этихъ молодыхъ людей сдѣлались славными священниками и не безплодно, для добра, провели свою жизнь.

Другіе оказались несостоятельными. Позднѣе я узналъ, что изящный абатикъ такъ нѣжно возводившій свои очи горѣ и желавшій быть священникомъ чтобы любить Бога единаго, послѣ того какъ его въ клермонской епископіи лелѣяли точно ангела небеснаго и назначили, въ тридцать два года, старшимъ священникомъ кантона, свелъ свою любовь, да и не по одинъ разъ, на нѣчто совсѣмъ иное. Это впрочемъ не мѣшало ему быть блестящимъ священникомъ, котораго мѣстныя аристократки только что на рукахъ не носили.

Впродолженіи моего семинарства Фелиси уже не заглядывала въ наше убогое помѣщеніе. Въ это время она была во всемъ блескѣ своей молодости и красоты. Высшій свѣтъ Клермона считалъ ее своей знаменитостью. Извѣстное имя, богатое состояніе Лязера, завидные таланты развитые многосторон-

нимъ и серіознымъ образованіемъ самой Фелиси, въ соединеніи съ безпредѣльной добротой и благородствомъ души,—все это дѣлало ее слишкомъ завидной невѣстой чтобы на нее не разсчитывали для своихъ сыновей, лучшія и наиболѣе состоятельныя семейства Оверни и сосѣднихъ провинцій Но искательства самой блистательной молодежи высшаго свѣта не вели ни къ чему: на всѣ предложенія она отвѣчала полнымъ и безусловнымъ отказомъ.

Объ этомъ, какъ и обо всемъ, шли толки и у насъ—въ семинаріи,—толки, не больше какъ предметъ обычной болтовни. Но нескромность, конечно ненамѣренная, семинарскаго эконома примѣшала мое имя къ имени этой новой Лауры которая отказывала на всѣ блестящія предложенія. Случилось это такъ. И въ этотъ годъ, какъ всякій годъ прежде, мои благодѣтельницы доставили мнѣ, чрезъ эконома, все потребное для семинариста, вмѣстѣ съ богатымъ выборомъ книгъ, какія я могъ бы имѣть лишь при обширныхъ средствахъ. Годъ этотъ былъ послѣдній въ семинаріи, и я уже былъ назначенъ къ иподіаконскому посвященію; т. е. мнѣ предстояло скоро произнести страшные и невозвратимые обѣты. Въ письмѣ, написанномъ рукою мадамъ Лязера и адресованномъ эконому, оказались двѣ золотыя монеты, въ двухъ различныхъ оберткахъ. На одной изъ нихъ значилось: «карманныя деньги абата Бертомье»,—то была рука м. Лязера; на другой—«Г. Ліуню»,—то былъ изящный, твердый, магистральный почеркъ Фелиси.

Добрый экономъ доставилъ мнѣ, со всей точностью, даръ моихъ благодѣтельницъ. Но случилось вскорѣ послѣ этого, что при немъ говорили о той массѣ добра какую разсыпала, въ Клермонѣ, эта благородная семья;—не утерпѣлось доброму человѣку чтобы не разсказать, и со всѣми подробностями, о томъ благородствѣ съ какимъ двѣ Лязера предупреждали всѣ нужды семинариста Бертомье. И пошли догадки, толкованія, намеки объ этомъ покровительствѣ. О нескромности эконома я узналъ много позднѣе, когда, благодаря ей, приходилось мнѣ переживать много горькихъ минутъ.

Впрочемъ должно сознаться, — я видимо страдалъ всякій разъ какъ имя обѣихъ Лязера, особенно младшей, произносили передо мной. Не то, — Богъ свидѣтель мнѣ въ этомъ, чтобы я имѣлъ низость стыдиться получаемыхъ отъ нихъ благодѣяній; — нѣтъ, я видѣлъ въ нихъ милосердую руку божественнаго Промысла, восполняющаго нашу скудость. Но что то смутное, въ чемъ я не могъ отдать себѣ никакого отчета, что то невыразимо тяжелое чувствовалось и теперь на душѣ, какъ въ то время когда изъ рукъ м. Лязера я получалъ свои коллегіальные призы. Что значили эти, неразгаданныя мною, ощущенія?

Когда наступило время произнести обѣтъ, который навсегда отрѣшитъ меня отъ всякой земной любви, чтобы я весь, всецѣло и безраздѣльно, душой и тѣломъ, принадлежалъ Богу и его церкви, — почтенный старецъ, мой руководитель, приказалъ мнѣ проникнуть въ самую глубь своей совѣсти, изслѣдовать всѣ ея изгибы и тайники, для окончательнаго убѣжденія что тамъ уже не скрывается никакихъ сожалѣній о земныхъ привязанностяхъ, ни малѣйшихъ признаковъ чего либо въ родѣ человѣческой страсти, и что я съ безусловнымъ самоотреченіемъ могу воскликнуть:

Ergo nostra manes portio, tu, Deus!

Моя совѣсть не замедлила отвѣтить мнѣ, что никакая связь не удерживала меня въ мірѣ, и что я могъ совершенно свободно избрать Бога — «долей наслѣдія». —

Подъ этимъ то впечатлѣніемъ я принялъ участіе въ потрясающей церемоніи иподіаконскаго посвященія. Простертый на античномъ помостѣ собора, передъ лицемъ старца первовосвятителя, весь подъ подавляющимъ вліяніемъ торжественнаго посвященія, — я внималъ читаемымъ надо мною молитвамъ, точно въ самомъ дѣлѣ это былъ тотъ страшный часъ, въ который я предстоялъ предъ всевѣдущимъ и давалъ ему отчетъ въ правотѣ своихъ намѣреній при вступленіи въ священство.

Наступила минута, въ церемоніалѣ посвященія, когда сопровождающій епископа архидіаконъ обратился къ намъ, и, медленно произнося обрядовую формулу, огласилъ насъ слѣ-

дующими словами: «Еще есть время. Ничто васъ не обязываетъ. Но знайте что, одинъ шагъ впередъ, вы приняли уже непреложный обѣтъ».

Насъ посвящающихся было семеро, всѣ облаченные въ бѣлые стихари и съ бѣлыми нарамниками, которые покрывали всю голову, кромѣ лица. Трое съ моей правой стороны ступили впередъ; трое съ лѣвой также.

Я оставался неподвиженъ.

Это было точно громовой ударъ для клерикальной массы собора. Всѣ взоры направились на меня. На памяти людской примѣра не бывало, чтобы хоть кто нибудь принялъ буквально произнесенныя архидіакономъ слова.

Епископъ смутился. Архидіаконъ, который былъ главнымъ викаріемъ—личность всемогущая въ епархіи, нахмурилъ брови; вся семинарія была въ невыразимой тревогѣ. Лишь добрые сульпиціане невозмутимо оставались на своихъ сѣдалищахъ.— Чуть сдерживаемый говоръ поднялся между народомъ—между этими благочестивыми клермонцами, которые были жадны до такихъ зрѣлищъ.

— Сынъ сторожа Бертомье не приступаетъ къ посвященію.—Чтожъ это такое?

Шумъ усиливался; въ народѣ начиналось волненіе. Моя мать, помѣщенная вмѣстѣ съ родителями прочихъ посвящающихся передъ самой рѣшеткой хора, упала въ обморокъ; ее поспѣшили вынести изъ церкви. Смятеніе дѣлалось общимъ. Какой то невѣдомый страхъ начиналъ овладѣвать толпой.

Женщины принимались уже за хныканья. Мужчины влѣзали на скамьи, чтобы хорошенько разсмотрѣть героя этой драмы. Воображеніе всѣхъ было возбуждено до послѣдней степени;— и какже иначе? вѣдь тутъ скрывалась какая то тайна.

Вдругъ, двѣ дамы изъ самыхъ первыхъ рядовъ, великолѣпно одѣтыя, поднялись съ своихъ мѣстъ и начали пробиваться сквозь толпу къ боковой двери церкви. Кое-какъ пробились онѣ и уѣхали. Отъ народа, который умѣетъ все подхватить, не

ускользнуло — что младшая изъ дамъ, поразительной красоты, сказала старшей: «маманъ! выйдемъ».

Эта младшая была Фелиси Лязера. Народъ, у котораго чутье чародѣя, съ этимъ, такъ простымъ по внѣшности, случаемъ не задумался соединить и диковинный случай съ семинаристомъ отказавшимся вступить въ священный чинъ. Въ тотъ же день я былъ уже героемъ легенды въ которой повѣствовалось, да и доселѣ еще повѣствуется въ Клермонѣ, что воспоминаніе о любви остановило меня отъ произнесенія иподіаконскаго обѣта.

Когда я собрался съ мыслями, то всталъ, сдѣлалъ благоговѣйное колѣнопреклоненіе предъ алтаремъ, такое же предъ епископомъ принимавшимъ обѣты прочихъ посвящаемыхъ, и удалился въ ризницу собора. Тамъ снялъ съ себя парадное облаченіе и вернулся въ ряды товарищей, которые еще не были назначены къ посвященію.

Затѣмъ тишина возстановилась во всей церкви. Святитель продолжалъ и кончилъ церемонію среди глубокаго безмолвія. Въ сущности, только и случилось что однимъ иподіакономъ на этотъ разъ было меньше.

Чтоже такое вдругъ произошло во мнѣ?

Ослѣпляющей молніей мелькнули въ моей головѣ слѣдующія мысли:

— Но не обманываешься ли ты? въ самомъ ли дѣлѣ ты совершенно увѣренъ, что никакая земная страсть не вошла въ твое сердце и не царитъ тамъ всесильно, чего лишь разгадать ты не умѣлъ? А иначе, отчего-жъ безъ смущенія, безъ трепета, безъ пурпура въ лицѣ, не могъ вспомнить ты своей юной благодѣтельницы, еще когда былъ въ коллегіи? Не было ли уже это зародышемъ страсти, которую ты лелѣялъ еще съ того возраста? А дальше, это неутомимое рвеніе къ научнымъ занятіямъ, которое охватило всего тебя — отъ начала ихъ и чрезъ весь курсъ семинарскій, — не была ли главной причиной его всё таже благодѣтельница, неодолимое вліяніе которой ты видѣлъ

въ ея пособіяхъ, въ ея книгахъ, во всемъ что отъ нея доходило до тебя? — А дальше, этотъ ничтожный клочокъ бумаги, съ еще больше ничтожной надписью — «Г. Ліуню», — во имя чего же онъ сдѣлался для меня такой драгоцѣнностью, что я не зналъ уже куда и убрать его? какъ лучше и хранить его? — во имя чего я изучилъ эти немногія буквы не просто съ любопытствомъ, а съ самымъ страстнымъ увлеченіемъ, и пр. и пр.? Что все это было? что значило?

Съ этой страшной тревогой охватившей всего меня, могъ ли я, по совѣсти, произнести обѣты? Была даже минута когда мнѣ представилось, что она наполняла всю мою жизнь до этого роковаго часа; что я трудился изъ за нея, ради нея, что она была моей главной, моей единственною мыслью. Что оставалось послѣ этого какъ не воспользоваться архидіаконскимъ: «еще есть время»?...

Но что за бездна самыхъ невѣроятныхъ нелѣпостей скрывается въ душѣ человѣка! Я еще не вернулся въ ряды не посвящаемыхъ товарищей, какъ мысли мои приняли другое направленіе, и все пронесшееся въ моей головѣ представилось совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ.

Уже въ ризницѣ я говорилъ себѣ, что заслуживаю полнѣйшаго дурака за этотъ пошлый и безсмысленный, розыгранный мною, фарсъ; что не найдется молодаго человѣка, на землѣ, который больше или меньше не думалъ бы о той или другой молодой особѣ противоположнаго пола, даже о многихъ, и даже не считалъ себя влюбленнымъ на всю жизнь; что давать обѣты въ священномъ чину, совсѣмъ не значило утверждать всецѣлое отсутствіе какой либо любви въ прошломъ, а означало лишь твердое намѣреніе строго соблюдать во всю жизнь воздержаніе; что церковь ничего другаго и не требуетъ, и въ этомъ скрывается глубокая мудрость; потому что, еслибъ это разумѣлось иначе, обязательное безбрачіе сдѣлало бы возможнымъ священство развѣ для однихъ дѣтей до ихъ возмужалости.

Вотъ что говорилъ я себѣ; и какъ церемонія была слишкомъ продолжительна, то у меня было достаточно времени чтобы

перебрать и опровергнуть, одно за другимъ, всѣ возраженія, какія только могли представиться мнѣ. Въ концѣ концовъ, я пришелъ къ убѣжденію что возбужденное и раздраженное воображеніе сыграло со мной очень дурную шутку. Что прекрасный порывъ Фелиси, при подошвѣ Пюй-де Дома, навсегда врѣзался въ моей памяти, было совершенно естественно; что имя ея сдѣлалось дорогимъ для меня, такъ иначе и быть не могло: ей обязанъ я величайшимъ изъ всѣхъ благодѣяній, какое только можно оказать человѣку на землѣ,— своимъ образованіемъ.—А своимъ влеченіемъ къ естественнымъ наукамъ я нисколько ей не обязанъ: до нее, еще деревенскимъ мальчишкой, я уже чувствовалъ къ нимъ неодолимое призваніе.

Но могъ ли я разсчитывать на что либо впереди? — всего менѣе.—Чтобы эта звѣзда первой величины на клермонскомъ небѣ могла сдѣлаться чѣмъ либо для меня—нищаго семинариста, сына солдата — сторожа, такой сумасбродной мысли даже и не мелькало подъ моимъ черепомъ. За весь свой семинарскій курсъ я не только не говорилъ съ Фелиси, но и ни разу не видалъ ее. По всей вѣроятности, сдѣлавшись бѣднымъ сельскимъ священникомъ, затерянный гдѣ либо между снѣгами горъ, я ни разу и не увижу ее во всю свою жизнь. Значитъ, чѣмъ была бы она для меня? — отраднымъ воспоминаніемъ; но воспоминаніемъ грезы — не больше. Еслибъ мнѣ вздумалось любить этотъ призракъ, то никто не помѣшалъ бы этому; я могъ дозволить себѣ эту прихоть, даже не ожидая и кары божіей за то. Скорѣе нужно было бояться что и я, какъ столько другихъ лицъ въ священствѣ, забуду благодѣянія которыя дали мнѣ возможность сдѣлаться служителемъ алтаря.

Совершенно спокойный возвратился я въ семинарію. Въ пріемной меня ждала мать въ смертельной тревогѣ. Я обнялъ ее и утѣшилъ:

— Ничего не бойся, дорогая мать; то было недоумѣніе, смутившее меня; но я уже поборолъ его.

Въ клерикальномъ мірѣ мое приключеніе надѣлало великаго шуму. Зилоты, фарисеи, особенно юнѣйшіе и честолюбивѣйшіе, кричали о соблазнѣ; по ихъ, то что я сдѣлалъ, было ужасно. «Такой соблазнъ при самомъ посвященіи! — Чего жъ неподумаютъ послѣ этого свѣтскіе люди?! Да этимъ данъ имъ поводъ утверждать что много призваній сомнительныхъ. — Этотъ негодяй отступилъ въ рѣшительную минуту, — прямое основаніе заключать что множество другихъ, не такъ мнительныхъ, дѣлали и дѣлаютъ роковой шагъ, не особенно раздумываясь о послѣдствіяхъ». Но всего вздору какимъ разрѣшились эти ревнители благочестія, не припомнишь; да и не стоитъ примоминать.

Иначе говорили старѣйшіе и разумнѣйшіе. Правда, старики-каноники и священники собора соглашались, что это случай неслыханный въ лѣтописяхъ священства; но они крѣпко стояли на томъ что, значитъ, слишкомъ высоко ставитъ клиръ тотъ кто не рѣшился войти въ него безъ несомнѣннаго призванія; и что, поэтому, онъ заслуживаетъ не порицаній и ругательствъ, а одобренія и сочуствія.

Добрые сульпиціане хранили безусловное молчаніе о случившемся. Нашъ суперіоръ (главный начальникъ семинаріи, ректоръ) даже и не намекнулъ мнѣ никогда объ этомъ и сказалъ, какъ мнѣ послѣ передали, по поводу этого:

— Это дѣло совѣсти.

Иначе посмотрѣли на это въ епископіи. Главный викарій — всесильная личность въ епархіи, Дюмойень, не по пусту нахмурилъ свои брови, когда изъ за меня вышла остановка въ церемоніалѣ посвященія. Въ первое же засѣданіе епископскаго совѣта членомъ котораго, естественно, былъ и нашъ суперіоръ, онъ заявилъ свое крайнее раздраженіе.

Обратившись къ нашему почтенному начальнику, онъ при всемъ совѣтѣ сказалъ:

— Да, отецъ суперіоръ, славными сюрпризами надѣляютъ насъ ваши семинаристы. Хоть бы ужъ предупреждали насъ эти потѣшные молодцы, — покрайней мѣрѣ насъ не озадачивали

бы ихъ комическія представленія. А то я и доселѣ не могу опомниться отъ глупости или наглости этого негодяя Бертомье. И нужно было принимать такую тварь въ семинарію, тогда какъ прямое назначеніе его—пасти коровъ тамъ—гдѣ нибудь въ горахъ. Дамы Лязера,—и раздраженіе его при этомъ имени повысилось на нѣсколько нотъ, — чрезъ это поднесли намъ скверный гостинецъ.

Дюмойень не терпѣлъ семейства Лязера,— и не безъ причины. Года три или четыре тому, года за два до іюльской революціи, Муленское епископство сдѣлалось празднымъ, и за него слишкомъ горячо хлопоталъ, въ Парижѣ, Пюй-де-Домскій префектъ съ которымъ онъ былъ особенно близокъ. Министру не понравился рапортъ префекта, въ которомъ восхваленія Дюмойеня были ужъ черезъ чуръ пересолены Онъ отнесся къ г. Лязера, чтобы тотъ совершенно конфиденціально увѣдомилъ его объ личности такъ захваленной. Лязера поставило это въ чрезвычайное затрудненіе. Порученіе было непріятно и само по себѣ, и возлагало важную отвѣтственность. Онъ совѣтовался со многими и много; но въ пользу Дюмойеня слышалъ слишкомъ мало. Наконецъ онъ спросилъ объ этомъ свою жену.

— Дюмойень епископъ! сказала она; пожалуй, если вы хотите дать епархіи безпощаднаго тирана.

Благодаря этимъ словамъ, епископская митра проскользнула мимо головы бѣднаго искателя.

Конфиденціальное донесеніе было, значитъ, вполнѣ неблагопріятно для него.

Но въ провинціальныхъ городахъ не можетъ быть ничего сокровеннаго. Префектъ, самолюбіе котораго было уязвлено, спутешествовалъ въ Парижъ, и не только узналъ о причинѣ неудачи, но добился, въ канцеляріи министра, и самого донесенія Лязера. Вернувшись онъ, разумѣется, передалъ своему хваленому — изъ за кого потерпѣли они оба такую неудачу. Главный викарій принялъ это какъ кровную обиду себѣ и возненавидѣлъ, на сколько могъ, Лязера. Мало этого, онъ пустилъ въ ходъ всѣ способы чтобъ довѣдаться, откуда и какъ

могли дойти до Клермонскаго мера такъ неблагопріятныя для него свѣдѣнія. Лязера какъ то сказалъ одному изъ своихъ друзей, что главнымъ побужденіемъ изъ за котораго онъ высказался противъ Дюмойеня, была его невыносимая тираннія по отношенію къ низшему духовенству. А на вопросъ, какъ онъ узналъ объ этомъ, Лязера отвѣтилъ: между прочимъ отъ жены. Эти слова дошли до главнаго викарія. Отсюда его ненависть уже ко всей семьѣ, и его усиленно раздраженный тонъ при названіи дамъ Лязера.

Суперіоръ семинаріи выслушалъ, съ величайшимъ хладнокровіемъ, грозную рѣчь главнаго викарія о семинаристахъ вообще, и о бѣдномъ Бертомье въ особенности.

— Я думаю не такъ, какъ вы, объ этомъ молодомъ человѣкѣ, отвѣтилъ онъ. Извѣстный поступокъ его былъ довольно страненъ, правда, но тутъ не замѣчается ни глупости, ни наглости. Церковь, господинъ главный викарій, мудро постановила чтобы, до послѣдней грани, молодой церковникъ имѣлъ всю возможность воспользоваться своей свободой, если вопль совѣсти, въ эту торжественно-роковую минуту, предупреждаетъ его не идти дальше. Съ этой точки зрѣнія, единственно вѣрной, обсуждали мы, въ семинаріи, сказанный поступокъ; и ни единаго обвиняющаго голоса не было. Въ ближайшее посвященіе мы увидимъ, что изъ этого послѣдуетъ. Чѣмъ больше мы будемъ уважать эту свободу въ нижнемъ чину, тѣмъ меньше можетъ быть не призванныхъ, значитъ, недостойныхъ служителей алтаря, каковые, кнесчастію, встрѣчаются слишкомъ нерѣдко.

— Это такъ; это совершенно вѣрно, сказалъ старецъ епископъ, который всегда соглашался съ послѣдне-высказаннымъ мнѣніемъ.

— Такъ, ваше преосвященство, возразилъ главный викарій; но нужно видѣть, какое дурное дѣйствіе произвела сцена этого рода на общественное мнѣніе. До васъ не все доходитъ, ваше преосвященство. Но мнѣ извѣстно что многіе изъ нашихъ священниковъ, наиболѣе благочестивыхъ, крѣпко возмущены

этимъ соблазнительнымъ случаемъ; а въ народѣ уже ходятъ мало назидательные разсказы о любви между этимъ молодымъ человѣкомъ и младшей Лязера.

— Что за нелѣпая сказка! оборвалъ второй главный викарій, который сильно соперничалъ съ Дюмойенемъ.

— Я готовъ вѣрить что между ними не было ничего дурнаго; но соблазнъ въ церкви часто происходитъ отъ проступковъ мнимыхъ, лишь предполагаемыхъ, точно также какъ и отъ преступленій дѣйствительныхъ. Съ своей стороны, я положительно и прямо заявляю, что этотъ молодой человѣкъ долженъ быть исключенъ изъ священства.

— Это черезъ чуръ жестоко, снова возразилъ второй главный викарій.

— Да, жестоконько, поддакнулъ епископъ.

— Ваше преосвященство, возразилъ суперіоръ, это было бы вопіющей несправедливостью. Бертомье велъ себя отлично; онъ съ способностями, ученъ, силенъ въ теологіи. Исключивъ его, вы лишили бы епархію, положимъ, не самаго блестящаго, но одного изъ самыхъ надежныхъ дѣятелей.

— Повѣрьте — его безразсудство всегда будетъ ему вредить въ приходской службѣ. Этотъ соблазнительный случай еще всячески раскрасятъ, и вы увидите что современемъ его служеніе сдѣлается невозможнымъ. Пресечемъ же зло, пока еще можно.

— Вы не пресечете никакого зла, потому что его нѣтъ и не бывало. Ни одно изъ святыхъ правилъ церкви тутъ не нарушено; значитъ, вы совершили бы самую возмутительную несправедливость.

— Отецъ суперіоръ, тяжело мнѣ сказать вамъ, но я не согласенъ съ вами. Если его преосвященству угодно согласиться съ моимъ мнѣніемъ, то онъ не посвятитъ защищаемаго вами. Ему дадутъ хорошее свидѣтельство, пусть убирается въ другую епархію; но я считаю теперь невозможностью оставаться ему въ клермонской.

Епископъ былъ въ не маломъ затрудненіи. Главный викарій только что пустилъ въ дѣло свое таинственное словцо, то самое которое всегда производило магическое дѣйствіе на умъ старца: «если его преосвященству угодно согласиться съ моимъ мнѣніемъ».

— Я предложилъ бы его преосвященству подождать слѣдующаго посвященія, замѣтилъ нашъ добрый начальникъ.

— Можетъ быть это было бы и хорошо, отвѣчалъ епископъ.

— Это было бы всего лучше, подтвердилъ второй главный викарій.

— Не должно оставлять еще на три мѣсяца тѣшиться семинаристамъ этой соблазнительной исторіей и осквернять свое воображеніе догадками и предположеніями, а языкъ розсказнями объ любви земной. Нѣтъ, и не можетъ быть ничего опаснѣе этого въ семинаріяхъ; отецъ суперіоръ долженъ знать это.

— Правда, опасно, согласился епископъ.

— Позвольте по крайней мѣрѣ, ваше преосвященство, сказалъ тогда суперіоръ, пустить дѣло на голоса совѣта.

Епископъ по порядку спросилъ мнѣнія всѣхъ членовъ. Противъ меня оказался одинъ только голосъ озлившагося Дюмойеня.

Епископъ рѣшилъ, что я остаюсь въ епархіи.

— Ну, это мы еще увидимъ, заключилъ главный викарій.

Съ этого самаго времени онъ сдѣлался моимъ безпощаднымъ врагомъ. На мнѣ, слабомъ и ничтожномъ, захотѣлъ онъ вымѣстить ничѣмъ непримиримую свою ненависть къ мадамъ Лязера.

Приближалось время слѣдующаго посвященія, и я былъ въ числѣ назначенныхъ. Мой духовный руководитель не придавалъ никакой важности тѣмъ сомнѣніямъ, которыя останавливали меня при предъидущемъ посвященіи. Я ему разсказалъ

все съ самой дѣтской искренностью. И онъ повторилъ то самое что и мнѣ приходило уже въ голову.

— Пришлось бы имѣть лишь десятилѣтнихъ священниковъ, еслибъ стали требовать чтобы посвящаемые юноши были абсолютно чужды всякихъ сердечныхъ воспоминаній.

Въ ничѣмъ ненарушаемомъ безмолвіи своей кельи, которое обыкновенно предшествуетъ посвященію, я, подавивъ всѣ порывы воображенія, строго и безстрастно взвѣшивалъ свое прошлое: образъ Фелиси представился мнѣ лишь какъ воспоминаніе, отъ котораго нисколько не смущалась моя совѣсть; воспоминаніе также чистое и свѣтлое какъ и объ родной моей матери. Но, Боже мой, зачѣмъ не были также строго взвѣшены и всѣ возможности будущаго?!..

И вотъ настала и кончилась торжественно-роковая минута: посвященіемъ въ иподіакона, я переступилъ ту страшную грань изъ которой уже нѣтъ поворота, нѣтъ прямаго выхода.

Важнѣйшій актъ священнической жизни — не священничество (въ тѣсномъ смыслѣ), а иподіаконство. Діяконство и священничество — лишь переходныя ступени въ священствѣ. Священничество разширяетъ права; но не налагаетъ новыхъ обѣтовъ. Эти обѣты, до послѣдняго вздоха земной жизни, даются при посвященіи въ иподіакона. Въ чемъ же состоятъ они?

— Безбрачіе и бревіарій, [1]) всего только.

Безбрачіе, когда не имѣютъ никакаго понятія о женщинѣ; когда никто и не говорилъ этимъ кандидатамъ въ священство объ ней; когда самый образъ ея изгонялся изъ ихъ мысли какъ оскверненіе!. Бревіарій, — непрестанное читанье котораго наизусть обязательно подъ карою вѣчнаго осужденія, каковое, по утвержденію извѣстныхъ богослововъ, пристигнетъ за опу-

---

[1]) Въ православной церковной практикѣ нѣтъ слова, которымъ совершенно точно можно бы передать католическое—**Brèviaire**. Это не канонникъ», не «служебникъ», — а книга повседневно читаемаго «Правила», невѣдомая православному духовенству. О содержаніи ея, по нѣкоторымъ особымъ причинамъ, не представляется возможнымъ говорить.

щеніе одного какого либо псалма!.. Семинаристъ, въ минуту своего посвященія, не больше разумѣетъ къ чему обязывается онъ обѣтомъ отзубривать этотъ несчастный бревіарій, доводящій до отчаянія девять десятыхъ священниковъ, какъ и тово что современемъ обойдется ему его обѣтъ цѣломудрія.

Въ средніе вѣка такъ все, не исключая и души человѣческой, принималось на выворотъ, что самыя лучшія, чистыя и благородныя душевныя стремленія, молитвенныя, сумѣли обратить въ ярмо невыносимое и только что непроклинаемое. Хорошо составленная книга изъ псалмовъ вѣчно прекрасныхъ, изъ библейскихъ отрывковъ многочисленныхъ и разнообразныхъ; изъ легендъ строго историческихъ и очищенныхъ отъ сказочныхъ нелѣпостей, такая книга была бы двигателемъ и руководителемъ въ дѣлѣ молитвы; значитъ, истиннымъ благодѣяніемъ для всѣхъ лицъ клира. Пусть чтеніе ея было бы и обязательно для всѣхъ, но съ извѣстными ограниченіями, на случаи, напр., чрезвычайнаго утомленія физическаго или умственнаго, путешествія, и п. т. п; притомъ, обязательно по совѣсти, а не подъ разными карами и всевозможными страхованіями; обязательно такъ какъ слѣдуетъ быть обязательнымъ для существа разумно—свободнаго.

Теперь, представьте же себѣ что такая книга есть, но нелѣпѣйшимъ образомъ составленная, и что ее обязаны отзубривать непрестанно, подъ страхомъ смертнаго грѣха и въ силу обѣта, отъ котораго и самъ папа разрѣшается съ чрезвычайнымъ затрудненіемъ: какое она должна имѣть значеніе въ религіи Христа? Молитва подневольная, насильственная! хочешь или не хочешь, можешь или не можешь, — молись!.. Съ самаго твоего посвященія иподіаконскаго, подъ страхомъ клятвопреступленія, подъ угрозой огня вѣчнаго, во всѣ двадцать четыре часа сутокъ, гдѣ—бъ ты ни былъ, ты долженъ очищать этотъ долгъ, sacrum pensum!.. И это молитва въ ея истинномъ значеніи?

Да, въ средніе вѣка дошли, что-именно это и есть молитва, въ религіи которую великій апостолъ называетъ закономъ

совершеннымъ свободы. Хороша она, — эта свобода!.. Близко познакомился я съ нею; поэтому, могу говорить объ ней. Отваливай свой бревіарій, животное! Да я усталъ. Отваливай, говорятъ тебѣ; а иначе вѣчная кара... Да я уже ничего и не понимаю. Что за дѣло? Бормочи слова, бей языкомъ; а остальное не твое дѣло. Да вѣдь я буду лишь машина говорящая. Опять не твое дѣло: Богъ слышитъ твою латинь. Ты смертно согрѣшишь, если цѣликомъ не отработаешь все свое «Правило», до послѣдняго oremus (помолимся).

Еще, еслибъ въ бревіаріи, толково распредѣленномъ, не находилось этихъ дѣтскихъ бредней, какими человѣчество тѣхъ временъ выражало свое благочестіе; еслибъ въ немъ не было уродливо-обрывчатаго чтенія стишками съ перерывами и отвѣтами quasi хора; еслибъ въ немъ не заключалось легендъ до кощунства нелѣпыхъ, все еще не такъ трудно было бы поглощать содержащееся въ немъ. А то, Господи, какой сумбуръ, какіе гимны, какія легенды!..

И изволь несчастный священникъ глотать весь этотъ наборъ фразъ, въ которыхъ нерѣдко даже здраваго смысла не оказывается!

Правда, между ними встрѣчаются и прекрасныя вещи,— эти краткія поэмы, лучше которыхъ не производилъ геній человѣчества, что зовутся псалмами, отрывки изъ бесѣдъ «Отцовъ церкви»; но это—блестки золота въ навозной кучѣ.

До среднихъ вѣковъ молитва была, какъ и слѣдуетъ быть, свободною для священника какъ и для всякаго вѣрующаго. Благочестивый обычай молитвенныхъ собраній сдѣлался правиломъ, но безъ каръ и страхованій. Ни святой Амвросій, ни Августинъ, ни великій Василій, ни Златоустъ, ни клиръ современный этимъ свѣтиламъ церкви, никогда не давали обѣта отработывать бревіарій.

Таково ярмо, взваленное на плеча священника этими милыми средними вѣками. И это ярмо, пожалуй и сносное для келейныхъ затворниковъ, — во что обходится оно священнику обязанному приходомъ, а особенно сельскому священнику? —

Какъ часто у него, за службами церковными, особенно праздничными, и за дѣлами приходскими, не остается и минуты свободной, которую онъ могъ бы употребить для своихъ личныхъ потребностей!.. Вотъ почему, такъ нерѣдко, эти несчастные священники, измученные до упаду, въ бореніи со сномъ, съ проклятіями въ душѣ,—все таки языкомъ добиваютъ урочное «правило».—Не правда-ль, хрістіанское возношеніе ума и сердца къ Богу?

Что до меня лично, то чтеніе бревіарія было великимъ поученіемъ моей жизни. Тутъ видѣлъ я во всей страшно-безобразной наготѣ уродливости, до которыхъ дошелъ и на которыхъ неподвижно остановился католицизмъ. Тутъ разоблачились, передъ моимъ умомъ холоднымъ и неспособнымъ увлекаться мистическими бреднями, эти чудовищныя искаженія, какимъ подверглось великое ученіе евангелія впродолженіе длинной средневѣковой тьмы. Бревіарій—это compendium среднихъ вѣковъ, вѣрное отраженіе ихъ фарисейскаго формализма, ихъ изолгавшейся доктрины, въ которой такъ грубо до кощунства оматеріализировано все божественное, и животворное служеніе Богу въ духѣ и истинѣ превращено въ мертвую обрядность, въ нѣчто такое что можетъ только до тла развращать человѣчество, въ основѣ убивать всякую правду въ его средѣ.

Но бревіарій еще не самое важное здѣсь. По непонятному ослѣпленію которое, лучше чѣмъ все прочее, рисуетъ умственное и нравственное развращеніе среднихъ вѣковъ,—эти самые юноши священства, которымъ предстоитъ цѣложизненное безбрачіе, лишь произнесутъ свои торжественные и невозвратимые обѣты,—посвящаются во все то что касается наслажденій любовію. Имъ ex professo читается цѣлый курсъ объ этомъ. Съ какими мельчайшими подробностями передаетъ анатомія медику былыя отправленія разсѣченнаго трупа, съ такими теологія излагаетъ, предъ будущими священниками, ученіе de copula carnali.

Я конечно не войду въ подробности объ этомъ членѣ иподіаконской теологіи, потому что не желаю возмущать чье бы то ни было нравственное чуство; не желаю, поскольку отъ меня зависитъ, дать поводъ къ какому бы то ни было соблазну.

Неужели не понимаютъ, что̀ долженъ воспринять молодой человѣкъ, въ двадцать съ чѣмъ нибудь лѣтъ, отъ этого курса о предметахъ которые могутъ лишь осквернить его воображеніе на всю жизнь; подготовить будущему священнику грезы которыя мало назвать нечистыми; которые могутъ лишь дать ему возможность—каждую минуту рисовать въ своемъ воображеніи разнообразнѣйшія картины плотскихъ наслажденій? — Ужели не разумѣютъ что передъ нимъ, которому такъ цинически подробно раскрыты всѣ тайны этихъ наслажденій, не будетъ уже такой дѣвственной святыни которой бы онъ не осквернилъ своими мыслями, своими желаніями?

И извольте послѣ этого примирить—обѣтъ безбрачія, т. е. совершеннаго цѣломудрія, и цѣлый курсъ de copula carnali!..

Въ благодатное время первенствующей церкви, разумѣется, ничего подобнаго не было; а выработалось все это, на вѣчный стыдъ католическаго священства, въ средневѣковую эпоху, и доселѣ держится все таковое, какъ самая завѣтная святыня, по причинамъ и побужденіямъ—раскрывать которыя, значило-бы вскрывать одну изъ самыхъ гнойныхъ и смердящихъ язвъ католицизма.

Въ свѣтѣ до нѣкоторой степени извѣстно какъ семинаріи развращаютъ молодое священство; извѣстно отчего взглядъ прямой и чистосердечный неотесанной деревенщины дѣлается черезъ чуръ выразительнымъ, лишь облечется она въ сутану; отчего въ этомъ взглядѣ невольно выражается, что тутъ вѣдомо уже многое по части заповѣдныхъ наслажденій. Отсюда обыкновенно и прилагается къ этому люду ѣдкій стихъ Грессе:

Roulait des yeux d'un air de jeune carme.

Но что̀, если людямъ свѣта откроется вся глубина этого развращенія? если имъ будетъ вполнѣ извѣстно что этотъ

сладкорѣчивый собесѣдникъ ихъ женъ и дочерей въ познаніяхъ извѣстнаго рода превосходитъ самыхъ опытныхъ изъ нихъ? что его теоретическія свѣдѣнія по части неназываемыхъ наслажденій доведены до артистическаго совершенства, и не могутъ обаятельно не дѣйствовать на прекрасную половину рода человѣческаго?—Чѣмъ сдѣлается тогда священникъ, и теперь лишь держащійся развращаемой имъ женщиной? — И что, если людямъ свѣта будетъ вполнѣ извѣстно — о чемъ, съ ихъ женами и дочерями, больше всего бесѣдуютъ духовники въ своихъ исповѣдальняхъ; и ради какихъ побужденій эти легко увлекающіяся созданія готовы исповѣдаться хоть каждый день, а въ недѣлю разъ непремѣнно?—Чѣмъ сдѣлается тогда исповѣдь, и теперь уже не особенно чтимая мужскимъ человѣчествомъ?

Больше я ничего не скажу о своемъ діакональномъ курсѣ, по совершенной невозможности говорить во всеуслышаніе обо всемъ содержащемся въ немъ. Придетъ время, когда человѣчество прозрѣетъ, и тогда какое мрачное отраженіе броситъ на исторію церкви это возмутительное воспоминаніе о цѣлыхъ поколѣніяхъ священниковъ, ex professo развращенныхъ такой постыдной наукой? Краснѣть будутъ тогда за наши діаконалы, какъ мы теперь принуждены краснѣть за эти кровожадныя сцены, освященныя средневѣковой церковію, что зовутся отода-фе. Но когда прозрѣетъ человѣчество, тогда не покончитъ ли оно и со всѣмъ тѣмъ что зовется церковію, изъ-за всего не достойнаго и непотребнаго, что совершается теперь въ ея средѣ?—вотъ вопросъ!..

II. Викаріятства.

О послѣднихъ мѣсяцахъ моего пребыванія въ семинаріи распространяться нѣтъ нужды. Судьба моя навсегда опредѣлилась иподіаконствомъ.

О своемъ назначеніи я узналъ лишь на другой день послѣ своего посвященія во священника.—Узнать объ этомъ послалъ меня въ епископію супріоръ.

Главный викарій принялъ меня съ крѣпкими заявленіями своего благоволенія. За тѣмъ сказалъ:

— Его преосвященство назначаетъ васъ въ Мон-Доръ Вы будете тамъ при священникѣ очень умномъ. Его доброе руководство принесетъ вамъ много пользы. Вы самый младшій изъ нашихъ священниковъ; но, надѣюсь, докажете что мудрость сѣдины можетъ быть и въ молодой головѣ. Времена настали лютыя; намъ нужны добрые дѣлатели въ виноградникѣ Господа. Я не сомнѣваюсь, что вы не посрамите сульпиціанъ которые такъ крѣпко любятъ васъ.

Вы будете работать; я знаю что у васъ страсть къ этому; но чтобы это было для знаній святыхъ, для церковной науки. Бросьте суету наукъ свѣтскихъ. Онѣ лишь возрождаютъ гордость; а гордость ведетъ священника къ погибели. Ну, я ожидаю всего добраго отъ васъ.

Представленный за тѣмъ къ епископу, я преклонилъ колѣна предъ этимъ остаткомъ старой священнической генераціи, которая скоро совсѣмъ исчезнетъ. Онъ благословилъ меня и обнялъ совершенно отечески.

Ну, сынъ мой, «служеніе соверши». Будь неутомимымъ служителемъ евангелія. А за тѣмъ, дорогой сынъ, не забудь въ молитвѣ старца возлагавшаго на тебя руки.

О, какъ глубоко проникли въ мою душу эти немногія и простыя слова, но сказанныя отъ искренняго и любящаго сердца! Какой благодатью повѣяло отъ нихъ на все мое существо!

Съ позволенія главнаго викарія, я провелъ нѣсколько дней въ кругу своихъ родныхъ. Восторгамъ и даже гордости многочисленной семьи Бертомье, что наконецъ и она «произвела священника», не было границъ. Что до моей матери, то она была въ седьмомъ небѣ; въ какихъ свѣтлыхъ, радостныхъ чертахъ представлялась ей теперь будущность ея дорогаго Ліуня!..

И вотъ я въ Мон-Дорѣ. — Этотъ городъ минеральныхъ водъ, въ дѣйствительности, нечто иное какъ деревня. Воды его пользуются большой извѣстностью; оттого въ сезонъ ку-

паній сюда съѣзжается множество посѣтителей, и онъ шуменъ и люденъ; но во всякое другое время онъ пустъ и безмолвенъ.

Викаріятство въ Мон-Дорѣ представлялось мнѣ истиннымъ счастіемъ. Всѣ тѣ которые начинали свое служебное поприще, впродолженіи цѣлыхъ тридцати лѣтъ, подъ руководствомъ добраго мон-дорскаго священника, отзывались объ немъ наилучшимъ образомъ. Кромѣ того, отъ семинаристовъ, урожденцевъ здѣшнихъ мѣстностей, я узналъ что это былъ почтенный, представительный собою, чрезвычайно ласковый старецъ. Каково же было мое удивленіе, когда въ пресбитеріи я встрѣтилъ священника лѣтъ за сорокъ, неуклюже-высокаго, сухощаваго, съ чертами жесткими и угловатыми, желчнаго и раздражительнаго!—Онъ былъ одинъ въ пресбитеріи, и самъ отворилъ мнѣ дверь.

Очевидно, моего священника перемѣнили.

Я съ изумленіемъ посмотрѣлъ на него и пробормоталъ:

— Вы г. священникъ Мон-Дора?

— Да, отвѣчалъ онъ мнѣ.

Это «да» произвело на меня чрезвычайно непріятное впечатлѣніе. Какже случилось что въ пять дней, которые прошли отъ моего назначенія, здѣшній священникъ Фросинель оставилъ свой приходъ? Какъ меня не предупредили объ этомъ?

Думаю, что священникъ замѣтилъ мое изумленіе и что оно не слишкомъ лестно для него; потому что онъ улыбнулся далеко нелюбезно, и лишь послѣ продолжительной паузы прибавилъ:

— Я священникъ Мон-Дора ad interim (на время отсутствія мѣстнаго священника). Замѣняю Фросинеля три или четыре дня только. Онъ вчера уѣхалъ въ Шампэ. Его сестра больна, очень больна; ее хватилъ параличъ, и она въ безнадежномъ положеніи. Если-бъ, вмѣсто того чтобы оставаться пять дней въ Клермонѣ послѣ своего назначенія, вы поспѣшили къ своему мѣсту, то могли бы вступить въ отправленіе должности своего священника, и я не былъ бы обязанъ оставлять своихъ мюратскихъ прихожанъ. Это было бы много лучше для нихъ, для меня и даже для васъ, молодой человѣкъ. Ревность, ко-

торую выказали бы своей поспѣшностью къ мѣсту назначенія, не осталась бы незамѣченною начальствомъ.

— Моя мать желала, что бы я посвятилъ ей нѣсколько дней передъ разлукой которая, по всей вѣроятности, будетъ слишкомъ продолжительна.

— Іисусъ Христосъ сказалъ: «кто любитъ отца или мать больше меня—недостоинъ меня». Вамъ извѣстно это слово.

— Считаю нужнымъ замѣтить что на отлучку въ Клермонъ я имѣлъ позволеніе отъ начальства и отъ самаго мон-дорскаго священника. Значитъ, въ данную минуту мое присутствіе не было для него необходимымъ.

— Бываютъ позволенія, которыхъ лучше не просить.

— Повѣрьте, — еслибъ дѣло шло о какой либо важной обязанности моего служенія, я не поколебался бы между нею и моей привязанностью къ семьѣ.

— По моему, нѣтъ разницы между обязанностями, г. викарій,—онѣ всѣ равно важны. Вы назначены сюда викаріемъ, и должны были быть здѣсь. Видите, что священникъ ошибался, когда полагалъ что не имѣетъ въ васъ нужды. Должно всегда быть тамъ куда назначаетъ провидѣніе, и оно даетъ вамъ урокъ, которымъ совѣтую вамъ воспользоваться.

Мнѣ показалось, что мюратскій священникъ черезъ чуръ далеко заходитъ въ своихъ выговорахъ, и я отвѣтилъ ему почти такимъ же рѣзкимъ тономъ, какъ и его:

— Трудно повѣрить, г. священникъ, что провидѣніе послало тяжкую болѣзнь сестрѣ почтеннаго Фросинеля собственно для того чтобы дать мнѣ урокъ.

— Вы придаете моимъ словамъ слишкомъ тѣсный смыслъ г. викарій. Богъ, допуская то или другое событіе, можетъ имѣть многоразличныя цѣли; значитъ, позволительно видѣть въ немъ и многоразличныя вразумленія. А впрочемъ, я не имѣю никакой власти надъ вами, и предоставляю моему почтенному собрату заботу—учить васъ обязанностямъ вашего званія.

Я поклонился ему и сказалъ, что совѣты старшихъ въ священствѣ я всегда готовъ выслушивать съ подобающимъ смиреніемъ.

Этотъ отвѣтъ смягчилъ его, и затѣмъ все пошло между нами мирно. За ужиномъ онъ, между прочимъ, сказалъ:

— Вы конечно не знаете объ несчастномъ событіи, которое случилось третьяго дня здѣсь въ приходѣ.

— Ничего не знаю. Что такое?

— Этотъ несчастный Фурнье который, изъ жадности и мщенія, убилъ, восемь дней тому, двухъ женщинъ, старика и ребенка, и поджегъ ферму чтобы скрыть преступленіе, ускользалъ отъ всѣхъ поисковъ правосудія,—знаете?

— Да, въ Клермонѣ всѣ умы и доселѣ взволнованы этимъ страшнымъ случаемъ. Чтоже, этотъ человѣкъ и здѣсь совершилъ какое нибудь преступленіе?

— И большее преступленіе чѣмъ первое, потому что оно непоправимо ни въ этомъ, ни въ другомъ мірѣ. Этого Фурнье схватили, третьяго дня вечеромъ, въ чертѣ мондорскаго прихода; но прежде чѣмъ успѣли сковать его, онъ выхватилъ изъ кармана ножъ—кинжалъ и хватилъ себя въ грудь. Смерть была мгновенная. Его зарыли въ неблагословенномъ отдѣленіи кладбища.

Мы болтали еще нѣсколько времени объ этомъ страшномъ событіи, о впечатлѣніи какое оно должно было произвести на приходъ, и за тѣмъ перешли къ предметамъ разговора не такъ мрачнымъ.

Оказалось, что мюратскій священникъ таки любилъ поговорить за ужиномъ и послѣ ужина. Вино Клермона, отъ котораго онъ былъ далеко не прочь, на нѣсколько минутъ развязывало его языкъ—до шутокъ, относительно, забавныхъ. Въ этомъ положеніи,—до забвенія своего достоинства онъ никогда не напивался, онъ не такъ важничалъ, не такъ былъ неприступенъ, менѣе говорилъ сентенціями и относился къ своему викарію—«мой любезный», вмѣсто «г. викарій», что обыкновенно онъ произносилъ съ нестерпимой сухостью. И теперь, по мѣрѣ того какъ наливалъ и опорожнивалъ свой стаканъ, онъ дѣлался болѣе и болѣе разговорчивымъ. Его жесткая физіономія сглаживалась и выражала общительность. Въ какой нибудь часъ онъ посвятилъ меня во всю клерикальную хро-

нику страны; рѣзко порицалъ онъ большинство своихъ собратовъ, и весьма умѣренно хвалилъ немногихъ.

— Если вы, мой любезный, говорилъ онъ мнѣ, вступили въ священство съ намѣреніемъ — какъ слѣдуетъ работать во славу божію и ради спасенія душъ, — въ чемъ я не сомнѣваюсь, то вамъ предстоитъ много работы здѣсь, и много вы можете сдѣлать добра. Вашъ священникъ — добрый пастырь: противъ его нравственности сказать нечего; но онъ холоденъ, заковался въ рутинизмъ и пренебрегаетъ заниматься предметами духовными.

У васъ здѣсь множество трактирщиковъ, которые величаютъ себя метр-дотелями и живутъ надувательствомъ съѣзжающихся на воды. Никуда негодный это народъ: религіи въ нихъ не бывало. Въ качествѣ трактирщиковъ, они считаютъ себя вправѣ ставить ни во что всѣ предписанія церкви. Съ другой стороны, и посѣтители водъ, являющіеся сюда изо всѣхъ концовъ Европы, разливаютъ въ здѣшнемъ населеніи ядъ новѣйшей философіи.

Въ это время еще продолжалась мода — громить анаѳемами философію и философовъ, какъ теперь громятъ раціонализмъ и вообще науку.

Но въ то самое время какъ священникъ принимался было за философовъ, въ комнату, гдѣ мы сидѣли, вошелъ молодой человѣкъ лѣтъ за двадцать пять. На лицѣ его выражалась глубокая грусть; и тяжело вздохнулъ онъ нѣсколько разъ, прежде чѣмъ началъ говорить.

— Г. священникъ, я очень несчастенъ, — мой бѣдный ребенокъ умеръ.

— А сколько ему лѣтъ было? спросилъ мюратскій священникъ.

— Три недѣли. Я женатъ около четырехъ лѣтъ. Намъ съ женой очень хотѣлось имѣть ребенка. Богъ далъ намъ его и... отнялъ.

— Такъ чтожъ? — Теперь онъ въ небѣ, и будетъ за васъ молиться. — Вотъ этотъ священникъ, — это вашъ новый викарій,

утромъ завтра отпоетъ его. «Хвалите Господа, яко благъ Господь». Церковь радуется когда дѣтская душа восходитъ къ небу. Твой ребенокъ современемъ быть можетъ сдѣлался бы негодяемъ. Богъ поражаетъ насъ для нашего блага; должно всегда благословлять его.

Едва ли такое диковинное утѣшеніе могло принести пользу; едвали, впрочемъ, и разслушалъ его несчастный отецъ, весь поглощенный скорбію.

— Да это еще не все, сказалъ онъ, я боюсь большаго несчастія. Моя бѣдная жена слишкомъ больна; она чуть не умерла родами; а теперь горе ужъ вѣрно убьетъ ее. Она слишкомъ слаба,— не перенесетъ этой потери.

И бѣднякъ зарыдалъ.

Я хотѣлъ сказать ему нѣсколько словъ утѣшенія, по крайней мѣрѣ плакать съ нимъ. Мнѣ казалось что, въ эту то минуту, и начинается мое пастырское служеніе. Я понималъ, что сердце мое должно принадлежать больше всего страдающимъ. Къ радостямъ семейнымъ я долженъ являться лишь затѣмъ чтобы благословлять ихъ, не останавливаясь долго на нихъ ни моимъ взоромъ, ни моей мыслью; но вотъ эти сокрушенныя сердца отцовъ и матерей,—они то и есть моя избранная часть; они то по преимуществу и довѣрены мнѣ небеснымъ пастыреначальникомъ.

Но не могъ же я перебивать рѣчь священника. А кромѣ того, его холодность, его жесткія пошлости смутили меня самого. Все что я могъ сдѣлать — лишь пожатіемъ руки выразить свое глубокое сочувствіе страдающему отцу и мужу. Онъ, кажется, понялъ меня.

— Ну, ну, говорилъ мюратскій священникъ, не должно такъ предаваться отчаянію. Еслибъ покрѣпче была вѣра, такъ больше было-бы и преданности волѣ божіей. Но въ эти несчастныя времена, въ которыя мы живемъ, на все смотрятъ лишь съ точки зрѣнія чисто человѣческой.

Рѣчь, по всей вѣроятности, направлялась опять къ новѣйшей философіи; но тотъ которому предстояло выслушать яз-

вительныя обличенія ея, повернулся и ушелъ. Безъ сомнѣнія, тревожная мысль о женѣ погнала его, почти опрометью, отъ насъ.

— Вотъ онъ—какъ бросился отсюда, сказалъ священникъ, и двери не затворилъ.—Что это за народецъ здѣсь,—до чего грубъ и неотесанъ: имъ говорятъ, а они и слушать не хотятъ.

И, кликнувъ священническаго прислужника,—онъ же былъ и пономарь, приказалъ:

— Франсуа, завтра въ восемь часовъ, послѣ мессы о. Бертомье, отпѣть ребенка Петра Грене.

— Но, г. священникъ, онъ не крещенъ.

— Какъ!.. ребенокъ не крещенъ,—а ему было три недѣли! Да это ужасно! Мон-дорскій священникъ допустилъ, что ребенокъ умеръ некрещеннымъ?

— Н-ну! чегожъ хотите вы? Священникъ вѣдь не всегда господинъ. Онъ настоятельно приказываетъ родителямъ исполнять свой долгъ; но не можетъ дѣйствовать насиліемъ. Жена Грене хотѣла дождаться своей сестры для крещенія. Ребенокъ же былъ крѣпокъ, и въ жизни его сомнѣваться было нельзя. И вотъ поди-же, — приключились судороги, — и смерть.

— Въ такомъ случаѣ, ни г. викарію, ни мнѣ тутъ дѣлать нечего. Ты прикажешь могильщику зарыть эту падаль въ неосвященномъ отдѣленіи кладбища: она не должна осквернять землю, въ которой покоются вѣрующіе.

Слово—«падаль», приложенное къ этому маленькому трупу надъ которымъ отецъ и мать проливали теперь столько горькихъ слезъ, возмутило меня до глубины души. Произнести его—казалось мнѣ еще большимъ осквернѣніемъ, чѣмъ то которое могло произойти отъ соприкосновенія трупа некрещеннаго ребенка съ христіанскими костями.

— Г. священникъ, сказалъ пономарь, я хорошо знаю, что таковъ обычай; но не такъ думалъ объ этомъ бѣдный Грене. Именно, выйдя отсюда, онъ отыскалъ могильщика и приказалъ

вырыть могилу ребенку около матери своей жены. Онъ сказалъ что откупаетъ около-могильное мѣсто.

— Вотъ, такъ дѣло! т. е. разбогатѣли отъ своихъ трактировъ и отъ надувательства посѣтителей, и стали ужъ особами!.. И семейныя могилы захотѣли имѣть какъ какія нибудь важныя особы, — дѣло!.. Просто — невыносимо: люди безъ религіи!..

— Г. священникъ, сказалъ пономарь, Грене — славные люди: причащаются — мужъ каждую страстную недѣлю, а жена каждый великій праздникъ.

— Ну, положимъ, остатокъ вѣры еще есть; но допускаютъ умереть ребенку безъ крещенія, и даже еще хотятъ положить его въ освященной землѣ. Это ужасно, говорю вамъ, и ни за что въ мірѣ я не допустилъ бы подобнаго соблазна въ своемъ приходѣ.

— Бываютъ у тебя и похуже соблазны, пробормоталъ пономарь, когда священникъ крупно шагавшій по комнатѣ былъ на другомъ концѣ ея; — о, еслибъ можно было поспорить съ тобой...

— Ступай, сказалъ священникъ. Позаботься, чтобы мое приказаніе было исполнено.

— Ваши приказанія, г. священникъ, будутъ исполнены; можете быть спокойны. Да такъ всегда и дѣлается. Оно-то правда, до сихъ поръ я лишь видалъ что такъ зарываются мертворожденные, выкидыши; а ребенокъ Грене былъ — какъ быть ребенокъ,—уже жилъ три недѣли.

— Ступай, сказалъ священникъ.

Пономарь ушелъ.

— Вотъ видите, г. викарій, во всемъ этомъ не мало виноватъ вашъ добрый священникъ, — ревности слишкомъ недостаточно; отъ этого, преступленія совершаются въ приходѣ, и на нихъ и вниманія никакого не обращаютъ. Хоть-бы этотъ случай, — какое еще можетъ быть большее преступленіе, для отца и матери, какъ подвергать душу своего ребенка опасности вѣчной гибели, отсрочивая окрестить его? — Значитъ, имъ не

передано какъ слѣдуетъ точное ученіе церкви касательно этого предмета.

— Конечно, отвѣчалъ я, тутъ было преступное неповиновеніе законоположенію принятому церквію, которымъ предписывается—не отсрочивать крещенія младенцевъ. — Но и самое это законоположеніе уклонилось отъ первоначальнаго правила; всѣмъ извѣстно что оно можетъ преобразоваться, видоизмѣняться, сообразно съ требованіями мѣстъ, времени или обстоятельствъ.

— Что, г. викарій? Не думаете ли вы, что церковь не всегда смотрѣла какъ на преступленіе — отсрочивать крещеніе младенцевъ?

— Конечно думаю, г. священникъ. Въ первые вѣка христіанства, что видно изъ лѣтописей соборовъ, законоположеніемъ церкви допускались до крещенія лишь взрослые, послѣ достаточнаго ознакомленія ихъ съ начальными истинами вѣры. Позднѣе, стали крестить и младенцевъ; но лишь въ опредѣленные дни года.— Въ послѣднее время, проведенное мною въ семинаріи, намъ читали, по церковной исторіи, акты соборовъ Маконскаго и Оксерскаго, — къ концу шестнадцатаго вѣка. Тогда было положено крестить лишь въ пасху, даже младенцевъ, кромѣ несомнѣнной опасности смерти....

— Всѣ эти ваши чтенія были не только безполезны, но и опасны. Еслибъ я былъ начальникомъ семинарій, такъ ужь конечно тамъ не читали бы церковной исторіи. — Ну, какая надобность знать все то что вы мнѣ сейчасъ наговорили?

На томъ мы и разошлись.

Эта сцена, незначительная по наружности, была первымъ откровеніемъ для меня о томъ духѣ дикой нетерпимости, какимъ проникнуто большинство нашихъ жалкихъ священниковъ; о томъ духѣ настоящаго, средневѣковаго варварства который семинаріи, кнесчастію, не заботятся побороть, а епископы и не помышляютъ искоренять: — они, эти послѣдніе, любятъ лучше покорныхъ фанатиковъ чѣмъ людей разумныхъ и образованныхъ, но способныхъ къ независимости.

На другой день я поспѣшилъ узнать о положеніи жены Грене; мужъ сказалъ мнѣ что она очень плоха. Лекарь, впрочемъ, не находилъ ея положенія совсѣмъ безнадежнымъ. Грене прибавилъ:

— Мнѣ необходимо отлучиться изъ дому дня на два, по дѣламъ чрезвычайно для меня важнымъ, и отлучиться немедленно.

— Что́ же, остается ли кто нибудь при твоей женѣ — надежный и способный ходить за нею?

— Да, г. викарій, у насъ есть старуха — работница Міетта, какъ нельзя лучше умѣющая ухаживать за больными; а кромѣ того, и сосѣди у насъ добрые, — не откажутся помочь въ случаѣ нужды. Здѣсь всѣ любятъ мою жену, — она такая добрая и кроткая. Помолите за нее милосердаго Бога, г. викарій; помолитесь чтобы онъ сохранилъ ее для меня. Бѣдная моя жена!.. Если только она узнаетъ что ея ребенка кинули въ землю, какъ дохлую собаку, да еще почти рядомъ съ этимъ разбойникомъ и самоубійцей, — это доконаетъ ее сразу.

Впродолженіи нѣсколькихъ дней шелъ снѣгъ; но онъ сейчасъ же почти и пропадалъ. На третій день моего пріѣзда въ Мон-Доръ подулъ суровый сѣверный вѣтеръ. Снѣгъ повалилъ хлопьями; и за ночь его навалило больше чѣмъ на два фута.

Мы съ священникомъ только что отправились было въ церковь, какъ встрѣтили пономаря. По его физіономіи было замѣтно, что онъ сильно чѣмъ то взволнованъ.

— Что новаго, Франсуа? — Ты, кажется мнѣ, крѣпко разстроенъ.

— Я, господинъ священникъ,? — совсѣмъ нѣтъ, увѣряю васъ. — Вонъ тамъ на селѣ — такъ перетревожились; а есть, что и струсили.

— Струсили! изъ за чего?

— Да такъ, изъ за пустяковъ. Это бабы вонъ тамъ набредили; и нужно быть совсѣмъ дуракомъ чтобы вѣрить этому.

А впрочемъ жена полеваго сторожа, Марьонъ, не изъ трусливаго десятка; и ужь если она струсила, — эта женщина, такъ объ другихъ и толковать нечего. Да все равно, — я не допускаю этихъ видѣній.

— Извольте понять что нибудь въ этой болтовнѣ, сказалъ мюратскій священникъ. Да ну, Франсуа, что у тебя тамъ такое съ этими бабами,—и Маріонъ, и чему ты вѣришь, и чему ты не вѣришь? — Если ты вѣришь въ свое — «Вѣрую», этого и достаточно; съ тебя больше ничего и не спрашиваютъ. Скажи толкомъ,—что такое случилось необыкновеннаго?

— Ничего, г. священникъ. Т. е. это было-бы ужь черезъ чуръ необыкновенно: никогда Мон-Доръ не слылъ за наважденный.

— Наваженный! наваженный! что ты разумѣешь подъ этимъ?

— Г. священникъ, — вы не можете не знать этого, домъ или селеніе—наваженные, когда ихъ посѣщаютъ привидѣнія.

Я расхохотался отъ всего сердца, какъ смѣются только въ молодости, и сказалъ Франсуа:

— Какъ, Франсуа, въ Мон-Дорѣ являются привидѣнія? — въ такомъ случаѣ, я особенно счастливъ что попалъ сюда: быть можетъ и встрѣчу хоть одно. Разскажи же намъ объ этомъ. Въ дѣтствѣ я очень любилъ слушать исторіи о чародѣяхъ и привидѣніяхъ; правда, тогда онѣ меня пугали; но можетъ быть по этому то такъ и нравились.—Разсказывай же, Франсуа.

— Вы смѣетесь, г. викарій,—и вы правы. Впрочемъ, дѣло весьма возможное—что вы и ошибаетесь. Кто можетъ знать—что тутъ правда и что ложь, во всѣхъ этихъ разсказахъ которые идутъ не со вчерашняго дня?—А случилось то вотъ что!

Маріонъ ночевала вчера у своей больной свекрови которая живетъ, — г. мюратскій священникъ знаетъ это хорошо, въ уединенномъ домишкѣ, шагахъ во ста отъ кладбища. Сосѣдство не веселое; но свекровь Маріонъ не боится мертвецовъ; —она слываетъ немножко за колдунью, и, между нами сказать,

что-бы жить тамъ гдѣ она живетъ, нужно чтобы было что нибудь такое. Маріонъ оставила ее передъ разсвѣтомъ, часовъ около пяти утра; но лишь вышла, какъ увидѣла издали привидѣніе; оно было все бѣлое и футовъ, покрайней мѣрѣ, пятнадцати вышины. Мчалось оно съ невѣроятной быстротой. Отъ луны было еще настолько свѣтло что Маріонъ не могла ошибиться; и ужь что̀ она видѣла, такъ хорошо видѣла.

Маріонъ вернулась къ своей свекрови; — домой ей нужно было идти по той самой дорогѣ по которой мчалось привидѣніе, и какъ ни храбра она, а струсила.

— Маріонъ видѣла дерево, покрытое снѣгомъ и колыхаемое вѣтромъ; его она и приняла за привидѣніе.

— Ну, ужь извините, г. викарій, дерево не бѣгаетъ. Маріонъ вѣдь хорошо разглядѣла что привидѣніе мчится по снѣгу.

— Ей просто показалось; у страха глаза велики.

Но всѣ мои усилія разувѣрить Франсуа оказались безполезными.

Къ вечеру жена Грене приказала позвать къ себѣ новаго викарія;—она была въ отчаянномъ положеніи.

Я взялъ все нужное для совершенія послѣдняго напутствія, и отправился съ Франсуа.

Доселѣ мнѣ не приходилось видать умирающихъ, и я не безъ волненія вошелъ въ спальню молодой женщины. Ея постель окружали пять или шесть сосѣдокъ, которыя суетились около нее и громко выражали свое соболѣзнованіе объ ея положеніи.

Сначала я подумалъ что жена Грене уже умерла. Ея синеватая блѣдность, закрытые глаза, разметанные волоса, пряди которыхъ прилипли, отъ застывшаго поту, ко лбу и вискамъ; ея безцвѣтныя и полуоткрытыя губы, мертвенно осунувшееся лицо,—все заставляло думать что передо-мною уже трупъ.

— Значитъ, я опоздалъ, сказалъ я.

— Охъ нѣтъ, она еще не умерла, отвѣтила одна изъ женщинъ.—Ждетъ мужа, что-бы умереть при немъ. Такъ любили

они одинъ другаго, бѣдняжки!.. Вѣрно, она испуститъ послѣднее дыханіе какъ только вернется Грене.

Это суевѣрное убѣжденіе народа что умирающіе могутъ удерживать жизнь, готовую отлетѣть, до самой той минуты пока поспѣетъ къ нимъ любимое и ожидаемое лице, глубоко тронуло меня. При всемъ моемъ отвращеніи ко всему—въ чемъ только сказывается суевѣріе, у меня не стало духу хоть что нибудь сказать противъ этого убѣжденія.

Женѣ Грене сказали что викарій пришелъ.

Она открыла медленно свои большіе черные глаза и прошептала слабо:

— Ахъ! тѣмъ лучше.

— Въ полномъ ли она сознаніи? спросилъ я сосѣдокъ.

— Минутами, да; а то, въ другія минуты, она говоритъ совсѣмъ непонятное.

— Выйдите всѣ, сказалъ я тогда. Если бѣдная больная сознаетъ свое опасное положеніе, то ваши громкія разглагольствованія о близкой ея кончинѣ, которыя она слышитъ очень хорошо, могутъ лишь вредить ей.

Я остался одинъ съ женою Грене. Въ первый разъ приходилось мнѣ усладить, для бѣдной души, страшный переходъ отдѣляющій время отъ вѣчности, и озарить наступающую сѣнь смертную свѣтлымъ лучемъ жизни безсмертной.

Пристальный взглядъ умирающей не оставлялъ меня пока выходили сосѣдки. Точно она допытывалась чегото на моемъ лицѣ. Когда мы остались одни, она сказала:

— Я такъ боялась что не дождусь васъ.

— Твое положеніе далеко не безнадежное, моя милая.

— Охъ! г. викарій, я хорошо понимаю что скоро умру. Еслибъ мнѣ прожить еще хоть нѣсколько часовъ!.. Мой мужъ былъ бы здѣсь... Я сказала бы ему все, и не умерла бы въ отчаяніи. Видитель, я сдѣлала нѣчто очень страшное... Но объ этомъ нераскаяваюсь; еслибъ пришлось, и опять сдѣлала бы... мой мужъ понялъ бы это; но вы,—нѣтъ вы этого не поймете... Впрочемъ, вы, кажется, такъ добры и сострадательны; да и

мужъ мой замѣтилъ въ васъ тоже самое... Вы приходили, вчера, навѣдаться объ моемъ положеніи. Вчера?.. Да, должно быть вчера... мужа моего уже не было дома... Вотъ, послѣ того я и полетѣла на помощь къ тому кто звалъ меня... Я была такъ слаба; это меня убило... Такъ должно было случиться.

Въ словахъ больной была непослѣдовательность отзывавшаяся бредомъ. Я пытался, но напрасно, хоть сколько нибудь успокоить ее.

Послѣ минутнаго молчанія, она попросила ложку питья которое стояло около нее; я далъ ей, и она какъ будто успокоилась.

— Теперь мнѣ лучше, сказала она. Который часъ? Мужъ мой вернется нераньше полуночи или часу. Боже мой! доживули я?

— Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ я, и дольше еще. Но, моя милая, если у тебя такъ тревожно на душѣ, то не исповѣдаться ль тебѣ, чтобы успокоиться?

— О, да; о, конечно, г. викарій; за тѣмъ то я и позвала васъ къ себѣ... и еще за другимъ дѣломъ... Прежде исповѣди я хотѣла бы довѣрить вамъ тайну. Поклянитесь что вы не выдадите меня.

— Успокойся. Ужели ты не знаешь что тайна исповѣди никому не открывается священникомъ?

— Да тутъ дѣло не объ исповѣди; я хочу вамъ нѣчто довѣрить. Эти женщины, сосѣдки мои,—на нихъ я положиться не могу; у меня еще разъ отнимутъ моего ребенка... а я хочу унести его съ собой.

Волненіе молодой женщины усилилось и придало ей лихорадочную силу. Щеки ея сдѣлались багровыми, и бредъ былъ несомнѣненъ. Перерывающимся голосомъ она повторяла:

— Поклянитесь что не выдадите меня.

— Клянусь, моя милая;—никогда не выдамъ тебя.

Мнѣ хотѣлось, прежде всего, хоть на минуту успокоить ея возмущенное воображеніе.

— Обѣщайте мнѣ еще другую вещь.

— Хорошо, скажи.

— Остаться около меня до самаго возвращенія моего мужа.

— Обѣщаю.

— А если я умру задолго до его возвращенія?

— Да твое положеніе не такъ же безнадежно какъ тебѣ кажется.

— Вы ошибаетесь; не знаете что я испытываю... Вы не знаете... Если я такъ умру и за меня примутся эти женщины, то все погибло. Охъ, ради самаго Господа!..

— Будь спокойна. Если, чего я не думаю, ты умрешъ и задолго до возвращенія своего мужа, то я неотходно буду здѣсь—около тебя.

— Благодарю! благодарю! Теперь дайте мнѣ вздохнуть минуту,—и я скажу вамъ все, и исповѣдуюсь;—охъ! такъ хотѣлось мнѣ исповѣдаться.

И она закрыла глаза; лихорадочное возбужденіе замѣтно стихало.

По прошествіи нѣсколькихъ минутъ она повернула голову ко мнѣ.

Я разскажу вамъ что случилось; вы обѣщали сохранить мою тайну.

— Да, обѣщалъ; обѣщаю и еще разъ. Но нелучше ли объ этомъ послѣ?

— Нѣтъ, нѣтъ; не хочу, не могу ждать;—выслушайте.

И молодая женщина начала разсказывать—точно въ бреду, въ полголоса и съ закрытыми глазами. Лампа поставленная на каминѣ тускло освѣщала комнату. Снѣгъ хлесталъ въ стекла; рамы тряслись отъ напора вѣтра. Тамъ, за стѣной, слышались завыванія бури; — здѣсь совершался окончательный процессъ борьбы между жизнью и смертью. Сцена была изъ тѣхъ—которыя не забываются. — Вотъ что разсказывала мнѣ жена Грене.

У меня былъ ребенокъ... Такъ хотѣлось мнѣ имѣть его... Говорятъ что слишкомъ мучительны были мои роды... Не прав-

да. Нѣтъ, я не мучилась. Я чувствовала что это маленькое существо движется во мнѣ, и говорила себѣ: вотъ—вотъ чрезъ нѣсколько минутъ я увижу его и положу около себя; съ такими мыслями не страдаютъ,—да! Впрочемъ я все забыла.

Наконецъ онъ и на рукахъ моихъ, мой милый младенецъ. Такой хорошій былъ, такой крѣпкій... Я приложила его къ груди.. Господи, Господи! какъ была я счастлива...

Мнѣ говорили: нужно его крестить. Безъ сомнѣнія, отвѣчала я, но моя сестра была мнѣ второй матерью,—она десятью годами старше меня; — мнѣ хотѣлось бы чтобы она была крестной матерью моего ребенка... Сестра моя была тяжело больна; нужно было пождать пока она сможетъ явиться къ намъ. Время летѣло; и незамужняя Гарривъ, святая, говорила мнѣ: дурно, очень дурно, Грене, что ты не крестишь своего ребенка; окрещенный, онъ сдѣлался бы маленькимъ ангеломъ, сыномъ церкви; а теперь,—онъ сынъ діавола. А я,—я только смѣялась и говорила:—какъ бы не такъ!.. У дьявола развѣ могутъ быть такія дѣти какъ мой? у дьяволенка развѣ можетъ быть такая милая улыбка? — Спроста говорила я это... Богъ, не правда-ль, вѣдь не въ наказаніе за эти слова отнялъ у меня ребенка?.. Да, онъ ужъ улыбался мнѣ, моя милая крошка, и понималъ меня...

Я все еще была слаба; но молока было у меня довольно, и ребенокъ дѣлался лучше и лучше.. Разъ,—не помню какой это былъ день... такъ давно, кажется, все это случилось,—ребенокъ былъ на рукахъ своей матери и улыбался ей,—ей одной и никому больше; и не знала мать что дѣлать отъ радости... И вдругъ, пропала улыбка, ребенокъ жалобно вскрикнулъ... Я и доселѣ его слышу, этотъ крикъ.. Ребенокъ больше не шевельнулся... Сказали: онъ умеръ. — Умеръ!.. Зачѣмъ же онъ умеръ?!.. за чѣмъ же мать то не умерла вмѣстѣ съ нимъ?

Пусть говорятъ что умеръ, — я не хотѣла разстаться съ нимъ. Мой мужъ отнялъ его у меня. Странное дѣло, онъ сокрушался больше обо мнѣ чѣмъ объ немъ. Я просила, чтобы хоть положили мое потерянное сокровище около моей матери,

а рядомъ съ нимъ и мнѣ сберегли бы мѣстечко. Я знала что ребенокъ скоро позоветъ свою мать къ себѣ... Мнѣ сказали что все такъ и сдѣлано; и тутъ только полились у меня слезы, совсѣмъ было задушившія меня.

Вчера, — кажется это было вчера, мой мужъ отправился очень печальный. Я обѣщала ему быть разсудительнѣе, послушно исполнять все что найдутъ нужнымъ для меня. Лекарь сказалъ что мнѣ стало лучше, что слезы принесли мнѣ пользу.

Но знаете-ль, что сказали мнѣ послѣ мужа?— знаете?..

— Нѣтъ, не знаю.

— Н—ну! Гарривъ,— та—святая то, пришла и сказала мнѣ, что мюратскій священникъ не позволилъ схоронить моего ребенка около моей матери,—земля, видите-ль, тутъ благословенная, и мой бѣдный ребенокъ осквернилъ бы всю эту землю; что его зарыли около того... разбойника—то; и что я достойно наказана за то что не послушала ея, Гарривъ, и... на вѣки вѣчные загубила душу и тѣло своего ребенка...

Слушайте же. Было вечеромъ, когда я узнала все это. Во мнѣ все перевернулось, но я поняла что нужно было молчать. — Я отослала всѣхъ, — сказала что мнѣ лучше, и что одной Міетты будетъ достаточно. Мнѣ хотѣлось чтобы не было никого около меня; въ моей головѣ творилось что то такое, что я могла понять лишь оставшись совершенно одна. Затѣмъ и Міетту я послала спать. — Тогда, мой отецъ, я увидѣла своего ребенка... онъ протягивалъ свои ручонки ко мнѣ... онъ боялся этого... разбойника, который стоялъ около него. И человѣка этого я разглядѣла: онъ тянулъ руки что-бы задушить моего ребенка. Я вскочила, выбѣжала изъ дому... вотъ какъ была на постели. Понимаете, ребенокъ звалъ на помощь; надо было бѣжать къ нему. Нельзя же было оставить его тамъ — рядомъ съ этимъ... вѣдь онъ бы все душилъ его. Я схватила кирку ли, другое ли что — не знаю, и прибѣжала на кладбище. Моя мать ужъ ждала меня... Я совсѣмъ не испугалась, увидя ее. Она меня повела. Вотъ — на землѣ отверженныхъ большая могила, а вотъ около нея и маленькая —

свѣжая, только что зарытая... тутъ и есть. Я принялась разрывать... Мать помогала мнѣ... Дорылась до гробика, вытащила, открыла... Мой ребенокъ улыбнулся мнѣ; я выхватила его и отдала подержать матери... Гробикъ опять въ могилу; закидала ее кое какъ землей, и, съ своимъ сокровищемъ, помчалась домой... Какъ будто валилъ снѣгъ; да мнѣ не было холодно, — куда! мнѣ было жарко какъ въ лѣтній полдень... Я вернулась домой. Міетта спала.

Вотъ что́ я сдѣлала. Теперь,—вотъ я скоро умру, но не хочу чтобы меня разлучили съ моимъ милымъ крошкой.

Сначала я пытался было прервать больную; но она, кажется, и не слыхала моихъ словъ. Затѣмъ мелькнуло въ моей мысли привидѣніе Маріонъ,—и я понялъ все; понялъ что это не бредъ возбужденнаго воображенія, а страшная дѣйствительность... И могъ лишь сказать несчастной:

— Моя милая, что это ты сдѣлала?

— Мой долгъ. Мой сынъ звалъ меня... ему тамъ было страшно... Теперь, посмотрите какъ спокойно спитъ онъ около меня.

И, откинувъ одѣяло, она показала мнѣ трупъ младенца лежавшаго у самой ея груди, разбухшей отъ молока. Точно она ждала что эти губы, уже совсѣмъ посинѣвшія отъ разложенія, сейчасъ же примутся за свое обычное дѣло...

Невольно я опустился на колѣна у постели и плакалъ.

— Вы мнѣ оставите его,—да?

— Да, бѣдная мать, оставлю;—будь спокойна.

— Теперь мы оба сейчасъ же уснемъ, бормотала она.

Я бросился читать разрѣшительную молитву.

Она уже покончила съ жизнью.

Нашъ священникъ вернулся въ свой мон-дорскій приходъ.

Все что я слышалъ объ немъ, оправдалось на дѣлѣ. Это былъ человѣкъ очень умный, и, что еще лучше, съ добрымъ сердцемъ. Отечески-ласково принялъ онъ меня; — и ни на одинъ день, ни на одинъ часъ не измѣнилъ своихъ добрыхъ отно-

шеній ко мнѣ. Если, послѣ, онъ черезъ чуръ слабо поддержалъ меня, то я теперь понимаю что иначе онъ и не могъ поступить: чувство самосохраненія лежитъ въ природѣ человѣка слишкомъ глубоко... Подъ деспотическимъ управленіемъ каждый заботится лишь о томъ чтобы самому стоять крѣпко; самоотверженіе ради другихъ можетъ только повредить самоотверженному, а нѣтъ, — и совсѣмъ погубить его:—кому же это нужно?—Теперь я понялъ многое; и какъ много выстрадалъ, то это научило меня—быть снисходительнымъ къ людской слабости, но не прощать системѣ. Всегда несчастіе, — великое несчастіе, въ управленіи религіозномъ какъ и въ правленіи политическомъ, когда можно сказать что люди лучше учрежденій.

Одно въ нашемъ добромъ священникѣ было, что не совсѣмъ подходило къ моей должности,—для него викарій былъ совершенно лишнимъ лицомъ. Онъ непремѣнно хотѣлъ дѣлать все самъ въ приходѣ. Это знали. Такимъ образомъ, какъ его вообще любили, то къ нему и относились за всѣмъ. Значитъ, моя должность, всущности, была—получаемое содержаніе безъ дѣла. Для моихъ научныхъ занятій это пришлось какъ нельзя лучше.

У священника была большая и хорошо составленная библіотека. Въ ней, между прочимъ, находились два превосходныя изданія — одно «Отцевъ церкви,» другое — «Актовъ Соборовъ.» Въ нихъ то, въ эти in folio, и погрузился я съ самой неудержимой страстью. И какимъ свѣтлымъ откровеніемъ послужило для меня изученіе этихъ первоначальныхъ источниковъ! Тутъ то я увидѣлъ—какой непроходимой ложью набивали наши головы въ семинаріи; какая необъятная бездна лежитъ между истиной христовой церковію и soi disant церковію которую выработало фарисейство, и до чего во всемъ, и въ лицахъ и въ дѣйствіяхъ, посрамлена и поругана правда евангельская....

Добрый священникъ, впрочемъ, успокоивалъ меня касательно моей приходской недѣятельности, если мнѣ случалось заводить рѣчь о томъ

— Имѣйте терпѣніе, говорилъ онъ; вы ничего не потеряете отъ ожиданія. Подождите сезона купаній. Я замѣтилъ что прекрасныя дамы особенно падки до викаріевъ. Въ первое же воскресенье какъ соберутся сюда къ мессѣ, онѣ ужъ дадутъ замѣтить что моя стариковская, нахмуренная физіономія не въ ихъ вкусѣ. Это не по нашей части, говорятъ онѣ. Вѣрно, этотъ старикъ ужъ черезъ чуръ строгъ. Онѣ лорнируютъ за тѣмъ викарія.—О, да это долженъ быть настоящій ангелъ. Этотъ будетъ кротокъ и терпѣливъ Съ нимъ можно будетъ говорить обо всемъ:—въ молодомъ сердцѣ найдется сочувствіе всему.. И послѣ того, подъ вуалями, но разодѣтыя, онѣ важно направляются къ г. викарію.

Я принималъ это за причудливую шутку священника и смѣялся —Прекрасныя грѣшницы,—ну, чтожъ? И въ двадцать четыре года я съ умѣю сохранить свою важность,—важность отца поучающаго и вразумляющаго

Пришло наконецъ это время.

Наступилъ праздникъ — Corpus Domini. Священникъ, утомленный службами нѣсколькихъ дней, поручилъ мнѣ говорить проповѣдь каждый вечеръ, впродолженіе осми дней праздника. — Викарій говоритъ проповѣдь!... Новый викарій, еще ни разу не проповѣдавшій!. Какъ было жаднымъ до всякой новости мондорцамъ не спѣшить въ церковь? Къ нимъ присоединялись и «водные» посѣтители, конечно для развлеченія, за неимѣніемъ ничего лучшаго. Значитъ, показать себя—мнѣ было передъ кѣмъ.

Ораторомъ я не могъ быть: моя природа слишкомъ скоро направляется къ синтезису. Всего преславнаго Цицерона я свелъ бы на двадцать страницъ. Сущность того о чемъ ораторствовали лучшіе французскіе проповѣдники, подъ моимъ перомъ, выразилась бы въ очень скромныхъ размѣрахъ. Не смотря на то я проповѣдывалъ,—и далеко не безъ успѣха.

Если у меня не было ораторскаго таланта, за то была способность говорить просто и общедоступно, о какомъ бы предметѣ вѣрованія ни шла рѣчь; говорить тѣмъ языкомъ раз-

судка который, понятно, не возбуждаетъ страстныхъ волненій, но за то заставляетъ думать и осмысливать. И внимательно слушали мои проповѣди. И много рѣчей,—добрыхъ и даже лестныхъ для меня рѣчей, шло объ нихъ между слышавшими. Таковъ былъ мой починъ въ дѣлѣ проповѣди. А отсюда, и до кающихся грѣшницъ было уже недалеко.

Разъ, не помню по какому случаю, проходилъ я черезъ церковь. Время было полуденное и жаръ стоялъ невыносимый,—просто задыхались отъ жару. Каждый спѣшилъ укрыться гдѣ либо въ тѣни, чтобы совсѣмъ не испечься. Церковь, которая не представляла убѣжища отъ душной, раскаленной атмосферы, показалась мнѣ совершенно пустою.

Пономарь замѣтилъ меня, и, подбѣжавъ ко мнѣ, сказалъ:

— Важная дама проситъ васъ въ вашу исповѣдальню. Я шелъ было искать васъ.

— Дама? и даже важная? спросилъ я.

— Да, отвѣчалъ онъ; высокаго роста, и одѣтая такъ что сразу видна особа изъ высшаго круга.

Ничто не ускользнетъ отъ косвеннаго взгляда пономаря.

— Ахъ ты, Господи,—вотъ бѣда то!

— Совсѣмъ не бѣда, замѣтилъ, хитро улыбаясь, пономарь. Это послужитъ вамъ въ пользу не хуже чѣмъ проповѣди.

Отступить было нельзя. Важная дама, особа изъ высшаго круга—ради почину мнѣ!... Понятно, не безъ волненія приходилось мнѣ приступить къ новому для меня дѣлу. Священникъ говорилъ мнѣ:

— Онѣ почти всегда являются разглагольствовать о дѣлахъ сердечныхъ.

Я спросилъ его—что это за дѣла сердечныя. Онъ отвѣчалъ:

— Вотъ вопросъ!.. дѣла любви,—разумѣется. Мнѣ попадали такія у которыхъ заразъ было по нѣскольку... того, что онѣ называютъ любовью;—невѣроятно, но бывало. Обстоятельства, изволите видѣть, привели къ тому, увлеченія минуты, потребность сердца,—всего не перечтешь. И при всемъ

томъ это были добрыя женщины. Fragilior sexus! Я не отталкивалъ и такихъ; иныхъ мнѣ и удавалось вернуть къ долгу.

Нужно быть очень терпѣливымъ съ этими несчастными.... падшими, прибавилъ онъ. Онѣ обыкновенно пускаются въ слезы: это облегчаетъ излишнюю полноту души. Нужно предоставить имъ всю свободу—плакать, сколько которой заблагоразсудится, да еще и сказать что сочувствуютъ ихъ скорби, принимаютъ живое участіе въ ихъ.... ну, хоть страданіяхъ. Больше всего любятъ такія красно́ расписывать всякое свое приключеніе.— Не выслушать ихъ, или показать себя торопливымъ, значило бы—оттолкнуть ихъ навсегда. Это—раны, которыя вылечиваются очищаясь сами собой. Будьте терпѣливы до-нельзя, предоставьте свободу разглагольствовать—сколько пожелается, бейте на безконечное милосердіе божіе:—вотъ три практическіе пріема, съ которыми вашъ успѣхъ несомнѣненъ.

Вспомнились мнѣ теперь эти совѣты человѣка опытнаго.

Я поспѣшилъ въ ризницу взять требующееся при этомъ облаченіе, и возвратился въ исповѣдальню.

Моя первая кающаяся стояла на колѣняхъ внѣ ея; лицо ея было подъ непроницаемымъ вуалемъ. Я замѣтилъ что она и въ самомъ дѣлѣ одѣта съ той изящной, роскошной простотой, которая сразу обнаруживаетъ великосвѣтскую даму. Мое волненіе усилилось. Предо мною была неизвѣстная. Замѣтьте что нѣсколько словъ священника, которыя я сейчасъ привелъ, были единственнымъ практическимъ урокомъ, какой я получилъ въ свою жизнь касательно важнаго умѣнья направлять совѣсти. Теологи и книжныя руководства по этому предмету учатъ лишь казуистикѣ. А я твердо рѣшился — никогда, ни въ какомъ случаѣ, не допускать казуистики съ своими кающимися.—

Кающаяся начала съ объясненія что собственно въ исповѣди, въ настоящую минуту, она не имѣетъ надобности, потому что жизнь ея вся доселѣ была чиста и безупречна; но что она

имѣетъ нужду въ совѣтѣ — не кого инаго, а его — викарія Бертомье.

А совѣтъ требовался по поводу любви; но такой любви которая не могла быть допущена и дозволена; именно къ лицу съ которымъ не предстояло никакой, безусловно, возможности соединиться законнымъ образомъ. Послѣ длинныхъ — длинныхъ разглагольствованій между кающеюся и викаріемъ, порѣшили на томъ что можно допустить любовь братскую; что такая любовь совмѣстима съ любовію къ Богу,— и прочее въ томъ же родѣ.

Въ концѣ концовъ оказалось, какъ и слѣдовало ожидать, что это была Фелиси.

Мадамъ Лязера, потерявъ мужа, потерпѣла сильное разстройство въ своемъ здоровьѣ, для возстановленія котораго ей назначили воды. Избрали Монъ-Доръ. Фелиси слышала проповѣди викарія въ которомъ она принимала, впродолженіи стольких лѣтъ, самое живое участіе, — и участіе перешло въ нѣчто болѣе серьезное.

Со свѣтомъ Фелиси покончила начисто. Съ умомъ отъ природы сильнымъ и развитымъ серьезнымъ образованіемъ, она съ презрѣніемъ отвернулась отъ его пустоты, отъ его ничтожества, отъ его пошлости; и всю свою любовь сосредоточила на больной и страждущей матери. Но здѣсь, въ Мон-Дорѣ сказалась въ ней потребность иной любви. Это и было содержаніемъ ея исповѣди. На чемъ порѣшили они, мы видѣли.

Викарій сдѣлался домашнимъ человѣкомъ у мадамъ Лязера. Фелиси не скрывала отъ матери своей любви къ викарію; но мать вѣрила въ свою дочь, —и не ошибалась. Когда викарій изнемогалъ въ своей борьбѣ съ платонизмомъ любви, и былъ не далекъ отъ желанія дать ей иное значеніе, Фелиси, съ изумительнымъ тактомъ, умѣла сдержать его во время; сдержать такъ чтобы ему и краснѣть не пришлось никогда — ни передъ ней и ни передъ кѣмъ. Братскую любовь она допускала во всей короткости; но держала себя такъ что, какія бы бури ни бушевали въ душѣ викарія, при ней онѣ прорваться не могли.

Такъ прошли два мѣсяца,—«два мѣсяца чистыхъ наслажденій», какъ обозначаетъ ихъ викарій. Но сближеніе его съ двумя Лязера, частыя и продолжительныя прогулки, одинъ—на одинъ въ горахъ, съ Фелиси,—все это возбудило толки.—Разумѣется, толки, сами по себѣ, ни къ чему бъ не повели: сближенія священниковъ и ихъ викаріевъ, до всевозможныхъ короткостей, съ своими «кающимися», дѣло слишкомъ обычное, чтобы объ каждомъ отдѣльномъ случаѣ толковать слишкомъ долго. И тѣмъ скорѣе прекратились бы эти толки объ мондорскомъ викаріѣ что къ мадамъ Лязера прибыла одна молодая англичанка, любительница геологіи, которая и сдѣлалась неразлучной спутницей Фелиси въ ея горныхъ экскурсіяхъ съ викаріемъ. Но тамъ—въ епископіи не опускали изъ виду невзлюбленнаго Бертомье. — А кстати, тутъ же подвернулись и Лязера, благодаря которымъ епископская митра навсегда ускользнула отъ жаждавшаго ее. И разрѣшилась гроза надъ мондорскимъ викаріемъ.

— Я часто говорилъ вамъ, ваше преосвященство, и вы имѣли милость не оскорбляться этимъ, вы добры—съ излишкомъ. Когда вы рукополагаете священника, то, переполненный радостью любящаго отца, не допускаете и мысли что ваше чадо когда нибудь будетъ вольничать и сдѣлается соблазномъ въ церкви.

Но мое дѣло совсѣмъ иное. Я насквозь вижу ихъ, въ качествѣ администратора,—вашихъ милыхъ овернскихъ чадъ; и увѣряю васъ что между ними много худо обломанныхъ медвѣдей. Я знаю что они меня не долюбливаютъ; да мнѣ до этого нѣтъ дѣла. Я увѣренъ въ вашемъ преосвященствѣ, — этого мнѣ достаточно; и съ этимъ имѣю дерзновеніе передъ Богомъ—что дѣлаю добро не смотря на мою кажущуюся суровость.

— Такъ, мой другъ; но нужно же иногда вспомнить что Богъ есть Господь милосердія.

— Вы такъ добры, ваше преосвященство, что, какъ всѣ

святые, во всемъ и всегда готовы склониться къ снисходительности. Но съ такой системой, меньше чѣмъ черезъ десять лѣтъ Клермонская епархія будетъ неуправимою. Въ вашемъ клирѣ много молодежи, среди которой обнаруживаются идеи самой необузданной независимости. Нужно попридавить это,—да, ваше преосвященство, попридавить. Вмѣсто нѣжностей этимъ «юнѣйшимъ»,—всѣмъ вашимъ веньяминамъ—хлыстъ!...

— Это ужъ слишкомъ жестоко; по истинѣ, иногда, вы пугаете меня.

— Да, ваше преосвященство, хлыстъ,—и все идетъ слѣдуетъ; и дѣло дѣлается. Священники держатся осторожно; викарьятская мелочь трепещетъ. «Начало премудрости — страхъ».—

— Но состоявшееся рѣшеніе объ этомъ бѣдномъ Бертомье— не строгонько ли оно?

— Ну, ваше преосвященство, вы сейчасъ ужъ и сокрушаться объ этомъ гордецѣ, объ этомъ отмстителѣ обиженныхъ, объ этомъ вѣтрогонѣ, который начинаетъ свою серію соблазновъ? —

— Да нѣтъ же! преступленіе не такъ велико.

— Вы такъ думаете, ваше преосвященство?—Бѣгать всякій день по горамъ съ англичанкой-протестанткой и съ этой безсмысленной Лязера, съ которой, по клермонской хроникѣ, у него уже и прежде велось что-то въ родѣ любви; не надѣвать иногда сутану подъ предлогомъ сильныхъ жаровъ; прикидываться геологомъ; заявлять въ своихъ проповѣдяхъ себя свободнымъ отъ предразсудковъ, и по многимъ важнымъ вопросамъ не ссылаться на мудрыя мнѣнія теологіи:-если на все это вы смотрите какъ на ничтожное, то беру на себя смѣлость сказать вашему преосвященству, что все погибнетъ изъ за этой одной терпимости къ такимъ безпорядкамъ. — Будьте святы, ваше преосвященство, какъ вамъ угодно; но, ради Бога, не спѣшите сокрушаться о судьбѣ этого вѣтрогона котораго я знаю слишкомъ хорошо, который грѣшитъ не по невѣдѣнію, и который зайдетъ слишкомъ далеко, если не почувствуетъ на себѣ желѣзной сдерживающей руки.

Да и не безпокойтесь ни объ чемъ. Я спасу вашу епископ-

скую нѣжность. Вы все взвалите на рѣшеніе, состоявшееся въ совѣтѣ. Такимъ образомъ вы будете въ сторонѣ отъ всякой строгости. Я съумѣю позолотить пилюлю.

Такой разговоръ происходилъ въ епископскихъ чертогахъ Клермона, между преосвященнѣйшимъ епископомъ Клавдіемъ Биньономъ и Іоанномъ Дюмойенемъ, его первымъ главнымъ викаріемъ.

Въ то время какъ мой врагъ такъ мило разрисовывалъ меня, летѣло уже письмо съ огромной епископской печатью, адресованное священнику Мон-Дора. Содержаніе его было то что, по причинѣ важныхъ жалобъ дошедшихъ до епископіи, по поводу странностей его викарія и соблазновъ, произведенныхъ реченнымъ викаріемъ въ такомъ мѣстѣ какъ Мон-Доръ, гдѣ требуется болѣе осторожности и сдержанности чѣмъ во всякомъ другомъ мѣстѣ, нашли нужнымъ перемѣнить реченнаго викарія; что его преосвященство, по своему неизреченному милосердію, хочетъ видѣть въ его дѣяніяхъ, какъ ни важны они всущности, лишь неосторожность допущенную отъ неопытности, и перемѣщаетъ его, реченнаго викарія, викаріемъ въ самый Клермонъ, въ приходъ de Notre-Dame-du-Port, подъ бдительный надзоръ почтеннаго священника, гдѣ, его преосвященство надѣется, реченный викарій будетъ вести себя осторожнѣе и сдержаннѣе.

Легкій выговоръ былъ сдѣланъ священнику за то что онъ не донесъ начальству о соблазнительныхъ подѣляхъ своего викарія; въ концѣ прибавлялось что потребовалась ревность одной благочестивой души, въ ея кратковременное пребываніе на водахъ, чтобы начальство узнало о многочисленныхъ соблазнахъ часто-реченнаго викарія.

Послѣ я узналъ что эта благочестивая душа, такъ благочестиво христіански кинувшая грязь клеветы на меня, оскорблявшей вмѣстѣ съ тѣмъ и Лязера съ ея гостьей-англичанкой, была филотея самаго Дюмойеня, раздѣлявшая его симпатіи и антипатіи, и занимавшаяся, по отношенію не ко мнѣ одному, честнымъ ремесломъ шпіона.

Я былъ ошеломленъ при чтеніи этого письма, которое сообщилъ мнѣ священникъ, болѣе трепещущій за самого себя чѣмъ за меня, потому что и на него пало обвиненіе страшнаго Дюмойеня въ нерадивомъ надзорѣ за своими викаріями.

Почтенный священникъ былъ уже не мало времени въ Мон-Дорѣ, и какъ онъ не терпѣлъ ни геологіи, ни ботаники, то для него Мон-Доръ, полгода скрытый подъ снѣгами, былъ отвратительнымъ мѣстомъ. Онъ пламенно желалъ получить приходъ въ Лиманѣ, — въ этомъ земномъ раю, гдѣ и климатъ превосходный и доходы отличные. Ради этого онъ и приберегалъ главнаго викарія, — всѣми мѣрами и способами подслуживался къ нему, посылалъ время отъ времени хвалебныя посланія съ приложеніями; приглашалъ останавливаться въ своемъ помѣщеніи за каждый сезонъ водъ, особенно когда узнавалъ что сюда будетъ филотея главнаго викарія, которая не могла обойтись безъ благочестивыхъ общеній съ своимъ милымъ отцомъ духовнымъ.

Понятно, какъ должно было разстроить его это несчастное письмо. Передъ нимъ отодвигались, Богъ вѣсть въ какую даль, всѣ сладкія мечты о приходѣ въ Лиманѣ!.. Тогда я ничего не понималъ въ этихъ его крушеніяхъ. По своей юношеской логикѣ, я думалъ простодушно что честный священникъ убивается изъ за того что у него отнимали викарія, котораго онъ иначе не называлъ какъ своимъ милымъ, своимъ любезнымъ и дорогимъ; отнимали по причинамъ больше чѣмъ ничтожнымъ, потому что онѣ основывались на подспудныхъ козняхъ ханжи — извѣстной своей благочестивой страстью ко всякимъ грязнымъ сплетнямъ и своими двусмысленными отношеніями къ главному викарію.

Въ объясненіи, которое у меня было съ священникомъ по поводу этого письма, я никакъ не могъ уразумѣть въ чемъ сущность дѣла.

— Но вѣдь вы хорошо знаете, г. священникъ, что я не пренебрегалъ ни одной изъ своихъ обязанностей?

— Ну-да, конечно.

— Ставить мнѣ въ вину, что я посѣщалъ всѣми уважаемую мадамъ Лязера — вѣдь это сущая нелѣпость

— Ну-да, конечно.

— Вѣдь не преступленіе же въ самомъ дѣлѣ, при геологическихъ изслѣдованіяхъ, скинуть иногда съ себя сутану?

— Ну-да, конечно.

— И вы могли бы засвидѣтельствовать его преосвященству, что я ничѣмъ и никакъ не помрачилъ чести своего священства?

— Ну-да, конечно.

И ничего другаго не могъ добиться я отъ почтеннаго человѣка. Мало заботило его это первое пятно, упавшее на меня безъ всякаго другаго основанія, кромѣ самой вопіющей несправедливости. Но видѣть зарытымъ себя въ этой лелѣяной долинѣ, которую такъ красно расписываютъ туристы и поэты,— это приводило его въ отчаяніе.

Онъ отвѣтилъ Дюмосню, что поспѣшилъ сообщить мнѣ распоряженіе епископа, и что я не замедлю исполнить его. Очень тонко давалъ замѣтить, что я могъ ускользнуть отъ его наблюдательности, за множествомъ дѣлъ которыми онъ былъ задавленъ въ это лѣто, по причинѣ огромнаго съѣзда на воды. И ничего больше касательно меня. Написали ему что я виновенъ; онъ и призналъ меня виновнымъ. Не его, т. е., дѣло было исправлять ошибочное сужденіе своего начальства. Да и ради какого блага, въ самомъ дѣлѣ, заявилъ бы онъ мою невиновность? Что выигралъ бы онъ, сдѣлавшись рыцаремъ — защитникомъ своихъ викаріевъ, которые имѣли несчастіе заслужить чью либо немилость въ епископіи? Нельзя же человѣку, у котораго есть свои разсчеты, рисковать чѣмъ либо, изъ за такихъ пустяковъ какъ спасеніе своего подчиненнаго отъ ничѣмъ незаслуженной имъ гибели. И правъ былъ онъ.

Чрезъ нѣсколько лѣтъ ему дали лучшій приходъ въ одномъ изъ самыхъ очаровательныхъ городовъ Лимана. А еслибы онъ только попытался защитить меня, то, безъ малѣйшаго сомнѣнія, его загнали бы въ такое мѣсто, передъ которымъ и Мон-Доръ показался бы ему райской долиной. Какже неправъ былъ онъ?

Оно—правда, тутъ не безъ противорѣчій которыя трудно согласить. Этотъ священникъ былъ неоспоримо умный человѣкъ; владѣлъ словомъ довольно искусно. Его проповѣди, какъ и всѣхъ таковыхъ, были полны и переполнены: идеальнымъ совершенствомъ, самопожертвованіями, прославленіями борьбы и подвиговъ, беззавѣтной и безкорыстной любовію, отрѣшеніемъ отъ всѣхъ благъ и сладостей жизни, распинаніями плоти грѣховной, безусловнымъ самоотреченіемъ, серафимскими пареніями въ небесную отчизну, гдѣ блаженство въ Богѣ единомъ; и какое блаженство? неописуемое и не вообразимое.

Говорить такъ могъ лишь святой человѣкъ. И у этого святаго человѣка не оказалось на столько простаго чувства правды, чтобы сказать главному викарію: я увѣряю васъ что преувеличили несправедливо мнимыя неосторожности моего викарія; вы можете перемѣщать его куда и какъ угодно; но я не имѣю ничего важнаго въ чемъ бы могъ упрекнуть его.

Теперь я понимаю—откуда этотъ глубокій упадокъ довѣрія, до какого дошло наше служеніе. Мы восторгаемся Богъ знаетъ до какихъ высотъ совершенной любви, когда ведемъ рѣчь съ каѳедры, въ исповѣдальнѣ, передъ будущими супругами, въ присутствіи прекрасныхъ причастницъ и таковыхъ же больныхъ: а въ дѣйствительной жизни, у насъ все низость, все эгоизмъ, да и въ такихъ еще размѣрахъ, до какихъ не всегда доходятъ и люди свѣта. Не чудовищное ли противорѣчіе?! И ктожъ станетъ вѣрить нашимъ диѳирамбамъ любви, когда мы сами попираемъ ее на всякомъ шагу своей жизни?

Иное дѣло, еслибъ мы понизили октаву этого дивнаго совершенства на словахъ, котораго и тѣни нѣтъ въ насъ самихъ; еслибъ побольше проповѣдали простую правду да и проповѣдали не словами, а дѣломъ, собственной жизнью, мы подняли бы хоть сколько нибудь свое служеніе. Не гонялись бы за нами женщины въ чаяніи восторженно—сладкихъ рѣчей объ любви; но за то мы сблизились бы съ мужчиной, въ самой природѣ котораго есть инстинктъ правды и честности. Тогда мужчина не говорилъ бы: все это прекрасно лишь для девотокъ.

Онъ понялъ бы священника, какъ скоро у этого послѣдняго слово не представляло бы возмутительнаго разлада съ дѣломъ; и вѣрилъ бы его проповѣди, вмѣсто этого отвращенія къ ней, которое теперь не считаетъ даже и нужнымъ скрывать.

Но къ чему говорить все это? Безполезный трудъ! Безконечно удобнѣе парить въ облакахъ, разливаться въ восторженномъ краснорѣчіи объ идеальныхъ совершенствахъ, чѣмъ осуществлять въ жизни правду евангельскую. Поэтому, возмутительный разладъ между словомъ и дѣломъ, между проповѣдью и жизнью,—неотъемлемое достояніе нашего священства, какъ высшаго такъ и низшаго.

Священникъ de-Notre-Dame-du-Port оказался страшно предубѣжденнымъ противъ меня.

Онъ началъ съ того что чуть не указами сталъ предписывать мнѣ—какъ держать себя внѣ приходскихъ обязанностей; безъ каковыхъ предписаній, по его мнѣнію, моя добродѣтель не замедлитъ потерпѣть крушеніе. Онъ говорилъ мнѣ объ опасностяхъ, какія молодые викаріи встрѣчаютъ на каждомъ шагу въ такомъ городѣ какъ Клермонъ, гдѣ прекрасный полъ черезъ чуръ легкомысленъ и нерѣдко лѣзетъ къ священству до того что отбою нѣтъ. Онъ предупреждалъ меня объ этомъ изъ добраго расположенія, говорилъ онъ. Къ этому онъ прибавилъ нѣсколько намековъ слишкомъ нелестныхъ для того, что онъ называлъ моимъ прошлымъ.

Я вытаращилъ глаза при этихъ откровеніяхъ, безъ сомнѣнія еще и преувеличенныхъ имъ. Совѣсть и правда возмутились во мнѣ, въ присутствіи этого человѣка, который хотѣлъ обращаться со мною какъ уже съ изобличеннымъ въ чемъ либо, отданнымъ ему подъ полицейскій надзоръ. Скрыть при этомъ свое глубокое негодованіе мнѣ было нельзя.

— Вы слишкомъ ошибаетесь касательно меня, отвѣчалъ я ему; или, вѣрнѣе, васъ ввели въ самое странное заблужденіе. Мое прошлое чисто, г. священникъ. Я не скрываю отъ васъ

какъ глубоко оскорбляютъ меня ваши намеки и тонкія внушенія. Будьте спокойны касательно прекраснаго пола Клермона, какъ вы его называете. Я умѣю уважать самъ себя. Что до вашихъ предписаній, то благоволите это предоставить уже моей совѣсти: путь, который вы предписываете мнѣ, вѣрно поведетъ къ совершенству, въ этомъ я не сомнѣваюсь; но для меня очень хорошъ и тотъ которымъ я иду съ самаго своего посвященія; и въ числѣ своихъ священническихъ обязанностей я не нахожу такой, которая заставляла бы меня, касательно этого, совѣтоваться съ кѣмъ бы то ни было другимъ кромѣ своей совѣсти.

Этотъ языкъ твердый и достойный заставилъ его понять, — что я былъ. Но немудрено угадать, что онъ показался страшно оскорбительнымъ священнику. Я узналъ что онъ говорилъ, въ тотъ же день, одной изъ своихъ задушевныхъ:

— У меня новый викарій, отъ котораго я не жду ничего кромѣ непріятностей; буду же за то ужъ слѣдить за нимъ.

Этотъ отзывъ донесся до моей бѣдной матери, которая крѣпко встревожилась имъ.

— Дорогой сынъ, говорила она мнѣ, ты священникъ, и я не желала бы разстроивать тебя. Но эти люди не прощаютъ никогда; и особенно не прощаютъ когда вина на ихъ сторонѣ.

— Знаю, отвѣчалъ я. Но не признаю ни за кѣмъ права топтать меня ногами.

— Въ такомъ случаѣ, они не пожалѣютъ ничего чтобы погубить тебя. Развѣ и то ужъ не гадость, что они употребили такой низкій способъ лишить тебя прежняго мѣста? развѣ это не оскорбленіе, съ намѣреніемъ попридавить тебя? Съ ними нужно гнуться, всегда гнуться. Иначе, они неукротимы и ломаютъ, безпощадно и небоязненно, потому что сила въ ихъ рукахъ.

Я былъ молодъ; чувствовалъ себя крѣпкимъ отъ сознанія правоты своихъ стремленій и чистоты побужденій, съ какими вступилъ въ священство, и не понималъ всей важности мудрыхъ словъ своей матери.

Обѣ Лязера, которыя и цѣнили во мнѣ больше всего именно эту самобытность духа, поддерживали меня въ этой мысли, больше справедливой чѣмъ благоразумной, выражаемой старинным правиломъ: «дѣлай, что долженъ». Опираясь на эти честныя натуры, стремясь къ добру съ энергіей какая бываетъ въ двадцать пять лѣтъ и еще при сильномъ религіозномъ возбужденіи, я считалъ себя сильнымъ потому что былъ простодушенъ, и несокрушимымъ потому что сознавалъ себя честнымъ и неукоризненно чистымъ. Эта то честность и погубила меня. Во всемъ я дѣйствовалъ съ поднятой головой, съ смѣлымъ взглядомъ и съ свободнымъ словомъ. Значитъ, шелъ путемъ прямо противоположнымъ тому какой указывала мнѣ мать. Прошло не больше трехъ мѣсяцевъ какъ такая жизнь, которую я назову безразсудной честностью, сложенная изъ строгаго выполненія долга и изъ презрѣнія къ людскому мнѣнію враждебному и несправедливому, начала уже собирать горячіе уголья на мою голову.

На мою бѣду, задушевнѣйшая моего врага—главнаго викарія, благочестивая дѣва Гупильяръ, принадлежала къ этому самому приходу de Notre-Dame-du Port. Священникъ подслуживался ей всяческими способами: предупредительное вниманіе, повсюдныя ухаживанья, готовность исполнить немедленно все чего бы ни пожелалось ей, частыя посѣщенія, лесть,—ничего не жалѣлось для этой девотки—изувѣрной и страстной. Благодаря этому, онъ и былъ въ великой чести въ епископіи.

Въ частыхъ собесѣдованіяхъ этой благочестивой парочки, бѣдному викарію не было пощады. Священникъ сокрушался и тяжко вздыхалъ о томъ зломъ духѣ, который этотъ проклятый викарій воспринялъ отъ вѣка и внесъ въ священство. При самомъ посвященіи своемъ онъ уже показалъ что ждать отъ него добра нельзя; и тогда уже слѣдовало выгнать его изъ священнической среды; но епископъ, по излишней снисходительности, не захотѣлъ согласиться на это изгнаніе; а дѣло все таки идетъ къ тому же. Таковы, всущности, были милыя рѣчи обо мнѣ моего любезнаго священника.

Благочестивая дѣва, больше чѣмъ кто нибудь, сокрушалась объ недостаткѣ внутренняго духа и восторженно-благочестиваго краснорѣчія въ моихъ церковныхъ поученіяхъ. Случилось мнѣ разъ говорить о дѣвахъ мудрыхъ и юродивыхъ; къ немалому соблазну однихъ, къ великому изумленію другихъ, я всей силой своего слова возсталъ противъ девотокъ: это она уже прямо приняла на свой счетъ. «Теперь никакая религія невозможна, когда на тебя указываютъ пальцемъ съ каѳедры», вопила она. И сокрушалась и вопила она не по пусту: если уже фарисеи хорошо умѣютъ мстить за обличеніе ихъ внутреннихъ гадостей, такъ девотки на этотъ счетъ еще способнѣе, еще изобрѣтательнѣе.

Такъ, благочестивая дѣва мои посѣщенія Лязера, не задумываясь, истолковывала моей преступной связью съ Фелиси, чему болѣзнь матери служила лишь предлогомъ и прикрытіемъ. И кричала по поводу этого, на всѣхъ путяхъ и распутіяхъ, объ общественномъ соблазнѣ, о позорѣ для священства, о посрамленіи самой религіи, и о томъ что не въ Клермонъ слѣдовало перемѣстить меня, а если не хотѣли совсѣмъ выгнать, то слѣдовало услать меня въ самый дальній и безвѣстный уголъ епархіи, въ какую нибудь деревушку заброшенную въ горахъ. Не трудно угадать, что Дюмойень принималъ самое непосредственное и живое участіе въ этой проповѣди своей филотеи, и даже давалъ ей тонъ и направленіе. Гроза скапливалась надо мной. Одинъ изъ моихъ друзей, узнавшій объ этой сплетнѣ отъ самого священника, убѣждалъ меня взять мѣры предосторожности.

Мѣры предосторожности!... но противъ кого и противъ чего? Всѣ свои обязанности я выполнялъ даже съ самой мелочной точностью; жизнь моя, всѣмъ вѣдомая, не была ниже носимаго мною званія: какія же мѣры предосторожности? Правда, я продолжалъ посѣщать Лязера, но лишь въ тѣ минуты которыя оставались совершенно свободными отъ моихъ служебныхъ обязанностей; да и обѣ Лязера, помимо благочестивой дѣвы, были настолько уважаемы во всемъ Клермонѣ, что посѣщеніе ихъ могло служить лишь честію, а ужъ никакъ

не пятномъ для кого бы то ни было. Мало всего этого, къ концу года я добился даже и того что мой священникъ замѣтно умягчился по отношенію ко мнѣ. Во всѣхъ своихъ отношеніяхъ къ нему, служебныхъ и частныхъ, я держался такъ искренно и прямодушно, а вмѣстѣ съ тѣмъ и почтительно, что онъ, волей-неволей, былъ любезенъ со мною.

Но не то творилось у грознаго Дюмойеня. Затѣмъ онъ и перетащилъ меня въ Клермонъ чтобы держать подъ своимъ инквизиторскимъ взоромъ; его ненависть все разсчитала. При пособіи своего шпіона, благочестивой Гупильяръ, велъ запись всему что называлъ моими дѣяніями и подѣтелями; и къ концу года, мой послужной списокъ, редактированный святой дѣвою и коментированный ненавистью главнаго викарія, представлялъ меня однимъ изъ тѣхъ подозрительныхъ котораго необходимо извергнуть въ пустыню какъ паршивую овцу.

Я вполнѣ зависѣлъ отъ этого человѣка; его преосвященство, при всей своей добротѣ, былъ ненадежнымъ защитникомъ.

Дюмойень принялся за дѣло ловко, какъ всегда и во всемъ. Въ епископскомъ совѣтѣ, когда разсуждали о младшемъ клирѣ города и было произнесено мое имя, онъ обратился съ своимъ приговоромъ прямо къ епископу:

— О, этотъ-то!... я продоставляю его тому кто захочетъ взять его на свою отвѣтственность. Ваше преосвященство можете относиться къ нему съ своимъ обыкновеннымъ милосердіемъ; что до меня, я не отвѣчаю больше ни за что.

— Что тамъ еще? возразилъ епископъ такимъ тономъ который показывалъ, какъ тяжело ему найти виновнымъ одного изъ своихъ священниковъ.

— Есть таки, и не мало есть... эта личность не оставляетъ своей Лязера; онъ продолжаетъ быть соблазномъ для всѣхъ съ своей Лязера; и, недальше какъ вчера, одно лицо заслуживающее всякаго довѣрія говорило мнѣ, что нисколько не будетъ удивительнымъ, если аббатъ Бертомье и младшая Лязера, у которыхъ есть тѣсныя связи въ Англіи, уѣдутъ вмѣстѣ туда, съ цѣлію—сдѣлаться протестантами и... повѣнчаться.

Слово «сдѣлаться протестантами» упало какъ громъ на головы почтенныхъ членовъ епископскаго совѣта и ошеломило ихъ.

«Сдѣлаться протестантами!»... воскликнули они чуть не въ одинъ голосъ. Спасите насъ, ваше преосвященство, отъ такого страшнаго соблазна!...

На другой день, въ ту самую минуту какъ, войдя въ ризницу, я разоблачался, отслуживши первую мессу, священникъ подошелъ ко мнѣ и, ни слова не говоря, подалъ мнѣ слѣдующую записку:

«Мой любезный священникъ,

Прикажите г. аббату Бертомье явиться въ епископію. Ожидаю его въ полдень.

Вашъ другъ, Дюмойень, г. в.»

— Очень хорошо, г. священникъ, отвѣчалъ я возвращая ему диковинное посланіе. Явлюсь въ епископію.

Онъ поклонился мнѣ слегка и сталъ на колѣна передъ налоемъ, готовясь также совершать мессу. Я вскорѣ сталъ близъ него для прочтенія благодарныхъ молитвъ. Въ ризницѣ было глубокое безмолвіе. Кто увидѣлъ бы насъ здѣсь колѣнопреклоненныхъ, тотъ непремѣнно сказалъ бы: вотъ два божьихъ человѣка, не помышляющихъ ни о чемъ земномъ.

Увы, нѣтъ!... Не могли мы теперь, тотъ и другой, не помышлять о предметахъ земныхъ. Еще наканунѣ священникъ, какъ о какой радостной побѣдѣ, заявлялъ что мнѣ предстоитъ пережить невеселыя минуты. Значитъ, онъ зналъ зачѣмъ меня вызываютъ, и не могъ не думать о послѣдствіяхъ этого вызова, что онъ, съ своей стороны, самъ подготовлялъ всѣми зависѣвшими отъ него способами. Значитъ, ему была извѣстна ожидающая меня судьба; и онъ не могъ не радоваться что совершится наконецъ позорное изгнаніе его викарія, чего такъ крѣпко желалось ему и его общникамъ. Но онъ готовился сейчасъ совершать жертву любви? Что же изъ того? противорѣчіе-де?!... О, здѣсь наилучшимъ образомъ умѣютъ прими-

рять всѣ противорѣчія—и безкровную жертву съ ненавистью, и рѣчь о спасеніи — со стремленіемъ загубить того или другаго изъ своихъ ближнихъ. Во имя дисциплины, и еще больше, во имя ревности о славѣ божіей, какое преступленіе не позволительно совершить? на какое злодѣяніе не позволительно рѣшиться? Можно и ненавидѣть, и совершать самыя мрачныя и погибельныя дѣянія, когда служатъ дѣлу святому. Да! здѣсь все умѣютъ примирить. Что до меня, то, признаюсь, я сильно былъ взволнованъ. У меня не было привычки рисоваться, по примѣру почтенныхъ собратовъ, человѣкомъ совершеннымъ,— святымъ человѣкомъ. Я мало заботился объ нѣжномъ поклоненіи приходскихъ девотокъ; напротивъ, не щадилъ для нихъ, при каждомъ случаѣ, жесткихъ хотя и даромъ пропадавшихъ истинъ. И подъ сутаной я чувствовалъ себя человѣкомъ; и страдалъ за священника въ самомъ себѣ, каждый разъ когда трудное положеніе требовало этихъ героическихъ добродѣтелей самоотверженія и жертвы, которыя пріобрѣтаются лишь долгой жизненной работой. Поэтому я молился дурно, и слишкомъ дурно. И какъ для меня страшно всякое лицемѣріе, то, чтобы не представляться мирно молящимся, когда тревога бушевала въ душѣ, я поспѣшилъ встать и удалиться.

Увы! еще не эта была самая горькая моя чаша.

Не знаю всего что бываетъ въ душѣ другихъ людей при подобныхъ случаяхъ; но моя потрясается вся при всякой несправедливости. Будь я дѣйствительно виновенъ, я преклонился бы предъ карою, съ полнымъ сознаніемъ своей виновности. Ни одного слова ропота при этомъ не сорвалось бы съ моихъ устъ. Такъ несовершенный и слабый, какъ и всякій другой изъ братьевъ, я принялъ бы кару какъ очищеніе за грѣхъ, порицая не кару и карающихъ, а виновнаго, т. е. самого себя. Но когда кара ничѣмъ не заслужена и разражается лишь возбужденная ненавистью и мстительностію; когда каратели, облеченные высокимъ достоинствомъ священства, продолжатели дѣла христова на землѣ, дѣла любви и правды,— не проявляютъ не только правды и любви, но и той простой

справедливости какая бываетъ между людьми свѣта; когда они, вмѣсто того чтобы быть судьями безпристрастными, не больше какъ кровожадные палачи, тогда мое негодованіе уже не можетъ сдержаться: противорѣчіе слишкомъ рѣзко и грубо, слишкомъ невыносимо.

И не то еще для меня самое возмутительное что карaютъ несправедливо: принимали и цикуту ничѣмъ не заслуживъ ее, гибли и отъ рукъ палачей такіе которые были цвѣтомъ и красой человѣчества. Но такія дѣянія творились въ мірѣ подъ вліяніемъ страстей человѣческихъ; они и объясняются этими самыми страстями. Но когда карающая неправда идетъ на насъ отъ служителей Бога живаго, отъ приносителей жертвы безкровной, отъ людей которые хотятъ чтобы ихъ считали святыми, чистыми, милосердыми, чуждыми страстей человѣческихъ; когда эти святые смиренно и благочестиво задушаютъ васъ петлей; когда эти чистые, съ крестомъ въ рукѣ и съ молитвой на устахъ, подносятъ вамъ ядъ; когда эти милосердые сдираютъ съ васъ кожу и наслаждаются вашей предсмертной агоніей, — мой Боже! такое испытаніе не по силамъ обыкновенному смертному, потому что тутъ въ твое имя творится зло; потому что тутъ подъ твоимъ покровомъ совершается неправда! Тебя дѣлаютъ соучастникомъ злодѣянія, мой Боже!

Многое могу понять я въ дѣлахъ человѣческихъ,—и поруганіе правды отъ тѣхъ которымъ невѣдома правда евангельская, и злоупотребленія силой отъ тѣхъ которые кромѣ внѣшней силы не разумѣютъ инаго закона жизни. Но когда поруганіе правды идетъ отъ тѣхъ которые, по самому служенію своему, должны быть оплотомъ и охраной правды между людьми; когда насилія совершаются самими проповѣдниками евангельскаго закона жизни,—этого понять я не въ силахъ. Что тутъ, абсолютное ли невѣріе во все свое служеніе, во всю свою проповѣдь, во все что зовется евангеліемъ и христіанствомъ, по примѣру языческихъ жрецовъ которые, въ послѣднее время язычества, сами хохотали надъ всѣми своими мистеріями? Послѣдняя ли степень умственнаго и нравственнаго растлѣнія

до какого можетъ дойти человѣчество, по примѣру фарисейства современнаго Христу которое отрекалось отъ своей національности, отъ всего за что само стояло и ратовало, лишь бы сгубить ненавистнаго обличителя его лжи?

Подъ вліяніемъ такихъ тяжелыхъ думъ отправился я въ епископію.

Часы отзванивали полдень, когда я вошелъ въ кабинетъ главнаго викарія. Всячески усиливался я быть спокойнымъ, но возмущеніе клокотало въ моей душѣ, какъ клокочутъ волны моря въ предвѣстіи бури.

Дюмойень, всушности, былъ не спокойнѣе меня; но онъ всецѣло постигъ искусство владѣть собой; ничто на его ледяномъ лицѣ, ничто во всей его неподвижной посадкѣ не обличало внутренняго волненія.

Онъ не взглянулъ на меня: онъ чувствовалъ что это я.

— Садитесь! — Я сѣлъ.

— Я имѣю сказать вамъ вещи очень непріятныя и наложить на васъ тяжелыя пожертвованія.

— Что именно, г. главный викарій? отвѣчалъ я.

Онъ продолжалъ, разу не поднявъ на меня глазъ.

— Вамъ неизвѣстно побужденіе по которому васъ заставили оставить Мон-Доръ. Священнику, особенно молодому священнику, надо быть такъ осторожнымъ что когда, по легкомыслію или по неразумѣнію, онъ вознерадитъ объ этомъ, то скоро дѣлаетъ свое служеніе невозможнымъ, гдѣ бы то ни было — все равно. Есть съ чѣмъ вѣрующіе не примиряются. Все что имѣетъ видъ соблазна — для нихъ соблазнъ.

Подводный камень, который погубилъ васъ въ Мон-Дорѣ, губитъ васъ и здѣсь въ Клермонѣ. Мы дали вамъ урокъ мягкій, отеческій. Преосвященный, всегда такъ добрый, не хотѣлъ чтобы сдѣлали вамъ выговоръ или замѣчаніе. Не наше дѣло, разумѣется, учить его. Не нами онъ назначенъ управлять своей епархіей. Поэтому, на немъ одномъ и лежитъ отвѣтственность за его излишнюю снисходительность. Что не трудно было предвидѣть, эта снисходительность и погубила васъ.

Слова — «соблазнъ», и «данный урокъ», слишкомъ ужъ сильно рѣзнули мой слухъ. Не смотря на мое доброе намѣреніе — крѣпиться до конца, мое овернское терпѣніе мгновенно испарилось.

— Погубила! что это значитъ? въ чемъ мое священство менѣе чисто чѣмъ всѣхъ моихъ собратьевъ этого города и епархіи, чѣмъ ваше, г. главный викарій?

— Не смѣйте принимать такой тонъ, г. аббатъ; не забывайте, вы говорите съ начальствомъ.

— Я не забываю этого. Но когда мое начальство употребляетъ выраженія которыя меня оскорбляютъ...

— Тогда мы прекратимъ разговоръ, г. аббатъ, потому что, когда я говорю отъ имени преосвященнаго и его совѣта, вы отказываетесь слушать меня. Но это не пройдетъ вамъ даромъ.

Я понялъ все неблагоразуміе своей вспышки; противная сторона была слишкомъ ловка и сильна. Мастеръ Дюмойень не въ первый уже разъ сцѣплялся съ этими горными натурами которыя не выносятъ несправедливостей и насилій, и хорошо разумѣлъ тактику побивать ихъ. Я присмирѣлъ; но, кажется, не столько отъ страха сколько отъ желанія узнать наконецъ, что тамъ измыслили противъ меня.

— Ну хорошо, г. главный викарій, я выслушаю; извольте говорить. Но къ дѣлу, сразу. Оскорбительны для меня ваши разглагольствованія. Дѣло само въ себѣ, можетъ быть, менѣе разстроитъ меня.

— Больше ничего не требуется. Я уже касался самаго дѣла, именно когда вы прервали меня. Чтобы отнять отъ моего языка все что могло бы показаться вамъ личнымъ, я объявляю вамъ что мои слова идутъ прямо отъ его преосвященства, и потому прошу васъ видѣть здѣсь лишь его въ эту минуту.

Дошло до насъ со всѣхъ сторонъ что ваши частыя посѣщенія Лязера возбудили общіе толки, соблазнительные толки, которые возмутили уже немало христіанскихъ семей Клермона. Его преосвященство, понимая какой вредъ наносятъ эти толки религіи, хочетъ непремѣнно чтобы они были прекращены. Вы

не знаете что народъ, который сочиняетъ исторіи обо всемъ, сочинилъ исторію и объ вашей выходкѣ, больше чѣмъ странной, при вашемъ первомъ посвященіи. Вы сдѣлались въ его глазахъ героемъ любовнаго приключенія. А героиня—младшая Лязера, изъ за несчастной страсти къ которой вы, съ досады, и кинулись въ семинарію. Я не изслѣдовалъ что было правды или лжи въ этомъ народномъ разсказѣ, который причинилъ тогда много скорби его преосвященству и который, въ глазахъ многихъ изъ насъ, былъ законнымъ поводомъ чтобы уже не допускать васъ до иподіаконства. — Но это было дурнымъ предъидущимъ для вашего священства.

Затѣмъ, сдѣлавшись викаріемъ въ Мон-Дорѣ, вы вздумали разгуливать по горамъ, подъ предлогомъ научныхъ изслѣдованій, съ двумя черезъ чуръ молодыми особами, которыя обѣ кидали слишкомъ дурную тѣнь на ваше поведеніе —Лязера вслѣдствіе предъидущаго, извѣстная англичанка въ качествѣ протестантки. Соблазнительные толки объ этомъ второмъ приключеніи заставили насъ прибѣгнуть къ наружной строгости. Но мы не допустили соблазнительной огласки.

И наконецъ, перемѣщенный сюда въ Клермонъ, предъ наши взоры, въ среду собственной семьи, гдѣ все заставляло васъ держать себя сколько можно осторожнѣе, вы продолжаете сношенія которыя уже дважды взвели на васъ тяжелое подозрѣніе. Понятно, его преосвященство вынужденъ прибѣгнуть къ мѣрамъ благоразумія, которыхъ требуетъ совѣсть и долгъ. Пора остановить васъ. Поэтому, мнѣ поручено объявить вамъ что строжайше воспрещается вамъ продолжать сношенія съ обѣими Лязера, подъ страхомъ тяжелаго и примѣрнаго наказанія.

— Но, г. главный викарій, возразилъ я, взвѣсили-ль вы въ совѣтѣ всѣ послѣдствія этой мѣры?

— Безъ всякаго сомнѣнія.

— И вы съ своей стороны согласны съ этимъ?

— Безъ сомнѣнія. Но кчему эти вопросы, по меньшей мѣрѣ, неприличные?

— Ктому что мнѣ нужно уяснить для себя сущность дѣла. И такъ вы полагаете, что если прервать заразъ мои сношенія съ такимъ уважаемымъ домомъ какъ Лязера, то это заставитъ умолкнуть языки нещадящіе меня, и умиритъ благочестивыя совѣсти которыя соблазняются?

— Очевидно. Зло прекратится въ самомъ источникѣ.

— Нѣтъ, г. главный викарій, нѣтъ. Вы ошибаетесь. Одно изъ двухъ: или меня сочтутъ невиновнымъ; и въ такомъ случаѣ въ общественномъ мнѣніи Клермона, въ средѣ клира и между свѣтскими, я буду представляться жертвой епископскаго произвола. Понравится ли вамъ, если я буду розыгрывать эту роль которая, признаюсь, возбуждаетъ во мнѣ отвращеніе?

Нѣтъ? конечно нѣтъ. Тѣмъ лучше!.. Или сочтутъ меня виновнымъ, когда, свидѣтельствуясь Богомъ и совѣстью говорю, я невиновенъ, и вы наложите на меня клеймо позора; и что еще преступнѣе, такое же клеймо наложите на Фелиси Лязера, доселѣ пользовавшуюся, и совершенно достойно, такимъ глубокимъ уваженіемъ во всемъ Клермонѣ. Теперь видите-ль послѣдствія? Нужно же, чтобы юнѣйшій изъ священниковъ разъяснялъ вамъ это.

— Какое намъ дѣло до того что, передъ Богомъ и совѣстью, вы и та которую такъ часто посѣщаете вы — виновны или нѣтъ? это ваше дѣло. Есть соблазнъ: вы официально виновны, вотъ и все. Мы прекращаемъ сплетни, время идетъ, толки умолкаютъ. Спустя нѣсколько лѣтъ, дѣло забыто. А если мы пощадимъ то что вы называете своею невиновностью, то полугода не пройдетъ какъ натворятъ полсотни соблазновъ, одинъ другаго грязнѣе и возмутительнѣе, въ главныхъ приходахъ епархіи, что тогда мы будемъ дѣлать? вы, который даете намъ урокъ своей отличной дилеммой, понимаете-ль вы это?

— Я не понимаю и никогда не пойму несправедливости. На какихъ законныхъ доказательствахъ основываясь, обвиняете вы священника который строго и точно выполняетъ всѣ свои обязанности, всѣ до единой? на какихъ законныхъ причинахъ основываясь, вы кладете позорное пятно на уважаемую

всѣми личность тѣмъ фактомъ, о которомъ сейчасъ же узнаетъ весь Клермонъ, что мнѣ воспрещено даже ногою вступать въ ея домъ? Ваша мнимая причина не что иное какъ безчеловѣчіе. Чтобъ страхомъ удержать моихъ собратьевъ отъ соблазнительныхъ дѣяній, вы клеймите позоромъ двоихъ которыхъ, я почти увѣренъ, въ глубинѣ своей совѣсти и сами вы признаете невиноватыми: съ чѣмъ же, съ какимъ закономъ человѣчества, это сообразно?. Я мужчина; я могу принять этотъ позоръ за себя; но принять его за Фелиси Лязера—никогда!

— Такъ вы противитесь его преосвященству!.. Вотъ они, каковы эти священники! Какъ хорошо они разумѣютъ повиновеніе, въ которомъ клялись при подножіи алтаря!.. Какъ заботятся они чтобы священство было чтимо!..

— Но, г. главный викарій, мы, кажется, не понимаемъ одинъ другаго. Именно потому то чтобы почтеніе къ священству еще хоть сколько нибудь сохранялось, я и прошу васъ отмѣнить безчеловѣчную мѣру. Иначе, какое-жъ нравственное начало преобладаетъ въ вашемъ епископскомъ управленіи? Я офиціально виновенъ, потому что какая нибудь девотка изволила найти дурнымъ, что меня ласково принимаютъ въ домѣ моей благодѣтельницы; что вечеромъ прихожу провести часъ-другой у постели больной, и не бѣгаю отъ личности стоящей такъ высоко въ общественномъ мнѣніи!.. И нужно чтобы, для удовлетворенія касательно этого ложныхъ понятій и оскорбительныхъ подозрѣній, я заявилъ громко на весь Клермонъ, заявилъ самымъ дѣломъ, что благочестивые языки не ошиблись, что подозрѣнія были справедливы, потому что епископія не иначе могла карать меня какъ основываясь на доказательствахъ очевидныхъ и несомнѣнныхъ! По истинѣ, г. главный викарій, это ужъ черезъ чуръ рѣзко.

— Да вѣдь и все такъ защищаются тѣ которыхъ мы караемъ.

— Но если и другихъ вы караете также, на такихъ же точно основаніяхъ какъ меня, то всѣ они вполнѣ правы.

Дальше, г. главный викарій: я официально виновенъ какъ скоро заподозрили меня одна или нѣсколько девотокъ, жизнь которыхъ проходитъ въ благочестивомъ шпіонствѣ за молодыми священниками; но послѣ этого къ чему мнѣ можетъ послужить жизнь чистая и строгая?

Положимъ что я всецѣло преданъ распутной жизни; но, весь распутный, умѣю, что вѣроятно не особенно трудно, умѣю скрывать подъ маской строгаго благочестія свои распутныя подѣтели:—какъ скоро, подъ моей лицемѣрной личиной, невѣжественная толпа девотокъ не будетъ подозрѣвать моей испорченности,—я, значитъ, чистъ, цѣломудренъ, святъ официально!.. Я могу волочить свою скрытно позорную жизнь, осквернять алтарь, и, подъ причеты девотокъ: о, что за ангелъ благочестія!, ругаться надъ вами, надъ церковію, надъ Богомъ?

— Это предположенія нелѣпыя.

— Не совсѣмъ то нелѣпыя. Что ни дѣлай, какъ ни живи: священникъ, по вашимъ порядкамъ, въ вѣчномъ подозрѣніи. Остается у него одно убѣжище надежное, могущественное,—лицемѣріе. Съ нимъ, онъ можетъ не бояться, даже презирать васъ. Еслибъ Фелиси Лязера разу не протянула мнѣ руки при постороннихъ, я не пользовался гостепріимствомъ ея матери, и въ обществѣ, при чужихъ людяхъ, мы прикидывались чуть знакомыми, или и совсѣмъ незнакомыми;—а между тѣмъ, среди ночной тьмы, въ простонародной одеждѣ, мы сходились бы съ извѣстной цѣлію въ уединенной квартирѣ какого нибудь дальняго и пустыннаго переулка,—я официально былъ бы неукоризненъ и праведенъ; и вы нечестивца зачислили бы между добрыми и достойными своими пастырями... Чтожъ это за система управленія,—основанная на шпіонствѣ, поддерживаемая лишь грозой устрашеній, ругающаяся надъ правдой даже когда она опирается на свидѣтельство совѣсти и Бога? Вѣдь она прямо бросаетъ священника въ тартюфы, въ самое отчаянное фарисейство!..

Впрочемъ у васъ не всегда одна и таже строгость. Вы допускаете исключенія.

У насъ, въ нашемъ приходѣ de Notre-Dame-du-Port, есть личность весьма благочестивая, которой я вамъ не назову. У ней имѣется задушевнѣйшій другъ изъ священства, лице хорошо извѣстное въ городѣ, который почти дня не пропуститъ чтобы не спутешествовать къ ней. Никакая сила не разубѣдитъ все клермонское населеніе, чтобы между этимъ святымъ человѣкомъ и этой святой дѣвою не было преступной связи. Толки о соблазнѣ, впродолженіи десяти лѣтъ, тысячу разъ должны были дойти до епископіи. Не смотря на то, связь продолжается, и ничто не предвѣщаетъ чтобы она прекратилась скоро. Я желаю думать что обѣ эти святыя личности нисколько не виновны; но требую, по крайней мѣрѣ, такой же справедливости и для моихъ отношеній къ Фелиси Лязера. У васъ не могутъ, не должны быть двои вѣсы и двоякая мѣра.

— Я не знаю о комъ вы говорите... Вѣроятно вы изволите разсказывать мнѣ сказку.

Это окончательно взорвало меня.

— Нѣтъ, не сказку разсказываю я вамъ. Десять лѣтъ уже одно лицо изъ священства, и даже изъ самого епископскаго управленія, чуть не каждый день изволитъ навѣдываться къ благочестивой дѣвѣ Аполоніи Гупильяръ; и это лице,—г. главный викарій, Іоаннъ Дюмойень...

— Вонъ! аббатъ, вонъ!.. Такое оскорбленіе въ самой епископіи представителю епископской власти!.. Святая дѣва которая причащается, по уставу, четыре раза въ недѣлю, не считая главныхъ праздниковъ; да это позоръ!—Главный викарій, пользующійся всѣмъ довѣріемъ его преосвященства;—да это неслыханная, невообразимая дерзость!..

— А! вы изволили взволноваться, г. главный викарій. Когда дѣло идетъ о простомъ приходскомъ викаріи, такъ онъ официально виноватъ, достоинъ всякихъ каръ, и мнимую сообщницу его вины слѣдуетъ заклеймить позоромъ. А когда г. главному викарію напомнили о дѣйствительно производимомъ имъ впродолженіи столькихъ лѣтъ соблазнѣ, такъ это неслыханная дерзость, и по отношенію къ его задушевной-оскорбленіе,

позоръ. Такъ. Но гдѣ жъ наконецъ справедливость-то? Честь Фелиси Лязера меньше ли значитъ, меньше ли стоитъ, чѣмъ какой нибудь девотки Гупильяръ, хоть бы она причащалась каждый день? И долженъ ли я стать на защиту первой меньше, чѣмъ сколько вы изволили раздражиться по поводу другой? Имѣйте жь наконецъ совѣсть, г. главный викарій.

— Я былъ слишкомъ снисходителенъ, выслушивая ваши оскорбительныя противорѣчія. Пора кончить съ такимъ дерзкимъ и задорнымъ человѣкомъ.

Я уполномоченъ его преосвященствомъ дать вамъ двѣ или три недѣли на размышленіе. Если вы не хотите быть покорнымъ, то, послѣ этой отсрочки, мы прибѣгнемъ къ строгимъ мѣрамъ.

Сказать вамъ больше мнѣ нечего. До свиданія.

Добрый человѣкъ нагнулся и принялся разбирать бумаги на своемъ столѣ. Мнѣ ничего больше не оставалось какъ уйти.

— О, тартюфы! невольно мелькнуло въ моей головѣ; когда же конецъ вашему гибельному фарисейству?!

Нужно сказать правду. Я былъ какъ будто утѣшенъ. Не худо и очень не худо, чтобы эти презрѣнные еще здѣсь на землѣ получали себѣ какое либо возмездіе. Правда, срывающая маску съ ихъ лица и разоблачающая ихъ настоящее, дѣйствительное значеніе — предвареніе той вѣчной правды которая, въ свое время, обнажитъ предъ всѣми все темное и сокровенное человѣчества.

Но я слишкомъ хорошо зналъ—на что способна мстительность этихъ фарисеевъ, особенно когда сила въ ихъ рукахъ, и потому не могъ нисколько обманываться касательно своей будущности. Я погибъ, навсегда погибъ. Бѣдная пчела метнула свое жало, единственное оружіе полученное ею отъ природы; но жало осталось въ ранѣ. Пчела должна умереть отъ своего мщенія. Я рѣшился на крутую мѣру.

Мадамъ Лязера могла пособить мнѣ въ этомъ случаѣ. Къ ней я и отправился непосредственно.

— Важную услугу вы можете оказать мнѣ, сказалъ я ей, о которой я и пришелъ просить васъ. Я имѣю основательныя

причины думать что священникъ de Norte-Dame-du-Port, во чтобы то ни стало, старается избавиться отъ меня. Было бы слишкомъ долго объяснять вамъ — отчего и почему. Да и я самъ уже усталъ съ нимъ. А кромѣ того, хоть меня вообще и очень любятъ въ приходѣ, о чемъ вѣроятно до васъ доходили свѣдѣнія,—тѣмъ не менѣе, есть нѣсколько святыхъ душъ которымъ я не имѣю счастія нравиться, и которыхъ боюсь изъ за ихъ вліянія въ епископіи.

Мадамъ Лязера меня поняла и отвѣчала мнѣ улыбкой.

Я продолжалъ:

— Такъ какъ вы хорошо знаете этотъ людъ, то конечно найдете что съ моей стороны благоразумно и предусмотрительно — спустить на время свой парусъ и уклониться отъ бури. Не будете ли вы такъ добры, чтобы побывать у преосвященнаго и попросить его—назначить меня въ какой нибудь небольшой приходъ епархіи?

Не скрою,—больно и страшно было мнѣ рѣшиться на такую мѣру. Я уступалъ страшному Дюмойеню; уступалъ ему побѣду безъ борьбы, со всѣми тяжкими послѣдствіями для побѣжденнаго. Съ другой стороны, сколько нибудь значительные приходы епархіи были тогда всѣ заняты исправлявшими должность; я могъ разсчитывать лишь на какой нибудь бѣднѣйшій сельскій приходъ. Я былъ вдвойнѣ побѣжденъ: изгоняемъ несправедливостью и самъ себѣ просилъ ссылку. Для моего безпощаднаго врага пріятнѣе этого и быть ничего не могло.

И все это еще было ничего. Но мнѣ предстояло—или оставить отца уже дряхлѣющаго и мать, или тащить ихъ съ собою въ какую нибудь страшную деревенскую лачугу,—ихъ, уже попривыкшихъ къ городской жизни, черезъ чуръ нероскошной—понятно, но и не лишенной нѣкоторыхъ небольшихъ удобствъ, что такъ дорого да и нужно для стариковъ.

Наконецъ нужно было оставить и моихъ благодѣтельницъ,—эту мадамъ Лязера въ которой я видѣлъ свою вторую мать, и Фелиси которая,—чтоже скрывать? была для

меня дорога, какъ дорога брату единственная сестра, которой онъ обязанъ всѣмъ въ своей жизни и которая, ради его, отказалась отъ всего—что зовется счастьемъ на землѣ, отъ всего—къ чему женщина, по самой природѣ своей, чувствуетъ влеченіе и призваніе.

Больно, смертельно больно было мнѣ рѣшиться на эту мѣру. Но борьба съ Дюмойенемъ, значитъ—на позоръ кинутое дорогое мнѣ имя:—сумѣлъ бы этотъ фарисей,—и непосредственно и посредствомъ своихъ филотей,—святая Гупильяръ не одна была у него, расплатиться за ускользнувшую отъ него митру; а на позоръ кинутое имя, значитъ—смерть старшей Лязера и безъ того измученной болѣзнями: можно-ль было мнѣ колебаться?

Мадамъ Лязера взглянула на мое желаніе получить какой нибудь сельскій приходъ именно съ той стороны, съ которой я нарочно представилъ. Всячески старалась она отклонить меня отъ этого желанія и вооружиться терпѣніемъ. Но, разъ рѣшившись, я уже не могъ склониться на ея убѣжденія.

— Я страдаю страшно, сказалъ я въ заключеніе нашихъ споровъ, отъ разлуки на которую обрекъ себя. Но иначе поступить не могу. Такимъ только образомъ могу предохранить отъ тяжкихъ огорченій—себя, свою мать и... даже васъ. Повѣрьте, не подъ вліяніемъ минутнаго раздраженія я дѣйствую такъ, а совершенно вѣрно предвидя многое—чего никакъ не могу, не долженъ допустить.

Угадалали она въ этихъ словахъ тѣ тайныя причины которыхъ я не хотѣлъ высказать ей, подумала ли что съ моимъ тугимъ характеромъ безполезно дольше настаивать,—по тому или другому, но уступила наконецъ и сказала:

— Хоть и больная, но стаскаюсь къ преосвященному.

Въ провинціи, наибольшее вліяніе на епископское управленіе имѣетъ женщина высоко поставленная. Имена здѣсь производятъ свое очарованіе. Старыя преданія поддерживаютъ между епископомъ и аристократическими семьями страны эти пріязненныя отношенія, которыя опираются на взаимность услугъ. Епископъ нерѣдко имѣетъ нужду въ содѣйствіи этихъ

семей, пользующихся наилучшимъ положеніемъ, въ качествѣ землевладѣльцевъ. Онѣ— самая надежная опора сельскаго клира; и было бы несправедливостью отрицать что немалое число этихъ жалкихъ священниковъ—если пользуется какими либо жизненными удобствами, то именно благодаря сосѣдству обитателей замковъ. Не мѣсто изслѣдовать здѣсь—подъ какими условіями часто оказывается это покровительство, и вочто обходится оно несчастнымъ священникамъ. Я заявляю лишь то чтò есть. Отсюда, нѣтъ епархіальнаго управленія которое главнѣйшимъ образомъ не заботилось бы всячески поддерживать добрыя отношенія къ обитателямъ замковъ и вообще къ извѣстнымъ семействамъ. А при этомъ, понятно, какое значеніе должны имѣть для епископа, въ каждомъ обстоятельствѣ, желанія и просьбы этой части его паствы которая, кромѣ всего прочаго, послѣ великаго революціоннаго крушенія, одна громко заявила свою вѣрность католичеству, и добровольно принесла немалыя жертвы для поддержанія его.

Кромѣ этой слишкомъ немаловажной причины которой никто, и особенно старый епископъ Клермона, не могъ оставить безъ вниманія, этотъ послѣдній многимъ и даже очень многимъ лично былъ обязанъ семейству Лязера. Поэтому просьба моей покровительницы никакимъ образомъ не могла быть безполезною. Она могла доставить мнѣ какой нибудь добрый приходецъ и, во всякомъ случаѣ, не остаться безъ вліянія на епископское управленіе которое рѣдко затрогиваетъ священниковъ, пользующихся покровительствомъ сильныхъ міра сего; лишь беззащитныхъ давитъ оно всей силой своего дикаго произвола.

На этотъ разъ я не ошибся въ своихъ надеждахъ.

— Да кто жъ или что, говорилъ епископъ моей покровительницѣ, заставляетъ его такъ скоро возложить на себя тяжкое бремя прихода? Если это отъ ревности и эта ревность идетъ отъ Бога, въ чемъ я и не сомнѣваюсь, такъ тѣмъ лучше. У насъ есть мѣста на которыя и желающихъ трудно найдти, до того тяжка жизнь тамъ. И вообще, жизнь большей

части сельскихъ священниковъ представляетъ мало отраднаго. Не мало найдется, у которыхъ помѣщеніе черезъ чуръ плохо и—никакихъ жизненныхъ удобствъ, при самыхъ жалкихъ способахъ существованія.

— О, ваше преосвященство, возразила мадамъ Лязера, я вполнѣ надѣюсь что вы дадите аббату Бертомье какой нибудь приходецъ въ нашемъ прекрасномъ Лиманѣ. Бога ради, послѣ Notre-Dame-du Port, не забросьте его куда нибудь—въ снѣга горныхъ ущелій.

— Вы знаете, что я ни въ чемъ не могу отказать мадамъ Лязера. Я готовъ исполнить о чемъ вы просите; но въ Лиманѣ теперь всѣ мѣста заняты. Дайте мнѣ время.

Этого то слова я и ожидалъ. Оно обязывало епископа; оно же было и охраной мнѣ противъ яростнаго Дюмойеня, который долженъ былъ склониться предъ настояніями старца.

Наконецъ, я имѣлъ отсрочку которою и могъ воспользоваться чтобы приготовить, кого нужно, къ самой горькой изъ жертвъ. Въ мірѣ клерикальномъ Клермона я позаботился распространить новость—что преосвященный, какъ нельзя лучше расположенный ко мнѣ, обѣщалъ дать мнѣ одно изъ первыхъ открывшихся мѣстъ приходскаго священника, и всюду объявлялъ о своемъ близкомъ отъѣздѣ.

Девотки не могутъ торжествовать скромно; еще менѣе умѣютъ молчать. На другой же день послѣ наглаго оскорбленія полученнаго мною въ кабинетѣ главнаго викарія, благочестивая Гупильяръ съ своей командой,—изъ пяти или шести такихъ же благочестивыхъ дѣвъ,—изо всѣхъ своихъ благочестивыхъ силъ принялась трубить побѣду,—что вотъ онѣ наконецъ избавляютъ свой приходъ отъ ненавистной личности викарія; что соблазнъ скоро прекратится,—имъ дадутъ новаго, ревностно—благочестиваго викарія, а того нечестивца—Бертомье, ушлютъ въ какой нибудь дальній уголъ епархіи, чтобы и позорнаго имени его не было слышно въ Клермонѣ.

Но, должно быть, онѣ ужъ черезъ чуръ хватили въ своемъ побѣдномъ торжествѣ, потому что возбудили негодованіе въ честной, особенно въ мужской части прихода. Вообще, если меня не терпѣли девотки, то мужское населеніе прихода, видимо, было расположено ко мнѣ какъ нельзя лучше. Ему чрезвычайно нравился мой способъ собесѣдованій, церковныхъ и домашнихъ, по которому я, не увлекаясь восторженно въ области невѣдомыя, больше всего обращался къ его здравому смыслу, преимущественно билъ на пробужденіе въ немъ сознанія долга. и былъ простъ и точенъ въ своей рѣчи—о какихъ бы предметахъ вѣрованія и жизни ни шло дѣло. Вѣроятно. и отвращеніе мое къ девоткамъ и вообще къ фарисейству, рѣзко прорывавшееся при всякомъ удобномъ случаѣ, приходилось ему совершенно по вкусу, потому что простонародье, еще неиспорченное клерикальными вліяніями, чувствуетъ инстинктивное отвращеніе къ тому же самому. И я начиналъ уже пользоваться,—вещь чрезвычайно рѣдкая, кнесчастью, среди клира который больше всего разсчитываетъ на женское вліяніе, этимъ серьезнымъ уваженіемъ отцовъ семьи которое, по моему, самый честный, почтенный и надежный способъ сдѣлать священническое служеніе плодотворнымъ.

Эти то добрые и честные прихожане возстали противъ низкихъ преслѣдованій, которыхъ я былъ жертвою. Они собрались, условились и, съ однимъ фабрикантомъ—почетнѣйшимъ членомъ нашей церкви вглавѣ, толпой пришли ко мнѣ. Въ нѣсколькихъ словахъ, простыхъ но сильно прочувствованныхъ, они выразили мнѣ свои сожалѣнія о тѣхъ огорченіяхъ, какія доставила мнѣ стачка презрѣнныхъ личностей.

Нѣтъ нужды говорить какъ глубоко тронула меня эта выходка добрыхъ прихожанъ, совершенно для меня нечаянная и непредвидѣнная; до какой степени она порадовала меня.— Современный намъ мужчина терпитъ священника;—но только лишь терпитъ. Одни считаютъ его еще полезнымъ—для дѣтей чтобы учить ихъ началамъ нравственности, и для женщинъ чтобы занимать ихъ праздное воображеніе и удовлетво-

рять ихъ потребность чудеснаго. Другіе смотрятъ на него какъ на ветошь—безвредную въ вѣка невѣжества, но способную сдѣлаться очень опасною, когда человѣчество стремится впередъ по пути просвѣщенія, потому что она только можетъ лишь тормозить эти стремленія, а при случаѣ и совсѣмъ парализовать ихъ.—Поэтому, чрезвычайно рѣдкое явленіе чтобы современный мужчина искренно и чистосердечно протянулъ руку священнику. Какже было не порадоваться мнѣ что, въ такой короткій срокъ священническаго служенія въ этомъ приходѣ, я успѣлъ заслужить любовь?

Я благодарилъ, на сколько смогъ, этихъ добрыхъ людей. Но они слишкомъ хорошо видѣли что мнѣ, до глубины души взволнованному, было не до многорѣчія.

Они не ограничились этимъ. Чего мнѣ никоимъ образомъ и на мысль не могло придти, по выходѣ отъ меня, они отправились въ епископію и добились свиданія съ епископомъ. Здѣсь они смѣло и рѣшительно, отъ имени прихода, высказались противъ несправедливаго преслѣдованія, и въ сильныхъ выраженіяхъ заявили почтенному старцу что ихъ викарій заслуживаетъ всего ихъ уваженія и всего довѣрія, и что они будутъ очень признательны его преосвященству, если онъ оставитъ этого викарія въ ихъ приходѣ, гдѣ онъ такъ полезенъ и нуженъ.

Въ небольшомъ городѣ всякое, и самое ничтожное, дѣло скоро принимаетъ огромные размѣры. Выходка моихъ защитниковъ была уже не просто дѣломъ, а настоящимъ, крупнымъ событіемъ, заживо затронувшимъ епископію. Епископы не терпятъ этихъ открытыхъ заявленій приходовъ: они всегда подозрѣваютъ тутъ подспудную подготовку викаріевъ, которымъ почему либо хочется удержать свое мѣсто,—или по особеннымъ какимъ удобствамъ, или, что бываетъ чаще всего, по связямъ извѣстнаго рода. Разумѣется, узнать правду и опредѣлить дѣйствительное значеніе подобныхъ заявленій всегда можно; но какъ для этого требуется трудъ, а правды тутъ и вовсе не требуется, то и находятъ болѣе удобнымъ—

не обращать на нихъ никакого вниманія. Отсюда, принято правиломъ въ епископскихъ управленіяхъ — не давать приходъ именно тому священнику, каковъ бы онъ ни былъ, за котораго просятъ епископа прихожане данной церкви.

Во имя чего это рѣзкое до дикости противорѣчіе между первенствующей церковію, когда не иначе можно было сдѣлаться пастыремъ какъ въ силу избранія вѣрныхъ, и этимъ беззаконнымъ презрѣніемъ просьбъ которыя и бываютъ то не особенно часто? Все во имя того же—ничѣмъ не обузданнаго, ничему не уступающаго произвола, который составляетъ основу всего нашего церковнаго управленія.

Преславный Дюмойень извергалъ огнь и жупелъ. Зная убѣжденія касательно этого владыки, онъ осыпалъ его упреками почти какъ ребенка: темой было то что въ основѣ подрывается начало, которому доселѣ неизмѣнно слѣдовали въ епархіальномъ управленіи.

— По истинѣ, ваше преосвященство, мнѣ больно отъ вашей чрезмѣрной снисходительности. Ваша доброта увлекаетъ васъ слишкомъ далеко. Вы благосклонно отвѣтили этимъ добрымъ молодцамъ, ловко настроеннымъ ихъ викаріемъ. А между тѣмъ, имъ слѣдовало отвѣтить коротко и ясно: я не мѣшаюсь въ ваши лавочныя дѣла, не смѣйте и вы мѣшаться въ мое управленіе. Смотрите же въ какое ложное положеніе вы ставите насъ. Я законно строгъ съ своей стороны; а вы, съ своей стороны, отечески милостивы до слабости, до чего-жъ мы дойдемъ?—Повѣрьте, этотъ негодяй какъ нельзя лучше все разсчиталъ и подстроилъ, чтобы поставить насъ въ противорѣчіе съ самими собою. Я не намѣренъ ему уступить, предупреждаю васъ.

Епископъ, чтобы какъ нибудь отдѣлаться отъ этихъ выговоровъ, пробормоталъ нѣсколько словъ оправданія.

— Я ничего не обѣщалъ; я не обязался ни къ чему.

— А между тѣмъ негодяй вездѣ хвастаетъ, что ваше преосвященство готовите ему хорошій приходъ.

— Нельзя же было быть невѣжливымъ съ мадамъ Лязера.

— Эта барыня лучше бы сдѣлала, еслибъ хорошенько смотрѣла за своей дочерью чѣмъ являлась сюда хлопотать за какого нибудь тамъ Ліуня. Я предсказываю вамъ, ваше преосвященство, что все это кончится какимъ нибудь громаднымъ соблазномъ.

Къ этому волшебному слову всегда прибѣгалъ главный викарій когда хотѣлъ добить епископа.

И добилъ его. Этотъ, весь разстроенный, отвѣчалъ:

— Да нуже!.. дѣлайте тамъ какъ знаете.

Впродолженіи этой сцены, изъ которой я передалъ лишь то что имѣетъ отношеніе къ моему разсказу, случилось въ Клермонѣ событіе, — настоящее событіе, весьма странное, надѣлавшее много шуму, тайну котораго не могли раскрыть всѣ изслѣдованія правосудія.

Между особенностями нашей церкви, очень древней и оригинальной, особеннаго вниманія заслуживаетъ склепъ (crypte). Теперь онъ обезображенъ, какъ и самая церковь, подбѣлками и раскрашиваньями превратившими памятникъ глубокой древности въ нѣчто уродливое новое. Въ мое время склепъ былъ во всей наготѣ своей древней обмазки, почернѣвшей отъ времени и отъ копоти свѣчъ. Въ немъ было мрачно, тяжело, даже страшно. Древнія святилища не могли быть таинственнѣе и возбуждать большій трепетъ.

Въ центрѣ склепа, надъ алтаремъ, возвышалась небольшая нишь, въ которой помѣщалась миньятюрная статуя de Notre-Dame-du Port, слывшая чудотворною. Эта статуя, знаменитая во всей Оверни, называлась «черной Дѣвою». Само собой разумѣется, она была произведеніе еван. Луки, какъ сотни, если не тысячи таковыхъ же во Франціи и въ Италіи. Говорили что она сдѣлана изъ кедра; значитъ была нетлѣнная. Что лучше всего, она творила чудеса, или сказать точнѣе, когда-то творила чудеса. Склепъ, по сказанію старыхъ людей, былъ нѣкогда увѣшанъ разными ex Voto, свидѣтельствовавшими о совершившихся здѣсь чудесахъ. Но послѣ революціи чудеса прекратились. Клиръ первой имперіи и реставраціи всячески

хлопоталъ о продолженіи ихъ; усилія его однакоже были безплодны. Каждогодно, съ 15 мая въ продолженіи осми дней, толпы Овернцевъ приходили въ этотъ склепъ, ставили свѣчки, «прикладывали» къ статуеткѣ какое нибудь дѣтское платье, что предназначалось для дѣтей слабыхъ и больныхъ; — все тѣмъ и ограничивалось.

Не разъ приходилось мнѣ слышать какъ наши приходскія девотки сокрушались о современномъ нечестіи, объ оскудѣніи почтенія къ пресвятой Дѣвѣ, вслѣдствіе чего и перестало проявляться ея могущество въ многочисленныхъ чудесахъ о каковыхъ повѣствовали ихъ бабушки; и не только сокрушались онѣ объ этомъ, но и высказывали самыя пламенныя желанія, чтобы какой нибудь хорошій ударъ разразился надъ страной для пробужденія вѣры въ чудеса. Я не обращалъ вниманія на эти бредни; а народъ, вѣрный разъ набитой колеѣ, не оставлялъ своего обычая — собираться сюда разъ въ годъ. Обходились и безъ чудесъ.

Въ тотъ самый день какъ преславный Дюмойень такъ крѣпко школилъ своего епископа вмѣсто меня, часовъ около двухъ пополудни, меня позвали въ церковь чтобы исповѣдать одну сельскую дѣвушку выходившую на другой день замужъ. Я вошелъ въ боковую дверь, и сначала не замѣтилъ никого въ церкви. Помолившись предъ алтаремъ, я прошелъ въ исповѣдальню, и отсюда уже увидѣлъ дѣвушку, на колѣняхъ, прижавшуюся къ двери главнаго входа. Замѣтивъ меня, она встала и поспѣшила къ исповѣдальнѣ. То была дѣвушка очень молодая, очень робкая, едва смѣвшая, полушопотомъ, высказать мнѣ нѣсколько словъ. Я далъ нѣсколько совѣтовъ ей,—только что вышедшей изъ лѣтъ дѣтства и уже вступающей въ тяжелую и много-заботную семейную жизнь. Получивъ разрѣшеніе, она пошла къ тому же главному выходу, помолилась въ дверяхъ и вышла крестясь. Я проводилъ ее глазами.

Обернувшись за тѣмъ въ противоположную сторону, я замѣтилъ благочестивую дѣву Гупильяръ, направлявшуюся къ боковому выходу. Я таки внимательно посмотрѣлъ на нее,—

ея нѣсколько разстроенный видъ и раскраснѣвшееся лице бросились мнѣ въ глаза. Но какъ мнѣ не рѣдко приходилось уже и прежде заставать ее въ церкви, и также съ краснова тымъ лицемъ, вѣроятно отъ религіозныхъ волненій и благочестивыхъ восторженій, то и въ этотъ разъ я не думалъ много о святой. Сказавшись пономарю, который былъ въ ризницѣ, что ухожу, я вышелъ изъ церкви. Церковь была совершенно пуста. Не прошло часу какъ я вернулся къ себѣ и занялся не помню какимъ то чтеніемъ, вдругъ послышался шумъ на улицѣ. Прислушиваюсь. Шумъ растетъ; слышны голоса, но разобрать ничего нельзя. Открываю окно: — какое то волненіе народное, какая то тревога—и сильная. Выбѣгаю на улицу. Спрашиваю: что случилось? Мнѣ отвѣчаютъ: — бѣда, страшная бѣда! Украли черную дѣву,—ту что стояла въ склепѣ de Notre Dame-du-Port.

Тревога принимала не шуточные размѣры. Должна была явиться полиція. Явился наконецъ и королевскій прокуроръ для слѣдствія. Я, спрошенный, показалъ тоже самое и почти въ тѣхъ же словахъ, что и разсказалъ сейчасъ.

Аполонія Гупильяръ показала что приходила въ церковь выполнить свое урочное правило и совершить поклоненіе святымъ тайнамъ и пр. Дѣвѣ. Въ церкви, кромѣ викарія, никого не видала.

Пономарь показалъ что когда онъ, собираясь запереть склепъ осматривалъ его, тогда увидѣлъ на алтарѣ опрокинутый подсвѣчникъ, что и было для него первымъ указаніямъ. Затѣмъ онъ нашелъ стулъ пододвинутый къ самому алтарю. Тутъ то онъ и замѣтилъ что статуетки нѣтъ. Достать ее со стула—было чрезвычайно легко.

Пригащили къ слѣдствію и исповѣдавшуюся дѣзушку, смертельно перепуганную, и съ трудомъ могли добиться отъ нея того простаго показанія, что дальше испозѣдальни она въ церкви не ходила.

Правосудіе было поставлено въ тупикъ. Ясно было одно — что воръ чрезвычайно ловко воспользовался минутой. Кто же

былъ онъ?—Постороннихъ ни въ церкви, ни около церкви, за это время, никто не замѣтилъ.— Викарій,—но съ какой цѣлію? На этомъ предположеніи и минуты не остановились. Пономарь, — изъ за нѣсколькихъ камушковъ, далеко нецѣнныхъ, украшавшихъ статуетку? Но лучшіе прихожане засвидѣтельствовали объ его неукоризненной, несомнѣнной честности. Гупильяръ? но казалось ужь черезъ чуръ нелѣпымъ чтобы такая святая дѣва дерзнула на воровство, и хуже чѣмъ на воровство — на святотатство. Объ дѣвушкѣ и рѣчи не повелось: стоило взглянуть на нее, чтобы убѣдиться въ совершенной невозможности для нея и подумать о чемъ либо подобномъ. Не знало что и дѣлать правосудіе.

Пока записывали слѣдствіе, толпа частію скучивалась въ церкви, частію плотной массою занимала около — церковное пространство. Вдругъ показался Дюмойень, главный викарій, съ соборнымъ швейцаромъ впереди и съ епископскимъ лакеемъ сзади, который несъ облаченіе. — Онъ пробивался серединой церкви къ каѳедрѣ. Пробившись, онъ облачился, взобрался на каѳедру и сказалъ рѣчь.

Его рѣчь была не очень продолжительна, но чрезвычайно горяча. Вотъ что сохранила моя память изъ сказаннаго имъ.

— Если это несчастный котораго жадность толкнула на преступленіе, то пусть онъ возвратитъ намъ предметъ нашего поклоненія и оставитъ у себя плодъ своего преступленія!.. Это не слишкомъ обогатитъ его. Онъ больше возбуждаетъ въ насъ жалости чѣмъ отвращенія; мы готовы простить ему его преступленіе.

Если это какой нибудь нечестивецъ или протестантъ, который думалъ наказать насъ тяжко этимъ воровствомъ, такъ онъ ошибся. Онъ не укралъ у насъ нашей Маріи всемогущей въ небѣ. Эта то всегда у насъ. Даже, по чудному дѣйствію Провидѣнія, мы можемъ замѣнить черную Дѣву потерянную другой Дѣвой черною, которую вы всѣ знаете,—немного побольше пропавшей—но тѣмъ лучше, которая также изъ нетлѣннаго дерева и хранится въ другой нишѣ — въ томъ же

склепѣ. Всякій годъ мы носимъ ее въ процессіи по городу; къ ней также прикладываются, и вѣрно она чудотворная какъ и пропавшая. Значитъ, мы не все потеряли.

Но что мы выиграли,—сейчасъ скажу вамъ. Слѣдовало желать, — да и желали нѣкоторыя благочестивыя души, чтобы какой нибудь великій ударъ разразился надъ нами, который пробудилъ бы наше усыпленіе. Намъ нужно было чтобы вѣра великихъ вѣковъ возвратилась, и чтобы эта вѣра возобновила, по отношенію къ Маріи, силу творить чудеса между ея чадами,— чудеса до того обыкновенныя въ былыя времена что наши отцы могли называть Клермонъ ханааномъ чудесъ, и смотрѣть на Notre-Dame-du-Port какъ на мѣсто особенной благодати пр. Дѣвы.

Да, это общественное несчастіе которое мы теперь всѣ оплакиваемъ, будетъ началомъ искренняго поворота къ благочестивымъ обычаямъ прошлаго: больные прійдутъ сюда молиться объ исцѣленіяхъ, страждущіе — объ утѣшеніяхъ въ ихъ скорбяхъ, приношенія, какъ въ прежнія времена, будутъ свидѣтельствовать о чудномъ предстательствѣ Маріи.

Въ заключеніе онъ объявилъ что будетъ на завтра процессія, въ предшествіи почтеннаго епископа, сердце котораго глубоко скорбитъ о совершившемся святотатственномъ воровствѣ, и что немедленно будетъ сдѣлано распоряженіе объ очистительной девятинѣ (девятидневный постъ, съ процессіями), чѣмъ вся епархія, до самыхъ отдаленныхъ ея частей, будетъ призвана засвидѣтельствовать свою скорбь и свое пламенное благоговѣніе къ великой покровительницѣ Оверни.

Такова, всущности, была рѣчь главнаго викарія. На толпу она произвела сильное впечатлѣніе. Само собой разумѣется, благочестивая Гупильяръ явилась одною изъ первыхъ къ подножію каѳедры. Она глотала, буквально, слова, горячей струей лившіяся изъ устъ ея возлюбленнаго отца духовнаго. Но странно, что замѣчено было не мною однимъ, съ лицемъ ея творилось что-то необыкновенное: оно мѣнялось какъ кожа хамелеона; то восторженная улыбка мелькала на ея губахъ, то

судорожная гримаса передергивала все ея лице; то оно все покрывалось багровыми пятнами, то дѣлалось мертвенно-синимъ. Ясно было, что въ ея душѣ творились сильныя и быстросмѣняющіяся потрясенія. И мелькнуло въ моей мысли что это лихорадочное волненіе, эта худо-скрытая тревога—обличали не восторгъ, вызываемый краснорѣчіемъ Дюмойеня, а нѣчто совсѣмъ иное.

Сообразивъ еще разъ точнѣйшимъ образомъ всѣ обстоятельства воровства, я пришелъ къ убѣжденію, до того непоколебимому что, когда вечеромъ Лязера спросили меня—что я думаю объ этомъ происшествіи, я необинуясь отвѣчалъ:

— Нѣтъ ничего проще — эту штуку продѣлала Аполонія Гупильяръ.

— Ну! воскликнули заразъ объ Лязера, — да это невозможно, любезный аббатъ, это невозможно!

— Не такъ невозможно какъ вы думаете.

— Нѣтъ, вы просто бредите. Какъ! этой благочестивой поднять руку на св. Дѣву!.. Да она подумала бы что земля разверзется подъ нею.

— Совсѣмъ нѣтъ.

— Вы, аббатъ, клевещете на эту бѣдную благочестивую дѣву.

— Желалъ бы я чтобъ это было лишь клеветой. Но вѣдь она смѣла, эта Аполонія А на что не дерзнетъ смѣлость соединенная съ фанатизмомъ?

— Да наконецъ, съ какой цѣлію?

— Послушайте. Я часто слыхалъ какъ эти благочестивыя дѣвы сокрушались что нѣтъ болѣе, какъ въ былыя времена, чудесъ отъ Notre-Dame-du Port. Въ ихъ сокрушеніяхъ меня особенно поражали слова: «нужно желать какого нибудь великаго удара». И сегодня же, въ своей краснорѣчивой рѣчи, г. главный викарій повторилъ слово вслово таинственную фразу: «слѣдовало желать чтобы какой нибудь великій ударъ разразился надъ нами, который пробудилъ бы наше усыпленіе»; я видѣлъ какъ судорожно передергивалось все лицо Апо-

лоніи Гупильяръ, когда Дюмойень воспроизводилъ, передъ всѣми, благочестивыя заявленія святыхъ дщерей своихъ духовныхъ.

— О, вы заключаете слишкомъ поспѣшно, замѣтила мадамъ Лязера. Случайныя совпаденія—вотъ и все.

— Конечно; но совпаденія которыя освѣщаютъ тайну.

— Вы не скажете, по крайней мѣрѣ, чтобы г. главный викарій былъ соучастникомъ плутовской продѣлки, если и дѣйствительно сочинила святая Аполонія.

— Не очень то увѣренъ я въ противномъ. Онъ изъ тѣхъ которые думаютъ что позволительно сдѣлать небольшое зло такого рода, чтобы получить большое добро. Кусокъ дерева, грубо обдѣланный въ св. Дѣву – не важная вещь; его сейчасъ же замѣнятъ другимъ; но сильный толчекъ данный религіознымъ воображеніямъ подновитъ благочестіе и пробудитъ ревность къ пожертвованіямъ. Цѣль оправдываетъ средства. Поэтому, нѣтъ ничего мудренаго что названная личность или придумала эту продѣлку, или принимала въ ней участіе

— Такъ по вашему, сказала Фелиси, это нечто иное какъ похищеніе благочестивое? — Дѣло весьма возможное, и сочинить его могла хитрая Аполонія. Увѣренная что подозрѣвать ее не станутъ, она могла, между своими колѣнопреклоненіями, стянуть статуетку и унести ее, въ чаяніи что это послужитъ къ возрожденію благочестія и что чудеса снова польются.

— Именно; таково мое внутреннее убѣжденіе.

— Но послѣ этого, заключила Фелиси, наши клермонскія девотки не также глупы какъ я судила объ нихъ. Изобрѣсти такую штуку, это значитъ что нибудь. Возвращаю мое уваженіе святой дѣвѣ Аполоніи Гупильяръ

Касательно Гупильяръ я не ошибся. Нѣсколько лѣтъ спустя открылось, хотя не оффиціально, что благочестивое хищеніе было учинено именно ею. Святая дѣва хотѣла добиться во чтобъ то ни стало чуда: она ни минуты не сомнѣвалась что статуетка, какъ разсказывается въ старинныхъ легендахъ, чудесно вернется на свое мѣсто и, ради этого, сама собою выбе-

рется изъ подъ толстаго слоя песку, въ который зарыла она ее въ своемъ погребу. Увы, не сбылась надежда благочестивой дѣвы!. Но я ошибся касательно Дюмойеня: онъ не былъ соучастникомъ въ благочестивой продѣлкѣ. Значитъ, я слишкомъ легкомысленно судилъ объ немъ передъ Лязера. И это было послѣдней каплей, переполнившей сосудъ.

Лязера, которымъ слишкомъ занимало это происшествіе, разсказали объ нашемъ разговорѣ одной изъ самыхъ своихъ близкихъ, подъ условіемъ величайшей тайны. Но вѣрно въ Клермонѣ, какъ и во всякомъ другомъ мѣстѣ, стѣны имѣютъ уши, или, еще вѣрнѣе, друзья и здѣсь не чудеса скромности. Дюмойень прозналъ — что я говорилъ о странномъ событіи и кого называлъ участниками въ немъ. Немудрено,— его епископская полиція доведена была до чудной степени совершенства, благодаря девоткамъ, исповѣдальнямъ, старымъ грѣшникамъ и грѣшницамъ, которые шпіонствомъ надѣялись пробить себѣ запертый для нихъ входъ въ царство вѣчнаго блаженства.

На этотъ разъ онъ вышелъ уже изо всѣхъ границъ.

Яростный, онъ поспѣшилъ къ старику—епископу и привелъ его въ ужасъ описаніемъ моихъ гнусныхъ дѣяній. Вопросъ былъ поставленъ такъ что старику оставалось выбирать—между позорнымъ изгнаніемъ изъ епархіи этого отверженца—аббата Бертомье и отставкой главнаго викарія.

Громъ, упавшій на голову старца, не такъ бы ошеломилъ его какъ эта угроза. Передъ такимъ преступленіемъ каково было мое, никакое снисхожденіе не было возможно. Но и нарушить данное слово представлялось не совсѣмъ удобнымъ. А кромѣ того, старецъ, по укоренившейся уже правительственной привычкѣ, отвращался всякихъ крайнихъ мѣръ. И вступилъ онъ въ переговоры съ раздраженнымъ своимъ викаріемъ, кончившіеся обоюдными уступками. Епископъ согласился что я оставлю Клермонъ въ сорокъ восемь часовъ; главный викарій изъявилъ согласіе на то что меня назначатъ въ самый дальній

уголъ епархіи, въ область снѣговъ и бурь, на одинъ изъ самыхъ негостепріимныхъ и безотрадныхъ склоновъ Мон-Дора.

Вслѣдствіе такого рѣшенія, ко мнѣ былъ отправленъ съ величайшей поспѣшностью епископскій секретарь. Онъ принесъ мнѣ назначеніе въ Пичеранду—бѣднѣйшій и жалчайшій приходъ изъ всей епархіи.

Такъ оканчивается первая половина жизни одного изъ сельскихъ священниковъ Франціи. Но это еще цвѣточки. Ягодки, отъ Пичеранды и до кучерскаго промысла—чѣмъ пришлось завершить ему свое служеніе, впереди.

Но вдумываясь и въ эту половину,—не въ положеніе того или другаго лица, — лица что!, а въ то-что̀ стоитъ за лицами,—въ цѣли, стремленія, во всю систему дѣйствій, невольно задаешься вопросами: ужели это общество христіанское? ужели это и есть то-что̀ называется церковію христовой на землѣ?

Общество христіанское!... да чѣмъ же оно отличается отъ того-что называлось язычествомъ? названіемъ?...

Христіанство, основной принципъ котораго — «служеніе Богу въ духѣ и истинѣ», свободное служеніе, потому что «духъ и истина» не закрѣпляются въ условныя рамы, не пріурочиваются къ извѣстнымъ внѣшностямъ, не закрѣпощаются подъ ту или другую ферулу; христіанство, конечная цѣль котораго— усовершеніе человѣка, т. е. стройное раскрытіе въ немъ всѣхъ данныхъ ему отъ Бога силъ и способностей; христіанство— т. е. правда, любовь, свѣтъ и жизнь,—и служеніе Богу все низведенное во внѣшность, въ обряды, въ процессіи, въ поклоненіе издѣліямъ человѣческихъ рукъ; и усилія—задавить лучшіе дары божьи въ человѣкѣ — разумъ, смыслъ и совѣсть; и стремленія—все держать въ безвыходной, всемертвящей и всеразрушающей тьмѣ:—какъ соединить одно съ другимъ? — Оно правда, человѣкъ изобрѣтателенъ: какого противорѣчія,—кромѣ, разумѣется, математическаго, не сумѣетъ онъ примирить когда требуетъ того его личная выгода? — И

тутъ изобрѣтены превосходные способы примиренія: за «преданіями старецъ» можно какъ угодно попирать правду евангелія, какъ угодно матеріализировать служеніе Богу, даже и его самаго; «преданіями старецъ» можно все маскировать,—не напрасно же они писали, законополагали... Но примирять, не значитъ — соединить несоединимое. За всѣми примиреніями тутъ стоитъ язычество, то самое язычество у котораго божество, того и другаго пола, любило и умѣло только брать и брать со смертныхъ; бѣсновалось когда они скупились на жертвы, и очень любезно прощало всевозможныя преступленія за обиліе и богатство ихъ; то самое язычество которое не возвышало, а вконецъ растлѣвало нравственную сторону человѣка. Различіе развѣ только въ томъ что язычество было не черезъ чуръ щедро на загробныя обѣщанія; —языческіе жрецы не брали на себя—распоряжаться произвольно загробными помѣщеніями и благоразумно прималчивали объ нихъ; а тутъ они въ полномъ распоряженіи, безусловномъ и безконтрольномъ каждаго жертвоприносителя—даже рядоваго, а о крупныхъ уже и говорить нечего: награждай кого чѣмъ хочешь, какъ самъ для себя найдешь выгоднѣе. О чемъ и любятъ преимущественно трактовать эти распорядители съ каѳедръ, въ частныхъ собесѣдованіяхъ, всюду—гдѣ пришлось.

Церковь христова!.. Не скорѣе ли поруганіе церкви христовой—то что̀ называютъ тамъ этимъ великимъ и святымъ именемъ?

Нѣсколько громко титулованныхъ, — monseigneur, votre grandeur, личностей, облеченныхъ въ шелка и бархатъ, получающихъ крупныя цифры жалованья, обставленныхъ всевозможнымъ житейскимъ комфортомъ, — вотъ что̀ называется тамъ церковію. Такъ, по крайней мѣрѣ, называютъ себя эти титулованные сибариты—въ качествѣ преемниковъ апостольской власти. Что̀ же послѣ этого общество—во всей своей совокупности? Безсловесное стадо овецъ, безусловно подчиненныхъ самой деспотической власти, какая только можетъ быть на землѣ, этой soi disant церкви.

Да, въ сказанномъ нѣтъ преувеличенія. Епископъ тамъ— не излюбленный и избранный паствой данной мѣстности пастырь, а назначенный высшей властью администраторъ, дѣйствующій въ своемъ управленіи во имя той мионческой власти которая зовется церковію, т. е. во имя своего личнаго произвола которому не положено ни мѣры, ни границъ. И администраторъ не ограничивающій своей власти извѣстными, строго очерченными предѣлами, — нѣтъ, старающійся захватить все въ свои руки, отдѣльныя личности — живьемъ всецѣло—съ тѣломъ и душой, семью, общество; усиливающійся на все вліять, всѣмъ располагать — семейнымъ воспитаніемъ, общественнымъ образованіемъ и даже гражданскимъ управленіемъ—все во имя той же мионческой власти. Администраторъ видящій въ своихъ подчиненныхъ не сотрудниковъ въ великомъ дѣлѣ пастырства, не такихъ же служителей Христа какъ и онъ самъ, а просто команду которой онъ главный «кавалеръ», съ безусловнымъ правомъ — казнить и миловать свою чернорабочую пѣхоту. Отсюда, епископъ не «пастырь добрый» ввѣреннаго ему стада, а — власть неиначе могущая показываться въ среду народа какъ подъ условіемъ всевозможной помпы, съ лобызаніями десницы и шуйцы, съ колѣнопреклоненіями и даже простерстіями на землѣ, точь—вточь какъ средневѣковые феодалы, или современные «кавалеры» преславной корты.

И эта soi disant церковь, въ которой основаніе и преобладающая сила — эгоизмъ, и въ самыхъ дикихъ его проявленіяхъ,—церковь Христа Спасителя? —Воистину, она!!...

Авторъ «сельскаго священника», въ своемъ предисловіи, говоритъ по этому поводу совершенно справедливо:

«Осмнадцать вѣковъ отдѣляютъ пастыря, современнаго намъ, отъ этого кочеваго апостола который проповѣдалъ евангеліе Греціи блестящей и Риму владыкѣ міра. И не смотря на то, они соприкасаются. Пастырь есть тотже апостолъ, не странствующій по странамъ вѣдомымъ и невѣдомымъ, а сдѣлавшійся апостоломъ осѣдлымъ. Схоластики какъ нельзя луч-

ше запутали этотъ вопросъ, какъ и всѣ другіе вопросы, тогда какъ въ сущности онъ чрезвычайно простъ. Не могутъ они не признавать что священство едино, и что сущность священства — приношеніе жертвы безкровной а отсюда слѣдуетъ, что священникъ бѣднѣйшаго сельскаго прихода равенъ, въ своемъ качествѣ жертвоприносителя, первосвященнику засѣдающему въ Ватиканѣ Священникъ есть епископъ большаго или меньшаго мѣстечка, на то и поставленный чтобы епископствовать — надзирать, смотрѣть, однимъ словомъ — пасти ввѣренное ему стадо; епископъ есть священникъ мѣстности, — съ тою же обязанностью — пасти стадо, подъ тѣми же условіями и съ такою же точно отвѣтственностью. Въ первые вѣка папы единственно и титулогали сами себя — «церкви римской пресвитеръ». Иначе они не подписывались, какъ можно видѣть въ древнихъ декретахъ. Титулъ—«верховный первосвященникъ» — позднѣйшій Онъ заимствованъ у язычества: «pontifex maximus». Цезарь былъ верховный первосвященникъ. Сдѣлавшись цезарями, папы логически оставили свой существенный титулъ пресвитеровъ: этотъ титулъ уже не шелъ къ языческимъ стремленіямъ папства, какъ нейдетъ онъ и къ таковымъ же стремленіямъ епископовъ.

«Изучая древнѣйшій документъ христіанской церкви, тотъ достовѣрность котораго наименѣе можетъ быть оспариваема исторической критикой,—«Дѣянія апостоловъ», мы находимъ что священническое служеніе было установлено непосредственно. Самыя названія — пастырь, пресвитеръ, епископъ, принимались безразлично, по той простой причинѣ что дѣло и служеніе ихъ были одни и тѣже. Не къ епископству, въ его іерархическомъ значеніи, относилось такъ извѣстное слово ап. Павла: «духъ святый поставилъ васъ епископами — пасти церковь Господа Бога», а именно къ «пресвитерамъ церкви ефесской». Значитъ, приходскій священникъ, какъ пастырь даннаго стада, есть епископъ — въ самомъ точномъ значеніи слова.

«Теологія, дышащая текстами, не додумалась что она воз-

буждаетъ лишь смѣхъ, прилагая исключительно къ епископамъ великое слово апостола, обращенное къ пресвитерамъ Ефеса, т. е. къ пастырямъ, къ священникамъ. А отрицая право свободнаго избранія каждой паствою себѣ пастыря, подъ какимъ бы то ни было названіемъ — пресвитера ли, епископа ли, она доказываетъ или глубокое невѣжество свое въ знаніи церковной исторіи, или что либо худшее».

Безъ всякаго сомнѣнія — «что либо худшее». Нельзя же предположить чтобы совсѣмъ была невѣдома исторія первыхъ вѣковъ церкви тѣмъ которые величаютъ сами себя церковію. Лишь вернуться къ этимъ вѣкамъ имъ не представляется возможнымъ; потому что, ради этого, потребовалось бы безусловно отказаться отъ системы такъ удобной и благодатной для всего — что зовется епископствомъ. — Кто-жь самъ себѣ врагъ?

«Но общество то какже допускаетъ такія несодѣянныя вещи»?

А ораторы то церковные на что же? — Такъ ли хитро заговорить общество, — да и не общество, а тѣхъ которые пишутъ законы обществу, что настоящій порядокъ вещей есть единственный, лучше и благотворнѣе котораго и быть не можетъ? Такъ ли мудрено доказать что, именно благодаря этому порядку, данная нація — не только христіански — вѣрующая, но и стоитъ, въ этомъ отношеніи, впереди, вглавѣ всѣхъ другихъ націй?

Вотъ, примѣромъ, не угодно ли послушать одну изъ знаменитостей французскихъ — Лякордера; въ главномъ парижскомъ соборѣ онъ благовѣтствуетъ:

«Давно тому, messieurs, Богъ располагалъ націями. Въ тотъ самый день, вѣчный день, когда онъ сказалъ своему сыну: «ты сынъ мой, я нынѣ родилъ тебя», онъ прибавилъ непосредственно: «проси у меня, и дамъ народы въ наслѣдіе тебѣ»... и французская нація предназначена въ вѣчное наслѣдіе Сыну божію...

«Французская нація была первая католическая нація, дан-

ная Богомъ его церкви... Какъ Богъ отъ вѣчности сказалъ своему сыну: ты сынъ мой перворожденный, такъ папство сказало Франціи: ты дочь моя старшая,— оно сдѣлало больше, — почти невозможное; чтобы выразить энергичнѣе что думало объ насъ, папство создало возвышенный барбаризмъ: назвало Францію — «христіаннѣйшимъ царствомъ», christianissimum regnum. Такимъ образомъ, первородство въ вѣрѣ, превосходство предъ всѣми въ вѣрѣ,— таковы наши неотъемлемыя достоинства, таково наше призваніе.

«Слѣдовали ль мы своему призванію? Слѣдуемъ ли теперь?

«Церкви предстали три важныхъ опасности: аріанство, магометанство, протестанство...

«Наша церковь побѣдила аріанство...

«Побѣдно восторжествовала надъ магометанствомъ.... надъ гугенотами...

«Я можетъ быть и черезъ чуръ распространился объ этомъ, но это ваша вина, — это вашу исторію я разсказываю; вы простите что я до дрожжей заставляю васъ пить изъ этой чаши славы.

«Такъ, Франція — первая изъ всѣхъ націй по призванію, и выше всѣхъ другихъ націй по выполненію этого призванія».

Правда, тутъ приключилась очень скверная штука: отъ вѣка избранная и вѣрная Франція поругалась надъ избравшимъ ее, какъ ни одна нація никогда не дерзала и не дерзнетъ поругаться.

...«Осмнадцатый вѣкъ напалъ на религію насмѣшкой. Смѣхъ перешелъ отъ философовъ къ придворнымъ, изъ академій въ салоны; онъ достигъ ступеней трона; охватилъ аббата и епископа; проникъ во святилище домашняго очага; заразилъ всѣхъ и все. И надъ чѣмъ же, великій Боже, надъ чѣмъ смѣялись всѣ? — Смѣялись (и только смѣялись?!) надъ Іисусомъ Христомъ и надъ евангеліемъ! И это была Франція!»

Что же, виновата ли она была въ этомъ? — Ни—ни! Виноватъ былъ Лютеръ, виновато было протестанство, виноватъ былъ философизмъ, виновата была Англія, а всѣхъ виноватѣе

былъ чортъ, т. е. «духъ тьмы» по выраженію знаменитаго оратора, наславшій всю эту тучу темную на богоизбранную Францію. Что жь до епископовъ, въ родѣ парижскаго, торжественно отрекавшихся отъ Христа; что до аббатовъ, въ родѣ Шатонева,—воспитавшаго Вольтера на Моизадѣ, съ комментаріями изъ собственной жизни,—то, само собою разумѣется, всѣ эти господа — «церковь», ни тѣломъ, ни душей виноватыми тутъ не оказались

«Что же дѣлаетъ Богъ?.. Онъ воскрешаетъ Францію»...

И она стала еще болѣе «христіаннѣйшей», еще болѣе богоизбранной чѣмъ когда либо прежде. А лучшимъ доказательствомъ этого служитъ то что никогда монахамъ всѣхъ сортовъ такъ привольно не жилось во Франціи; никогда такъ плотно не въѣдались они во всѣ слои общества, во всѣ отправленія частной и общественной жизни, какъ въ это послѣднее время.

Такова Франція вообще. Что до Парижа—въ особенности, то богоизбраннѣе его не было, нѣтъ и не можетъ быть ничего въ мірѣ [1]).

Не скажутъ ли, что это—наглая до нелѣпости, до кощунства мистификація? Конечно; но что-жь изъ того?—на что-жь и ораторы церковные какъ не мистифировать, въ нужныхъ случаяхъ, общество? не отводить подобными шарлатанскими восхваленіями его глазъ отъ гангрены которая, благодаря этимъ господамъ — «церкви», давно уже разъѣла самыя основы общества? — Франція — нація изъ націй въ дѣлѣ вѣрованія, значитъ, религіозное положеніе страны именно таково какому и слѣдуетъ быть; значитъ, церковное управленіе, съ епископскимъ деспотизмомъ, представляетъ идеалъ совершенства, — что и требовалось доказать. А что тамъ — лицомъ къ лицу стоящіе къ дѣйствительной жизни, среди массъ народныхъ, необинуясь — во всеуслышаніе кричатъ объ языческомъ растлѣніи этихъ массъ, — такъ вѣдь это все идетъ отъ про-

[1]) Lacordaire, T. VI. «Sur la vocation de la nation française».

тестанства, отъ философизма, словомъ — отъ чорта, слушать котораго господамъ «церкви» и богоизбраннѣйшему Парижу, разумѣется, не подобаетъ.

И не слѣдуетъ думать чтобы такую постыдную роль, мистифировать высшее общество Парижа, взяла на себя лишь одна какая либо знаменитость, — нѣтъ, тамъ и въ этомъ система: мѣняются ораторы ногр-дамскаго собора, но не измѣняются смыслъ и цѣль ихъ ораторствованія. Вотъ, неугодно ли послушать другую знаменитость — Феликса, [2]) — и онъ докажетъ вамъ что Франція, благодаря своей — господамъ «церкви», настолько усовершилась во всевозможныхъ «прогрессахъ» что ей и остается лишь разливать благотворный свѣтъ ихъ въ темную массу человѣчества. Значитъ, ея довѣчное призваніе — быть не просто «христіаннѣйшей» націей, а служить свѣтиломъ христіанства для всѣхъ другихъ націй: — еще ли мало? Нѣтъ нужды что передъ самыми глазами оратора розыгралась въ Парижѣ одна изъ тѣхъ драмъ, которыя какъ нельзя лучше свидѣтельствуютъ о нравственномъ строѣ народныхъ массъ тамъ; нѣтъ нужды что парижане не совсѣмъ по христіански раздѣлались съ своимъ архіепископомъ Сибуромъ: что до того оратору? — Онъ оплакалъ въ пяти строкахъ подстрѣленную эминенцію, проораторствалъ на пяти страницахъ панегирикъ новой эминенціи, украшенной, поверхъ всѣхъ добродѣтелей, «римскимъ пурпуромъ», сирѣчь кардинальствомъ (Premiè e confé ence, 1858), и повелъ дальше затверженную рѣчь о всяческихъ «прогрессахъ». А что кровавыя то драмы розыгрываются, такъ это все, изволите видѣть, оттого что у господъ «церкви» власти мало...

Все это дико, но послѣдовательно. Созданные внѣшней силой, они, эти почтенные епископы и архіепископы, дальше ея ничего не видятъ и не разумѣютъ. Въ ней — и принципъ ихъ управленій и конечная цѣль ихъ стремленій. Ее они и отстаиваютъ всѣми тѣми способами, открытыми и подспудными,

---

*) Felix. Le progres par le christianisme. 1858—1861 T. III—VI.

анаѳемами и инсинуаціями, на которые такъ изобрѣтательно закаленное многовременной практикой фарисейство. А что гибнетъ дѣло христово на землѣ; а что массы народныя глубже и глубже грязнутъ въ растлѣвающей тьмѣ язычества, — какое имъ дѣло до того? Вѣдь они не избранные самимъ народомъ пастыри, а насланные свыше администраторы. Дико, но послѣдовательно.

III. Священничество.

Въ назначенное время Бертомье выѣхалъ изъ Клермона. Его мать, послѣ долгой борьбы между любовью къ мужу и сыну, рѣшилась быть спутницей своему любимцу. Забравши убогіе пожитки, отправились они къ мѣсту изгнанія на двухъ телегахъ.

Но чтобы добраться до Пичеранды, имъ нужно было перерѣзать нѣсколько отроговъ Мон-Дора. Дѣло было поздней осенью, когда нагорныя равнины заваливаются массами снѣга, а въ горахъ розыгриваются тѣ снѣговыя бури, которыя нерѣдко превращаются въ ураганъ все сокрушающій на своемъ пути. Такая буря съ ураганомъ захватила ихъ,—и уже не въ дальнемъ разстояніи отъ Пичеранды. Извощикъ, сидѣвшій на передней телегѣ и весь поглощенный заботой о своемъ собственномъ спасеніи, не замѣтилъ что задняя телега, въ которой сидѣли Бертомье съ матерью отстала, и лошадь совсѣмъ стала—безсильная выбиться изъ сугробу. Бертомье, въ виду урагана, выскочилъ изъ телеги чтобы дать направленіе лошади; но не успѣлъ онъ и схватиться за узду, какъ ураганъ налетѣлъ: его ослѣпило оглушило, свалило съ ногъ, нѣсколько разъ перевернуло и начало забивать снѣгомъ. Въ нѣсколько минутъ онъ былъ уже подъ сугробомъ—полумертвый отъ боли, страха, холоду. Однакожь, инстинктъ самосохраненія заставилъ его сдѣлать отчаянныя усилія для своего спасенія: послѣ неимовѣрнаго труда онъ выбился изъ своей снѣговой могилы. Буря стихла, и хоть холодъ леденилъ его члены, но не въ очень

дальнемъ разстояніи виднѣлось людское жилье; значитъ, онъ былъ спасенъ.

Спасенъ! а мать?!..:

Въ сторонѣ онъ замѣтилъ громадный сугробъ, наметанный промчавшимся ураганомъ —тутъ должна быть она, подумалъ онъ, и не ошибся. Что дало ему силы — пробить эту массу снѣга, дорыться до взвернутой телеги, вытащить изъ подъ нея мать и тащить ее на своихъ плечахъ; что указало ему дорогу къ селенію среди непроглядной тьмы наступившей ночи,—объ этомъ, послѣ, онъ не могъ составить себѣ никакого яснаго понятія. Деревенскій сторожъ нашелъ его на церковномъ кладбищѣ. Онъ очнулся въ теплой комнатѣ, окруженный нѣсколькими, ухаживавшими за нимъ, женщинами. Покончивъ съ нимъ тѣже женщины принялись за его мать, и послѣ чрезвычайныхъ усилій добились таки признаковъ жизни и въ этомъ почти — трупѣ. Теперь, дѣйствительно они были спасены оба.

Когда, на другой день, отправились отыскать телегу. — стаи хищныхъ птицъ указали мѣсто — гдѣ захватилъ ихъ ураганъ: птицы доканчивали надъ лошадью ночное пиршество звѣрей. Не малаго труда стоило высвободить телегу изъ подъ плотоядныхъ стай упорно отстаивавшихъ обглоданный трупъ.

Таково было мое прибытіе въ Пичеранду. Не легкія испытанія преслѣдовали меня досель; но они не кончились тѣмъ что перенесено. Во избѣжаніе процесса, мнѣ пришлось заплатить извощику за павшую лошадь и за поломанную телегу.

Моя пресбитерія [1]) была жалкая лачуга нужно было сдѣлать ее обитаемой. Церковь находилась въ состояніи совершеннаго упадка; — приходъ малый и бѣдный, а предшественники мои,

---

[1]) *Пресбитерія*, собственно, священническій домъ. У католиковъ и протестантовъ такіе домы — необходимая принадлежность каждой церкви. Они устраиваются и поддерживаются отъ прихода. У протестантовъ — при каждомъ такомъ домѣ училищ; а въ Англіи, тутъ же приходская больница, библіотека—не только для чтенія, но и для продажи «священныхъ» и вообще народно-полезныхъ книгъ, и пр. и пр.

какъ видно, заботились лишь объ одномъ — какъ вырваться поскорѣй изъ такаго безотраднаго мѣста. — Могъ ли я хлопотать объ устроиствѣ себѣ удобнаго дома и оставить домъ молитвы въ его запустѣніи? Я началъ украшать его какъ могъ, и нѣсколько таки украсилъ Сюда пошли и клермонскія сбереженія моей матери. Представлялось весьма вѣроятнымъ что мы навсегда останемся въ Пичерандѣ. Насъ забудутъ, думалось, въ этомъ углу епархіи, среди снѣговъ и снѣговыхъ бурь, съ нашими бѣдными горцами. Не малымъ утѣшеніемъ было думать что провидѣніе, которое вообще не допускаетъ ничего безъ мудрыхъ и благихъ цѣлей, не безъ цѣли забросило и меня, бѣднаго священника, въ эту страшную область бурь и урагановъ. При томъ порядкѣ въ какомъ шли дѣла въ Клермонѣ, тамъ я былъ бы всегда однимъ изъ тѣхъ отверженныхъ, на которыхъ падаютъ всѣ подозрѣнія, всѣ проклятія. Изгнаніе оттуда было для меня, поэтому, благомъ.

Я не падалъ духомъ при мысли о своемъ будущемъ, больше чѣмъ незавидномъ; но, нельзя не сознаться, проклиналъ страсти жертвой которыхъ пришлось быть мнѣ. Самая преданность моя провидѣнію была скорѣй чувство претерпѣваемой неправды, отъ которой не было возможности вырваться мнѣ, чѣмъ сыновнее принятіе горькаго испытанія. Я не выдаю себя въ этихъ запискахъ за образецъ добродѣтели; думаю что зло, когда оно брошено въ душу человѣка какъ оскорбленіе, какъ кровная обида, всегда должно быть заявляемо зломъ. И того уже достаточно чтобы не имѣть ненависти въ сердцѣ къ этимъ злодѣямъ, которые дѣлаются нашими гонителями, и этого достигнуть — не малый подвигъ для христіанина. А нѣжную любовь ко врагамъ я уже предоставляю болѣе меня совершеннымъ, если только они всостояніи достигнуть такого совершенства — на дѣлѣ, искренно и правдиво, а не въ звучныхъ и пустыхъ фразахъ.

Мои прихожане, какъ и вообще обитатели нагорной равнины Оверни, народъ совершенно особенный. Здѣсь крѣпко сохранились древніе нравы галловъ,—всѣ ихъ языческія суе-

вѣрія, лишь прикрытыя внѣшностью христіанства. Много труда, много борьбы и подвиговъ требуется отъ священника среди этихъ населеній. Поэтому, и мнѣ предстояло не мало работы, при всей незначительности прихода.

Климатъ здѣсь крайне суровъ; почва, по причинѣ возвышенности равнины и продолжительности зимъ, можетъ производить лишь рожь и подножный кормъ; лѣса, отъ неудобства сбыта, почти не имѣютъ цѣнности; вслѣдствіе всего этого мѣстность можетъ быть названа бѣдною. Но Овернецъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе, предпріимчивъ, дѣятеленъ, бережливъ. Къ этому въ немъ присоединяется прирожденная смышленность, развиваемая имъ до изумительной ловкости — всюду пріурочиться, во всемъ и всегда найтись. И какъ онъ съ дѣтства закаленъ въ перенесеніи всяческихъ невзгодъ — атмосферныхъ и житейскихъ, неутомимъ и силенъ въ работахъ, то не трудно понять что умѣетъ восполнить бѣдность почвы какою надѣлило его провидѣніе.

Трудно опредѣлить, исторически, время когда Овернецъ пустился въ странствованія по бѣлу свѣту. Но то внѣ всякаго сомнѣнія что гдѣ только есть европейцы, такъ Овернецъ ужь непремѣнно найдется среди нихъ.

Весь поглощенный стремленіемъ — пріобрѣтать, онъ изобрѣлъ самое вѣрное средство для успѣха — честность. Не должно чтобы Овернецъ могъ быть подозрѣваемымъ. Какое бы дѣло ни взялъ онъ на себя—домашняго слуги, разносчика, разсыльнаго и проч. и проч., — на него вполнѣ можно положиться. Обманъ съ его стороны невозможенъ. Страна погибла бы, еслибъ могло возникнуть сомнѣніе въ честности Овернца.

Но, всущности, эта честность не что иное какъ разсчетъ. Непоколебимая добросовѣстность Оверица — просто промышленное соображеніе. Не сознаніе правды лежитъ въ основѣ его дѣйствій, а житейскимъ опытомъ выработавшееся убѣжденіе что лишь этимъ путемъ можно добиться чего либо прочнаго. Тотъ же самый человѣкъ который, на сторонѣ, не обманетъ ни въ мѣрѣ, ни въ вѣсѣ, ни въ чемъ,—у себя дома, напр. при

семейныхъ раздѣлахъ, самый безпощадный сутяга и ужь недастъ спуску никому и ничему, если буква закона на его сторонѣ.

Кромѣ этихъ странствованій по бѣлу свѣту въ которыя пускается большинство этого черезъ чуръ плодовитаго племени, есть еще каждогодное странствованіе почти всѣхъ мужчинъ—домохозяевъ. Они пускаются въ концѣ сентября, предъ временемъ снѣговъ и бурь. Гуртомъ идутъ въ Клермонъ, въ Лиможъ, въ города гдѣ производится оптовая торговля; закупаютъ всевозможныхъ мелочныхъ товаровъ — сколько каждый сладить можетъ, и отправляются съ ними, возобновляемыми по мѣрѣ распродажи, во всѣ богатые и винопроизводительные департаменты Франціи.

Послѣ осмимѣсячной отлучки изъ дому, Овернецъ возвращается въ іюнѣ для полевыхъ работъ, и приноситъ съ собою отъ пяти до шести сотъ франковъ чистыми деньгами. Такова система. Не тратить ничего для себя кромѣ скуднаго удовлетворенія самыхъ насущныхъ потребностей, и возвращаться домой съ тѣмъ что удалось пріобрѣсть ради семьи. Въ отсутствіе же мужа всѣмъ хозяйствомъ заправляетъ жена подъ условіемъ строжайшей бережливости.

Не трудно понять—какъ дурно должно вліять на нравственность это каждогодное странствованіе. Народъ здоровый, въ самой порѣ физическаго развитія, во всей свѣжести силъ,— и восемь мѣсяцевъ безъ жены: многіе ли задумаются тутъ, когда такъ легко найти себѣ удовлетвореніе повсюду? Непрестанное столкновеніе съ людьми до конца развращенными, безъ правилъ, безъ религіи,—многіе ли съумѣютъ тутъ сохранить чистоту и твердость своего вѣрованія? — Вотъ почему Овернецъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ своихъ странствованій, дѣлается совершенно равнодушнымъ ко всему—что зовется религіей, хоть сердце его и не развращается въ конецъ.

Напротивъ, женщина здѣсь, вообще,— честна и нравственна, и крѣпко привязана къ религіи Христа.—Правда, въ былое время Овернь была переполнена клиромъ;—въ такомъ ни-

чтожномъ городкѣ какъ Бесса было шестидесятъ священниковъ; но, ксчастію, здѣшній суровый климатъ всегда спасалъ женщину отъ главныхъ развратителей ея — монашествующей братіи: этотъ людъ не терпитъ горныхъ бурь и снѣжныхъ урагановъ, какъ и вообще не терпитъ какихъ бы то ни было жизненныхъ неудобствъ; благодаря этому, женщина и была свободна здѣсь отъ его благодѣтельныхъ вліяній, и не дошла до того чтобы развратъ считать подвигомъ послушанія этимъ руководителямъ человѣческаго спасенія.

Но и священство послѣднихъ вѣковъ если не развращало здѣшнихъ населеній, то и недѣлало ничего для того чтобы ознакомить ихъ съ сущностью христіанства, съ духомъ ученія христова. Отсюда, христіанство все здѣсь—во внѣшности, въ обрядахъ, въ исполненіи такихъ подвиговъ наружнаго благочестія, которые прямо идутъ въ разладъ съ законоположеніями евангелія Толпы не собираются болѣе къ прекрасному Пантеону такъ великолѣпно построенному Римлянами, въ виду благодѣтельныхъ водъ Мон-Дора; но за то сходятся лобызать деревянную статую de notre-Dame de Vassiviere и разставлять передъ нею пуки свѣчъ. Суевѣріе измѣнило форму: человѣкъ остался язычникомъ.

Таковы были христіане какихъ я нашелъ въ Пичерандѣ, и пастыремъ которыхъ суждено было мнѣ сдѣлаться.

Чуждый всѣхъ мистическихъ стремленій самъ, понятно, и по отношенію къ своей паствѣ я не могъ идти избитой колеей своихъ предшественниковъ и сотоварищей. Я постановилъ себѣ цѣлію — возвышать въ своихъ прихожанахъ нравственный уровень, а не пускаться съ ними въ теологическія тонкости. Поэтому, я старался дѣйствовать на нихъ болѣе непосредственнымъ вліяніемъ, и укоренять въ нихъ тѣ простыя и удобоприложимыя къ жизни истины, которыми такъ полно евангеліе. Изъ своей церкви я изгналъ всю фантасмагорію наружной набожности, съ которою народъ не соединяетъ никакого внутренняго значенія и которую, поэтому, превращаетъ въ самое дикое суевѣріе.

Всѣ мои усилія были направлены къ тому чтобы наши взаимныя отношенія были искренны и просты, и чтобы мои прихожане убѣдились что ихъ священникъ дѣйствительно человѣкъ честный и прямодушный, а не изъ разряда тѣхъ фарисеевъ, которые своимъ мистицизмомъ прикрываютъ лишь разныя стремленія — нечестныя и не чистыя. Я проповѣдалъ имъ что одно доброе дѣло значитъ безконечно больше чѣмъ цѣлый пукъ свѣчей и пятидесятъ молитвъ проболтанныхъ языкомъ, безъ участія души; что религія въ глубинѣ сердца, а не въ наружныхъ дѣлахъ набожности что странствованія къ — Notre-Dame Vassivière къ Notre-Dame de Orcival, ко всевозможнымъ ротрдамамъ, ничего не значатъ передъ долгомъ сознательно-христіански выполненнымъ въ семьѣ

Проповѣди мои были коротки. Не отягощать ими слушателей хотѣлось мнѣ, за чѣмъ обыкновенно слѣдуетъ скука и даже отвращеніе, а добиться чтобы ихъ жаждали; потому что лишь подъ этимъ условіемъ можетъ сдѣлаться проповѣдь любимою. Проповѣдническая рѣчь моя была ясна и проста, безъ малѣйшихъ вычуръ и ухищреній ораторства. Это была также семейная бесѣда,—и съ строго-обличающимъ словомъ правды, и съ ободряющимъ словомъ любви, лишь освященная святостью мѣста, и потому сильно и вліятельно дѣйствовавшая на слушателей. Больше всего я билъ на нравственное возрожденіе подростающихъ поколѣній, на безусловную необходимость того разумнаго ученія которое подготовило бы ихъ на жизненную борьбу — не во имя житейскихъ разсчетовъ и соображеній, а во имя того нравственнаго усовершенія, которое заповѣдано Спасителемъ всякому истинному христіанину.

Что до женщинъ, то я постановилъ себѣ неизмѣннымъ правиломъ — держать себя по отношенію къ нимъ со всей той осторожностью какая найдется въ моихъ силахъ. Не сходило съ моего языка ни одного слова, которое могло бы отталкивать ихъ отъ меня; но и не было также ни одного слова, которое давало бы имъ поводъ думать что я могу раздѣлять ихъ мимо-религіозныя увлеченія, могу поддерживать и поощрять въ

нихъ стремленія къ девотизму. Больше. Каждымъ своимъ дѣйствіемъ, каждымъ словомъ я давалъ замѣтить что главнѣйшія мои заботы о мужской части населенія, что въ ней и съ нею хочу образовать религіозную связь прихода. Такъ, въ предпасхальную исповѣдь, женщинамъ я посвящалъ лишь по нѣсколько минутъ; между тѣмъ какъ съ каждымъ мужчиной бесѣда моя была продолжительна и оживлена: такъ хотѣлось мнѣ допытаться глубинъ ихъ совѣсти и ее сдѣлать неподкупнымъ судіей ихъ жизненной дѣятельности!

Плоды такого образа моихъ дѣйствій не замедлили обнаружиться. Едва прошло нѣсколько мѣсяцевъ моего пастырства, какъ стало слишкомъ замѣтно что меня слушаютъ охотно, что мнѣ даже подчиняются,— чего ни искать ни желать мнѣ и на мысль не приходило. Населеніе Пичеранды такъ выражало обо мнѣ свое мнѣніе: «славный человѣкъ нашъ священникъ.» Къ этому прибавляли выраженіе, которое вполнѣ раскрывало значеніе такого мнѣнія: «да, это не священникъ менетокъ» (пустосвятокъ, ханжей). Менетки, во всей нашей Оверни, дѣвы-богомолки каждаго прихода, которыя почти не выходятъ изъ церкви, но не дѣлаются отъ того христіанками въ настоящемъ значеніи слова.

И я начиналъ крѣпко любить этотъ народъ. Онъ глупъ лишь въ своей внѣшности. Не выноситъ притязаній и давленій внѣшней силы, особенно когда они идутъ отъ священника; и расплачивается за нихъ всѣми тѣми способами какіе въ его возможности. Но разъ убѣдившись что не хотятъ ни давить ни обманывать его, онъ уже не скупится ни на довѣріе ни, наконецъ, на любовь. Въ самомъ женскомъ населеніи прихода я не ошибся. Вообще, женщина этихъ мѣстностей замѣчательно умна. Не обращая, по видимому, на нее никакаго вниманія, тѣмъ не менѣе я крѣпко разсчитывалъ на доброе и помогающее мнѣ вліяніе; я былъ увѣренъ что съумѣютъ понять мои прихожанки и мою осторожность и мои цѣли, и не откажутъ мнѣ въ своей преданности, когда увидятъ пользу моихъ дѣйствій въ своихъ отцахъ, въ своихъ мужьяхъ и сыновьяхъ.

Такъ, дѣйствительно, и было. Скорѣе даже чѣмъ я могъ ожидать, онѣ разгадали и оцѣнили стремленія своего, ничѣмъ не увлекающагося и не восторгающагося, священника, и явились ревностными пособницами ему въ своихъ семьяхъ. Такъ и всегда женщина для священника — великая помощь въ дѣлѣ добра, если только священникъ не задастся дикой мыслью — потѣшать себя и своихъ прихожанъ лишь роскошью внѣшнихъ благолѣпій — богатыми облаченіями, раззолоченными балдахинами, разукрашеннымъ алтаремъ, длинными мессами, длинными проповѣдями, длиннымъ процессіями, — всѣми этими изобрѣтеніями фарисейства, которое бьетъ на одно — давать зрѣлища народу и тѣмъ отвлекать его отъ сущности христіанства.

Въ товарищахъ у меня не было недостатка. Въ сосѣднихъ городкахъ и селеніяхъ считался ихъ добрый десятокъ. Нѣкоторые изъ нихъ были вполнѣ достойные священники, и я не замедлилъ съ ними сблизиться. Въ этомъ ледяномъ оазисѣ, что зовется горой, сближеніе происходитъ инстинктивно: одинаковая жизнь борьбы, взаимная потребность помощи въ совершеніи пастырскаго служенія.—Мы собирались ради приходскихъ праздниковъ, ради первыхъ причащеній дѣтей, ради торжественныхъ процессій, изъ которыхъ главнѣйшею считалась въ Васивьерѣ, не говоря о частыхъ перегащиваньяхъ сосѣдей между собою. — Я могу сказать, подъ этимъ угломъ зрѣнія, что мы были настоящими товарищами.

Что до стремленій и цѣлей, до сбраза дѣйствованія и управленія въ нашихъ приходахъ, то, я долженъ признаться, ихъ ровно столько—сколько личностей. Нужно прожить много лѣтъ въ священнической средѣ, чтобы узнать какъ слѣдуетъ, какой сумбуръ царствуетъ въ нѣдрѣ этого католицизма, наружное единство котораго превозносятъ такъ неистово. Понятно, я говорю не о церемоніяхъ которыя вездѣ почти одинаковы, не о символѣ вѣры, — а объ этомъ великомъ дѣлѣ которое со-

ставляетъ сущность священническаго служенія, объ управленіи душъ.

Повѣрятъ ли что изъ всѣхъ суперіоровъ, ректоровъ, профессоровъ семинарій, которые готовили насъ къ священническому служенію,— а объ епископахъ и архіепископахъ и говорить уже нечего,—ни одинъ не былъ сельскимъ приходскимъ священникомъ, и, поэтому, ни одинъ не имѣетъ настоящаго понятія о народѣ селъ и деревень, объ его склонностяхъ, привычкахъ, потребностяхъ; объ его закоренѣлыхъ предразсудкахъ, окрѣпшихъ навыкахъ, объ его суевѣріяхъ?

Повѣрятъ ли что цѣлые годы потратили мы на изученіе— схоластическихъ тонкостей теологіи, догматическихъ войнъ церкви и п. т. п., а о познаніи человѣка, о практическихъ трудностяхъ пастырскаго служенія, о средствахъ вліять на народъ, мы никогда не слыхивали? что всѣ наши образователи сами неразумѣютъ даже перваго слова въ этой—труднѣйшей изъ наукъ, что зовется управленіемъ душъ? Казалось бы, это нелѣпѣйшее противорѣчіе, поразительная уродливость въ католицизмѣ. Но это то противорѣчіе, эта та уродливость не только существуютъ у насъ, но даже возведены въ принципъ.

Что же разумѣютъ наши образователи клира? какому методу слѣдуютъ они для приготовленія священниковъ?

Вотъ какому.

Жизнь этихъ людей, однообразная и размѣренная какъ бой часоваго маятника, вся распредѣлена вѣчно неизмѣннымъ семинарскимъ звонкомъ. Отсюда, «уставъ» у нихъ впереди всего. Выполнять «уставъ», т. е. вставать, молиться, работать, ѣсть, спать, какъ разъ—навсегда заведенная машина, по ихъ мнѣнію, составляетъ самую сущность христіанскаго совершенства. Ихъ идеалъ—монастырь; лучшій священникъ по ихъ разумѣнію,— наиболѣе усовершившійся въ выполненіи семинарскаго «устава», перенесшій его въ свою священническую жизнь и сдѣлавшій изъ своей пресбитеріи нѣчто въ родѣ монастыря.

Образовать священника, по этой теоріи, значитъ—пріучить молодаго человѣка—молиться, размышлять, удаляться отъ людей,

изучать теологію, проповѣдывать глубины и выси мистицизма, и добиваться, выработавъ себя въ монастырское подобіе, каждую семью преобразить въ нѣчто монастырское, гдѣ-бъ безраздѣльно царствовалъ духъ мистицизма.

Это стремленіе—преобладающее въ управленіи семинаріями. Мистицизмъ тамъ царствуетъ самодержавно. Чтожъ удивительнаго, что священникъ не разумѣющій ничего кромѣ мистицизма, священникъ монахъ—идеалъ всѣхъ этихъ образователей священства?

Но отсюда выходитъ вотъ что:

Такъ какъ дѣйствительная жизнь священника, поставленнаго на служеніе общественное, есть прямая противоположность мистико-монашескимъ стремленіемъ, то слишкомъ не многіе священники, по выходѣ изъ своего монастырскаго заточенія на свободу, остаются вѣрными этому идеалу. Здравый смыслъ и опытъ скоро обнаруживаютъ всецѣлую несостоятельность его въ дѣлѣ пастырства, скоро разоблачаютъ ту истину что, священникъ — монахъ, есть нѣчто въ высшей степени безсмысленное. Изрѣдка, какая нибудь натура упрямая или фанатическая упорно бьется надъ тѣмъ чтобы осуществить въ жизни свой семинарскій «уставъ»; но какъ потокъ жизни сильнѣе всякой отдѣльно взятой личности, хоть бы она вся состояла изъ мистицизма, то дѣло всегда оканчивается однимъ изъ двухъ: или личность выбрасывается изъ дѣйствительной жизни какъ нѣчто непотребное для нея, лишь тормозящее ея движеніе впередъ; или, ради сохраненія своего положенія, бросается въ самую крайность фарисейства. Но большинство, лишь развяжется съ семинарскими пеленками, скоро и навсегда бросаетъ невыполнимую систему.

Это то и производитъ въ клирѣ ту странную двойственность жизни, которая такъ поражаетъ людей свѣта. Официально, на показъ, священникъ—существо не отъ міра сего; на дѣлѣ, за официально-служебными кулисами, это—существо самое положительное, человѣкъ земли прежде всего, — хорошо еще если

человѣкъ честный и строго нравственный, а неприкрывающій мистическими восторженіями свою закулисную распущенность.

Изъ моихъ собратовъ лишь трое въ совершенствѣ розыгрывали роль существъ не отъ міра сего. Объ одномъ изъ нихъ, впрочемъ, можно было думать что онъ дѣйствуетъ искренно. Это была натура восторженная, съ умомъ узкимъ, со способностями болѣе чѣмъ ограниченными. Едва ли были у него какія либо заднія мысли. Но за то двое другихъ, ловкіе и наметанные, хорошо разумѣли что ихъ игра стоитъ свѣчъ. Зная какой духъ преобладаетъ въ высшихъ слояхъ священства, они, какъ и всѣ имъ подобные, могли разсчитывать такъ: если мнѣ удастся, впродолженіи десяти или двѣнадцати лѣтъ, предъ взорами всѣхъ выказать себя человѣкомъ совершеннаго благочестія, назидательной строгости жизни, то это пріобрѣтетъ мнѣ вниманіе и благоволеніе епископскаго управленія. А за тѣмъ, меня уже не оставятъ надолго прозябать въ безвѣстной жизни сельскаго священника. Мнѣ дадутъ приходъ въ городѣ, а если не въ городѣ, то изъ самыхъ видныхъ и богатыхъ въ кантонѣ, какой либо протоіерейскій приходъ. — За такимъ разсчетомъ и слѣдуетъ выполненіе самой роли которое, въ главномъ, всегда одинаково.

Въ пресбитерію цѣликомъ переносится духъ семинаріи: суровая строгость въ одеждѣ, умильная кротость во взорахъ, размѣренно-тихая поступь; бревіарій исправно отработывается въ указанные часы; молитва, благочестивое чтеніе, продолжительное приготовленіе къ мессѣ, таковое же благодареніе послѣ мессы, трескуче-блестящая обстановка всѣхъ внѣшнихъ богослуженій, грамадное значеніе придаваемое богомольнымъ сборищамъ, внѣшне-набожнымъ дѣяніямъ всякаго рода, процессіямъ, хожденіямъ на богомолье, и п. т. п.,—все это творится неустанно и непрестанно. Кромѣ этого, завлекаютъ большее или меньшее количество дѣвъ для выработки изъ нихъ девотокъ, безстрашно отторгая ихъ отъ скромныхъ обязанностей женъ и матерей, — и выработываютъ!.. По цѣлымъ часамъ держатъ ихъ въ исповѣдальняхъ: раздражаютъ до необуздан-

ности ихъ воображеніе; рисуютъ передъ ними мистическій идеалъ, жизнь превыспренней любви и созерцанія, на мѣсто жизни долга болѣе суровой и менѣе обольстительной для страстной натуры женщины. Далѣе, работаютъ надъ тѣмъ чтобы большинство этихъ девотокъ причащались какъ можно чаще Наконецъ избираютъ себѣ изъ нихъ двухъ-трехъ филотей, въ крайнемъ случаѣ одну, которыя и дѣлаются ревностными провозвѣстницами духовныхъ совершенствъ своихъ патроновъ.

Съ своими собратами тутъ всегда осторожность чрезвычайно ловко разсчитанная. Взглядъ, слово, поступь,—все взвѣшено и разсчитано. Никогда слова небрежно или необдуманно сорвавшагося съ языка. Такъ и вырисовывается во всемъ что это не кто нибудь, а «особа» сознающая свое духовное совершенство и уже не способная низойти своимъ вниманіемъ до обыденныхъ предметовъ жизни. Вѣрность поповской одеждѣ—до мельчайшихъ подробностей, до послѣдней пуговицы, до пряжекъ на башмакахъ, — необычайная и невѣроятная. Макушка головы, широко выбритая, точно отполирована. Словомъ, всецѣлое совершенство.—Рѣчь всегда о предметахъ возвышенныхъ, о вещахъ святыхъ; и всегда услащена елеемъ и медомъ. Для всего тутъ свой словарь, которому никогда не измѣняютъ.— Ни за что не скажутъ: «дѣва Марія, мать Іисуса«,—нѣтъ, это было бы ужъ черезъ чуръ просто, отзывалось бы языкомъ жизни, а всегда—«святѣйшая дѣва Марія, пречестная матерь Господа Іисуса.» И теперь какъ я пишу эти записки, не говорятъ — «папа», какъ говоритъ весь міръ, а — «святѣйшій отецъ». Если пишутъ къ своему собрату, то въ заголовкѣ письма всегда ставятъ воззваніе — «Іисусъ, Марія, Іосифъ,» или какую нибудь мистическую сентенцію, и письмо оканчиваютъ выраженіемъ нѣжнѣйшихъ чувствъ любви «въ освященныхъ сердцахъ Іисуса и Маріи».

И не смотря на то что такая роль розыгрывается уже цѣлые вѣка, и что пора бы присмотрѣться къ ней и уразумѣть ея настоящее значеніе, — персонажи этихъ комическихъ представленій не ошибаются въ своихъ разчетахъ: съ ничтожной сцены

какой нибудь деревушки они всегда переводятся на болѣе и болѣе широкія сцены.

Я еще не успѣлъ хорошо и осмотрѣться въ Пичерандѣ, какъ меня удостоила своимъ посѣщеніемъ одна изъ такихъ особъ—совершенствъ священства.

Это была достопочтенная, какъ нельзя лучше розыгрывавшая свою роль, личность, г. Курсьяль Мюрольскій священникъ. Огромная голова на широкомъ и длинномъ туловищѣ,— вотъ первое что бросалось въ глаза въ моемъ собратѣ. Изъ этой туши живаго мяса выходилъ голосъ елейный и медоточивый, выработанный для мистическихъ бесѣдъ, — голосъ Тартюфа на сценѣ, когда актеръ умѣетъ войти въ свою роль. Кромѣ того, человѣкъ желалъ показать себя. Это именно — изволилъ пожаловать ко мнѣ священникъ Мюрольскій, а никакъ не Курсьяль пришелъ къ своему собрату. Вообще, если Курсьяль могъ существовать нѣсколько часовъ въ день, то лишь тогда какъ оставался всецѣло, абсолютно одинъ, наглухо закупоренный въ своей пресбитеріи; да и тутъ еще его била лихорадка при одной мысли, чтобы кто либо не подсмотрѣлъ, какъ нибудь не пронюхалъ—что̀ такое Курсьяль—настоящій, а не Курсьяль—Мюрольскій священникъ.

Онъ разсыпался передо мною въ любезностяхъ и ласкательствахъ. Очевидно, ему хотѣлось розыграть басню о лисицѣ и воронѣ съ сыромъ. Затѣмъ повелъ бесѣду о предметѣ ради котораго, безъ сомнѣнія, и припожаловалъ ко мнѣ.—

— О, возлюбленнѣйшій собратъ, до чего нужны намъ священники благочестивые и строго ревностные. Добро такъ трудно дѣлать! Врагъ—человѣкъ непрестанно сѣетъ плевелы на полѣ небеснаго домохозяина. Лишь примѣрнымъ благочестіемъ, лишь святостью можно обратить народы. Да, возлюбленнѣйшій мой собратъ, всѣмъ намъ нужно быть святыми.

Видимо, человѣкъ понималъ свою роль; и кто либо менѣе меня изощрившійся въ клерикальной діагностикѣ могъ принять фразы за нѣчто дѣйствительное.

— Я слишкомъ боюсь, господинъ священникъ, отвѣчалъ я

ему, что составленныя вами понятія о средствахъ творить добро въ приходѣ—ложны.

— Что вы хотите сказать, любезный собратъ?

— Вотъ что хочу сказать: можно быть священникомъ благочестивымъ и строго ревностнымъ, такимъ—какъ вы его понимаете, и не дѣлать добра въ приходѣ.

— Но, любезный собратъ, вы меня удивляете.

— Почему же это?

— Да въ семинаріи развѣ хотѣли сдѣлать изъ насъ что либо иное какъ не благочестивыхъ священниковъ? Главнѣйшая забота нашего святѣйшаго епископа развѣ не о томъ чтобы видѣть въ каждой приходской церкви священника полнаго ревности и назиданія? Въ твореніяхъ учителей церкви, которыя насъ услаждаютъ и поучаютъ въ нашемъ уединеніи, развѣ не то требуется чтобы мы были благочестивыми, совершенными въ благочестіи, по примѣру святыхъ?

— Мы едва ли понимаемъ, какъ слѣдуетъ, одинъ другаго. Не благочестіе и не ревность, а именно это притязаніе обратить народы средствами, какія обыкновенно пускаютъ въ дѣло наши благочестивые ревнители, — вотъ что̀ считаю я дурнымъ.

— Да вы не серьезно говорите, любезный г. священникъ?

— Напротивъ, очень серьезно. По моему убѣжденію, самая основная ошибка въ клирѣ — это упорство думать что, поставивъ въ главѣ прихода молодаго священника — благочестиваго ревнителя,—придайте имя какое хотите, сдѣлали все для нравственнаго возрожденія этого прихода.

— Такъ по вашему, г. священникъ, было бы лучше поставить туда священника равнодушнаго къ предметамъ божественнымъ, безъ ревности къ своему долгу?

— Ничего такого я не сказалъ. Чтобы сдѣлать вамъ понятною мою мысль, я объяснюсь касательно недоразумѣнія, которое есть между нами.

Вотъ что̀ я думаю.

Я не отвергаю этого священника за то что онъ ревностенъ,

благочестивъ и пр. и пр. Только способъ которымъ хотятъ осуществить добро почти всѣ слывущіе подъ этими громкими названіями,—и еще я допускаю что они дѣйствительно таковы какими слывутъ — честно и искренно вѣрующіе, а не ловкіе пройдохи для которыхъ внѣшнее благочестіе лишь маска, этотъ способъ кажется мнѣ совершенно негоднымъ.

— Вы, аббатъ, осуждаете лучшихъ священниковъ и всю церковь!..

Тонъ, какимъ сказаны были эти слова, заставилъ бы меня расхохотаться, еслибъ я не видѣлъ что доброму человѣку чуствуется не совсѣмъ то ловко: онъ понялъ что его разгадали. De te fabula narratur. До меня уже дошли слухи что его дѣла въ приходѣ шли какъ нельзя хуже; что, за исключеніемъ девотокъ и его филотей, противъ него было общее озлобленіе до ненависти за его инквизиторскій духъ, за его безсмысленный фанатизмъ, за его іезуитскую нетерпимость. Значитъ, онъ какъ разъ попалъ у меня на горячіе уголья. Да прахомъ пошла и прекрасная бесѣда которую онъ подготовилъ было, чтобы розыграть свою роль въ пресбитеріи Пичеранды. — И какъ ни изощрился онъ въ умѣньѣ держать себя невозмутимо, но досада его прорывалась. Въ каждой фразѣ слышалось — что его разбираетъ зло. Сначала я былъ его — «возлюбленнѣйшимъ собратомъ», затѣмъ его — «любезнымъ собратомъ», затѣмъ—«любезнымъ г. священникомъ», а наконецъ свелось и на — совсѣмъ не любезное — «аббатъ». Но онъ могъ злиться сколько ему угодно, — съ своимъ неодолимымъ отвращеніемъ къ лицемѣрамъ, я не могъ не показать ему что не всѣ же въ клирѣ такіе неповитые дураки, чтобы не нашлись способные разгадать прекрасную роль розыгрываемую святынями этого сорта. Поэтому, лишь отпустилъ онъ свою оглушительную фразу, я ему возразилъ:

— Нѣтъ, позвольте, я не далъ вамъ ни права ни повода говорить — что осуждаю церковь и лучшихъ священниковъ. Только я утверждаю,—и утверждаю на основаніи самыхъ несомнѣнныхъ фактовъ, что священники наиболѣе способные

внести добро прочное и плодотворное въ среду нашихъ населеній, не тѣ которые подходятъ подъ вашу программу. Жизнь вполнѣ и повсюду доказала и не престаетъ доказывать что благочестивые ревнители, по вашему,—замѣтьте—по *вашему* разумѣнію таковыхъ, ничего прочно-полезнаго не дѣлаютъ въ приходахъ; что они то и доводятъ народъ до этого извращенія религіи по которому, за безчисленными обрядовыми внѣшностями, онъ забываетъ самую сущность вѣрованія, или, точнѣе, совсѣмъ не разумѣетъ ея; по которому онъ видитъ свое спасеніе въ сочиненныхъ этими ревнителями чисто механическихъ отправленіяхъ всяческаго богомолья, а не въ служеніи Богу духомъ и истиною законоположенномъ самимъ Спасителемъ; что они то своими мистическими бреднями вносятъ безпроглядную тьму въ его душу, вмѣсто спасительнаго свѣта который весь въ евангеліи, — а евангелія то упорно и не допускаютъ до народнаго употребленія они, — эти благочестивые зилоты!.. Такъ или нѣтъ?—докажите же что въ моихъ словахъ ложь... И особенно въ нашей Оверни гдѣ еще такъ живы древніе обычаи язычества, эти священники — ревнители такъ любятъ потѣшать себя и народъ религіозными зрѣлищами—съ ослѣпительнымъ блескомъ и съ оглушительнымъ трескомъ, въ родѣ процессій со статуями, мощами и п. т. п., — что́ это — для возрожденія народа заповѣданнаго Христомъ, или для закрѣпленія языческихъ суевѣрій на почвѣ католицизма?! И еще оправдываются тѣмъ что не исторгаютъ суевѣрій изъ народной среды изъ за страха, чтобы вмѣстѣ съ ними не исторгнуть и самой вѣры: сколько лжи — непроходимой, и что хуже всего, намѣренной лжи въ этомъ оправданіи!.. Развѣ Христосъ, а не корыстныя цѣли заставляютъ закрѣплять и даже всячески расширять языческія суевѣрія, въ родѣ сказанныхъ процессій? — А кромѣ лжи, какое еще тутъ глубокое невѣріе во внутреннюю силу христіанскаго вѣрованія которое, во всѣ времена, отвергало эту нечистую и вредную помѣсь, и которое можетъ быть истиннымъ вѣрованіемъ лишь подъ единствен-

нымъ условіемъ — если религіозные инстинкты человѣчества возводить къ разумно-сознательному, духовному служенію Богу.

Вотъ уже сколько вѣковъ какъ система которая, по вашему, такъ совершенна, прилагается въ нашей Франціи. И чтоже?— лишь поверхность человѣческой души затронула она. Основанная этой системой религія обрядовыхъ внѣшностей растаяла какъ воскъ при первыхъ словахъ Реформы шестнадцатаго вѣка: потребовались палачи, костры, безпощадныя гоненія, развращенія серебромъ и почестями, чтобъ остановить разливъ этой реформы. Ваша система, послѣ вѣка такъ благочестиваго по наружности, но за каковымъ благочестіемъ скрывалось растлѣніе до какого и язычество рѣдко доходило, послѣ вѣка Людовика XIV, не воспрепятствовала невѣрію осмнадцатаго вѣка сдѣлать громадные успѣхи и добраться до отдаленнѣйшихъ и безвѣстнѣйшихъ нашихъ селеній. — И теперь, благодаря продолженію все той же системы, за исключеніемъ какихъ нибудь жалкихъ, сбитыхъ со всякаго толку женщинъ, общество не имѣетъ никакой вѣры ни въ священника ни въ его служеніе.

Если таковы факты, — а ихъ нѣтъ возможности отринуть, то я, больше чѣмъ полагаете вы, искренній другъ церкви, когда желаю чтобы была принята и усвоена система противоположная вашей.

— Вы не убѣдили меня, г. аббатъ. Добро, по крайней мѣрѣ вы признаете это, сохранилось въ церкви. И сохранилось, именно благодаря благочестивымъ священникамъ. Безъ нихъ не было бы католицизма во Франціи.

— Но съ способомъ дѣйствованія противоположнымъ вашему у насъ теперь была бы религія настоящая, истинное христіанство. Его-то, христіанства — по евангелію, и нѣтъ за вашимъ католицизмомъ. Объ этомъ и скорбятъ глубоко всѣ честные люди.

— Не заблуждайтесь. Невѣріе было бы еще неодолимѣе. Все что сказали вы, — грезы, — вотъ что. Будемъ держаться въ этомъ мнѣнія нашихъ досточтимыхъ начальниковъ. Самый

вѣрный и безопасный путь — путь смиреннаго повиновенія и безусловнаго послушанія.

— Вы превращаете дѣло въ шутку, любезный собратъ. Думаете ли вы, случайно, что я меньше васъ уважаю своихъ начальниковъ, потому что нахожу неудачнымъ способъ дѣйствованія ими избранный?—Я не оскорбляю ни ихъ добродѣтелей, если они имѣютъ ихъ, ни ихъ стремленій которыя, можетъ быть, и очень хороши — сами по себѣ. Только, опытъ трехъ вѣковъ доказываетъ что ихъ дѣйствованіе плохо успѣваетъ, вотъ и все.

Небезразсчетно, конечно, розыгрывая роль смиренія и послушанія, предполагать что тѣ которые не напускаютъ на себя произвольной слѣпоты — бунтовщики передъ своимъ начальствомъ.—Но вѣдь говорить такъ хорошо развѣ дѣтямъ. Черезъчуръ тупоумные могутъ только пойти на это. Честный и нелишенный здраваго смысла человѣкъ никогда не заклеймитъ себя позорнымъ клеймомъ фарисейскаго смиренія; и всегда съ презрѣніемъ отнесется къ тому смиренію которое, по личнымъ разсчетамъ, кидаетъ грязью въ другихъ.

Что до меня, то, признаюсь вамъ, — во мнѣ нѣтъ дури, ни къ чему доброму не ведущаго, самоуничиженія. Я не хочу зачислять себя въ разрядъ мистиковъ, — и говорю о томъ смѣло, не обинуясь. Тѣмъ не менѣе, могу сказать что желаніе мое работать для добра, по крайней мѣрѣ, также крѣпко и сильно какъ и ихъ. Я не отрицаю ихъ добродѣтелей, если они имѣютъ ихъ, а просто осуждаю ихъ систему которая не приложима въ дѣйствительной жизни, и оттого негодна.

Видя что и вы, любезный собратъ, смѣшиваете систему съ дѣятелями, я и желалъ разъяснить это. Но, откровенно, странны, и даже больше чѣмъ странны, тѣ которые присвоиваютъ себѣ исключительное право — дѣлать добро. Пора же взглянуть на дѣло съ настоящей точки зрѣнія. И я твердо рѣшился — никогда не розыгрывать здѣсь роль подчиненнаго, на которую хотѣли бы низвести насъ наши собратья — совершенства. Когда слишкомъ очевидно что многіе изъ нихъ того

только и добиваются въ своихъ приходахъ, что возбуждаютъ лишь отвращеніе къ религіи, тогда было бы ужь черезъ-чуръ безсмысленно — присуждать имъ лавры. — Я не хочу допустить такое самоотреченіе.

Какъ можно видѣть, не совсѣмъ то любезно велъ я бесѣду съ своимъ возлюбленнѣйшимъ собратомъ. Но онъ самъ вызвалъ на то. Нужно замѣтить что одно изъ невыносимѣйшихъ притязаній этихъ фарисеевъ — видѣть себя всегда и вездѣ окруженными благоговѣйнымъ почетомъ. Я былъ молодъ, горячъ, увѣренъ въ себѣ, увѣренъ въ своемъ образѣ дѣйствованія, успѣхъ котораго видѣлъ постоянно. Мнѣ хотѣлось хоть сколько нибудь посбить дикое тщеславіе этихъ людей которые, въ моихъ глазахъ, имѣли двойной позоръ — своихъ неудачъ и своего лицемѣрія.

Понятно, что мало по малу я свелъ бесѣду съ собратомъ на вопросы менѣе жгучіе. Между прочимъ, я и угостилъ его какъ слѣдуетъ. Нельзя же не быть любезнымъ у себя. Наконецъ разстался съ своимъ пріятелемъ — можетъ быть довольнымъ моимъ радушіемъ, но, безъ всякаго сомнѣнія, взбѣшеннымъ — до ярости отъ моихъ словъ. Ему еще не приходилось быть такъ безпощадно разоблаченнымъ.

Скоро узналъ я что наша бесѣда надѣлала великаго шуму. Въ его глазалъ я былъ человѣкъ погибшій. Церковь подвергалась величайшей опасности отъ священниковъ, проникнутыхъ такими гибельными понятіями каковы были мои. Онъ всячески старался возстановить противъ меня прочихъ нашихъ собратовъ. — Выходка моя, можетъ быть, была и безразсудна; но еслибъ я и не показалъ ему его настоящаго значенія, то все же имѣлъ бы въ немъ самаго непримиримаго врага себѣ: слишкомъ на противоположныхъ точкахъ стояли мы, чтобы когда нибудь могли сойтись съ нимъ въ цѣляхъ и стремленіяхъ, а при фанатической нетерпимости этого люда, не сойтись, и значило — вооружить его противъ себя.

Моя мать слышала нѣсколько обрывковъ изъ нашей пріятельской бесѣды. — Вечеромъ она мнѣ сказала:

— Сколько ты наживешь себѣ враговъ!.

— Будь что будетъ, отвѣчалъ я; но фарисеемъ и послѣдователемъ этихъ лицемѣровъ я никогда не буду.

Опасность для меня была очевидна.

Я не могъ ни сказать ни сдѣлать что либо, что не было бы противорѣчіемъ, по своему внутреннему значенію и по своимъ стремленіямъ, образу дѣйствій, поведенію и языку, вообще усвоеннымъ въ клерикальномъ мірѣ. Я не былъ, конечно, исключеніемъ между священниками. Правда, я зналъ близко еще одну только епархію — Клермонскую. Но если даже въ этой отсталой странѣ, среди нашихъ горъ, куда епископія ужъ никакъ не думала посылать своихъ лучшихъ людей, между моими сотоварищами ледяной возвышенности которую я называлъ своей Сибирью, можно было встрѣтить, и не особенно рѣдко, души прямыя и честныя которыя, инстинктивно, были за мои убѣжденія, за мой образъ дѣйствій, — то совершенно естественно я могъ заключить что далеко не мнѣ одному видимы вся нелѣпость и вся дичь этой системы, по которой управляются наши приходы; что значительная часть клира, особенно на нижнихъ ступеняхъ — гдѣ еще не такъ деспотически властвуетъ бѣсъ тщеславія какъ на высшихъ, думаетъ всущности подобно мнѣ. Мои убѣжденія касательно этого не выходили изъ границъ самой строгой логики.

Хоть я еще и не имѣлъ, въ первые года священства, той опытности какою, впослѣдствіи, надѣлили меня вынесенныя испытанія, тѣмъ не менѣе видѣлъ слишкомъ ясно что церковь вертится въ роковомъ кругѣ: не дотрогиваться ни до чего изъ своей набитой колеи, даже закрѣплять и расширять фарисейское богомольничанье безконечными нововведеніями, и въ тоже время желать обновить міръ вѣрой Христа Спасителя, — такое противорѣчивое притязаніе раздражало меня до послѣдней степени. Могло ли быть иначе?

Не въ моей природѣ было — примиряться съ ложью во-

обще; а ложь религіозная возмущала всю мою душу, сжимала сердце болью, — такой невыносимой что невольно вырывались изъ устъ слова нетерпѣнія и раздраженія. — Да, не станетъ никакихъ силъ выносить, когда видишь что безмысленно губятъ великое дѣло, — дѣло которое любишь и цѣнишь выше всего въ мірѣ, отъ котораго ждешь неисчислимыхъ благъ въ будущемъ: въ сердцѣ клокочетъ кровь, подъ черепомъ бушуетъ буря, а особенно, когда сердце отъ природы горячо и голова овернская.

Письма Фелиси нѣсколько успокоивали мои душевныя тревоги, но лишь на то время пока читались. Затѣмъ, первое же столкновеніе съ тѣмъ что творится въ дѣйствительности, и меня снова охватывало прежнее раздраженіе. Не будетъ лишнимъ привести здѣсь хоть одно ея письмо: оно покажетъ — о чемъ и какъ, главнѣе всего, велась между нами переписка. Нужно замѣтить что это было къ концу перваго періода царствованія Луи-Филиппа. Внѣшне было все спокойно; клиръ начиналъ оправляться отъ бывшихъ ужасовъ. Было легко предвидѣть что честолюбцы и пройдохи поладятъ съ благосклонностью этого новаго правленія и направятъ все дѣло къ своимъ личнымъ цѣлямъ; что этотъ прекрасный случай для французскаго клира, теперь свободнаго отъ всякой политической связи, начать новую эру, будетъ потерянъ.

Въ этомъ смыслѣ я писалъ къ Фелиси. Она мнѣ отвѣчала:

«Да, вы правы, это была минута, — добрая минута. Опытъ доказалъ на сколько гибельно для религіи примыкать къ политическому строю государства; послѣ этого опыта, внѣ всѣхъ сомнѣній необходимость новой системы, — всецѣлой независимости церкви. Нужно было вступить въ новую фазу указываемую самыми событіями, — возвратить христіанство къ его чистѣйшему началу — евангелію, въ ту минуту когда обновлялся соціальный порядокъ.

«Клиръ и Римъ въ его главѣ не хотѣли и не хотятъ понять ничего этого. Дѣло Лямнэ — лучшее доказательство тому. Эти добрые молодцы говорятъ и пишутъ точно какъ за шесть вѣковъ тому назадъ. — О, мой другъ, какое опять прет-

ковеніе!.. Глубоко страдаю я за церковь которую люблю и которая низвергается въ такую гибельную трущобу. По крайней мѣрѣ вы, — вы храните великую мысль о свободѣ и о будущемъ. Но что сдѣлаете, что въ силахъ сдѣлать вы съ нѣсколькими одиночными друзьями?

«Не могу смолчать, — я боюсь. Съ своимъ инстинктомъ женщины, я только того и жду что неосторожное слово, выходка раздраженія сгубятъ васъ. И не смотря на то станетъ-ли у меня духу — посовѣтовать вамъ сдѣлаться лицемѣромъ? — Нѣтъ, конечно, нѣтъ. Но вотъ что повторяю вамъ: будьте благоразумны; хоть и крѣпко сомнѣваюсь въ возможности благоразумія для человѣка съ вашими убѣжденіями, особенно съ вашимъ характеромъ неспособнымъ къ притворству.

«Осторожность, другъ нашъ; вся возможная осторожность— если уже не ради самаго себя, то ради спокойствія моей бѣдной больной. Горе, если ненависть опять возьярится противъ васъ!.. Что за жалкое положеніе, о мой Боже, положеніе несчастнаго священника нашего времени! Никакой опоры, никакой защиты, никакихъ признанныхъ правъ! Закрѣпощенный безусловно невольникъ, — и ничего больше.

«Здѣсь вашъ врагъ торжествуетъ всячески. Преславная Гупильяръ больше чѣмъ когда нибудь великая святая прихода Notre-Dame-du-Port. Распространяютъ таинственно молву что пр. Дѣва бесѣдуетъ съ нею. — Да! ни больше ни меньше — видѣнія, непосредственныя бесѣды съ небожителями! И пр. Дѣва приказала ей — подробно описать эти небесныя милости, и обо всемъ передать ея отцу духовному. — Съ наилучшей, значитъ, стороны знаетъ пр. Дѣва и его — отца духовнаго святой Гупильяръ, и главнаго викарія Клермонской епархіи.

«Не забудьте что́ я вамъ говорю. Если клиръ опять становится на эту почву, то сумасбродныя фанатички и наглыя девотки заведутъ его такъ далеко какъ онъ и не помышляетъ. Въ наше положительное время, когда логика здраваго смысла вступаетъ наконецъ во всѣ свои права, религіозная востор-

женность, даже и безъ преступныхъ стремленій — морочить ею легковѣрныхъ, не можетъ уже быть терпима. Что же до этихъ погибельныхъ собесѣдницъ съ небожителями которыхъ, изъ за корыстныхъ разсчетовъ или изъ за какихъ нибудь черезъ—чуръ темныхъ побужденій, поддерживаютъ ихъ духовные руководители, то онѣ добьются лишь того что сгубятъ и послѣднія искры вѣрованія, тамъ и здѣсь, еще не угасшія. — Мужчину всего нужнѣе привлечь къ вѣрованію. А развѣ это возможно съ религіей которая вся разсчитана на женское легковѣріе? Дѣйствовать безсмысленнѣе этого, очевидно, невозможно.

«Даже безъ этого грубаго мороченья, достаточно фарисейства духовныхъ руководителей, чтобы окончательно возбудить отвращеніе къ религіи которая можетъ допускать такія вещи. — Напускное благочестіе этихъ почтенныхъ прелатовъ которые корчатъ изъ себя постниковъ и подвижниковъ, маскируются въ кротость и незлобіе, рисуются на землѣ ангелами безплотными, можетъ увлекать лишь женщину не совсѣмъ крѣпкую въ логикѣ здраваго смысла, чѣмъ особенно отличается женщина нашего высшаго свѣта. А что, кромѣ самаго неодолимаго отвращенія можетъ возбуждать оно въ тѣхъ которые, за маской, видятъ человѣка — съ ненасытнымъ честолюбіемъ, съ стремленіями давить и душить все что только попадетъ подъ его безпощадную ферулу, ни во что ставящаго правду, совѣсть, законъ, евангеліе при дикомъ разгулѣ своего произвола? — Отвращеніе же къ дѣятелямъ развѣ не переносится всегда на самое дѣло?

«Если всѣ эти столпы и оплоты католицизма продолжатъ упорствовать въ своей несчастной системѣ, то снова подготовятъ такія религіозныя потрясенія передъ которыми поблѣднѣютъ уже совершившіяся.

«Что до васъ, то еще разъ повторяю — будьте осторожны и благоразумны. У главнаго викарія вездѣ шпіоны. Не забывайте — что наши епископскія управленія сквозь пальцы смо-

трятъ на самыя соблазнительныя дѣянія священниковъ; но не прощаютъ имъ правды слова и дѣла».

Фелиси не ошибалась. Именно, къ концу царствованія Луи-Филиппа должно отнести понятное движеніе совершившееся въ церкви. — Всѣ условія слагались было какъ нельзя благопріятнѣе, чтобы начать новый порядокъ. Клиръ предпочелъ ринуться на старую колею. Это значило — стать прямо на перекоръ тому движенію которое неодолимо охватило тогда все общество. Выросшее человѣчество требовало религіи — свѣта, разума и свободы, той самой религіи которую Христосъ принесъ на землю, — во всей ея евангельской правдѣ и чистотѣ; а его снова вздумали запеленать въ путы фарисейства.

Впродолженіи долгаго времени я наблюдалъ эту паутинную работу. Съ какимъ терпѣніемъ усиливались возстановить средневѣковую хризалиду, чтобы втиснуть въ нее обновленное общественными потрясеніями человѣчество!..

Отъ этого то и болѣла, невыносимо болѣла моя душа за все мое священническое служеніе. Припоминаю теперь какимъ негодованіемъ кипѣлъ я всякій разъ какъ особенно рѣзкія черты современныхъ событій обнаруживали недальновидность священства, и гибельный путь на который увлекали его одержимые бѣсомъ тщеславія и преслѣдовавшіе лишь однѣ эгоистическія цѣли.

Въ ходѣ религіозныхъ учрежденій, точно такъ какъ въ жизни недѣлимыхъ и обществъ, бываютъ минуты въ которыя, отъ одного роковаго поворота, зависитъ вся будущая судьба тѣхъ и другихъ. Мнѣ пришлось быть очевидцемъ этой горькой минуты. Я видѣлъ какъ католицизмъ еще разъ повернулся къ мистическимъ бреднямъ прошлаго; и долженъ былъ сказать, какъ сказали всѣ искренно преданные дѣлу христову на землѣ: зло совершилось, прекрасное дѣло загублено можетъ быть на цѣлые вѣка.

Требованіе отъ Бертомье благоразумія было требованіемъ невыполнимымъ. Ему неизбѣжно предстояло одно изъ двухъ: или, пожертвовавъ всѣми своими убѣжденіями, безусловно примкнуть къ большинству своихъ собратовъ, или стать въ открытую борьбу съ ними, потому что основное правило этого большинства: «кто не за насъ тотъ противъ насъ». Какое-жь человѣческое благоразуміе смогло бы примирить эти непримиримыя вещи? — Даже благоразуміе молчанія не было для него возможнымъ. Бывали случаи когда ему, волей — неволей, приходилось высказывать свой взглядъ на нѣкоторыя, черезъчуръ рѣзкія, проявленія мистическаго шарлатанства. Вотъ одинъ изъ такихъ случаевъ.

Еще до его прибытія въ Пичеранду, только и рѣчей было во всей окрестности что объ одной святой чудотворицѣ, которою обладалъ сосѣдній съ Пичерандой приходъ. То была осмнадцатилѣтняя дѣва, удостоившаяся носить на тѣлѣ своемъ, на боку и на ногахъ, язвы Господа Іисуса, и удостоенная видѣній и откровеній. Провозвѣстниками такого чуда были — мѣстный священникъ и мѣстныя девотки.

По ихъ розказнямъ, чудеса были несомнѣнны. Язвы, каждую пятницу, точили по нѣскольку капель крови. Христосъ Іисусъ являлся ей не рѣдко-то одинъ, то съ пресвятой Дѣвою, которая дала этой дѣвѣ власть — изцѣлять болѣзни и вѣдать помышленія человѣческія; а кромѣ того надѣляла ее кусками сахару. — Во время молитвенныхъ восторженій она поднималась отъ земли, и однажды вознеслась на колокольню, гдѣ такъ перепутали ее небесныя силы веревками колокола что человѣческія силы едва могла выпутать. Разъ пробыла десять минутъ въ аду, гдѣ вытерпѣла всѣ мученія адскія, а вслѣдъ затѣмъ Іисусъ показалъ два вѣнца — уже совсѣмъ готовые — ей и ея духовному отцу. — Но гдѣ святость тамъ, какъ извѣстно, безъ чертей не обходится. Являлись и святой дѣвѣ эти адскіе выходцы подъ всевозможными образами: то съ оглушающимъ шумомъ врывались въ ея запертую комнату, а то, въ иную ночь, задавали ей такую порку что на слѣдую-

щее утро она подняться съ постели не могла. Послѣднюю штуку адскіе выходцы сочиняли за тѣмъ чтобы она не въ состояніи была идти въ церковь и причащаться; а безъ этой освѣжающей операціи она причащалась каждый день.

Народъ вѣрилъ что это дѣйствительно святая, — одна изъ тѣхъ облагодатствованныхъ душъ чрезъ которыя Богъ изливаетъ свои чудные дары, и массами стекался на поклоненіе ей. Трудно-ли увѣрить невѣжественную массу народа въ какой угодно нелѣпости, если она идетъ во имя Бога и распространяется священникомъ? — А отецъ духовный этой чудотворицы уже описалъ и росписалъ ея жизнь, не безъ надежды что и ее со временемъ канонизуютъ, какъ канонизовали уже не одну изъ таковыхъ.

Слава святой была уже упрочена, когда Бертомье поступилъ въ свой приходъ. И вотъ, однажды, пришлось ему быть у ея отца духовнаго, который не замедлилъ похвастать передъ нимъ своей диковинкой. Бертомье сначала отмалчивался; но когда хозяинъ рѣзко упрекнулъ его въ невѣріи,—а при этомъ было и еще нѣсколько священниковъ, тогда онъ прямо отвѣчалъ что считаетъ преступленіемъ вѣрить въ такія кощунственныя нелѣпости. Завязался жаркій споръ. Въ свою очередь отцу духовному чудотворицы пришлось замолчать, потому что мистическое шарлатанство было разоблачено вполнѣ. — Не трудно угадать — остался ли онъ доволенъ этимъ разоблаченіемъ.

Онъ впрочемъ взялъ слово съ Бертомье — не разглашать о бывшемъ состязаніи, обязавшись въ свою очередь положить конецъ кощунственному мороченью легковѣрнаго народа. Но пересилилъ корыстные разсчеты, — сходившіеся на поклоненіе чудотворицѣ, по ея требованію, служили неисчислимое число мессъ, т. е. доставляли изрядный доходъ священнику,— былъ ли онъ въ какихъ особенныхъ отношеніяхъ къ ней и потому, помимо собственной воли, дѣйствовалъ заедино съ нею, — мороченье не только не прекращалось, но принимало все большіе размѣры. Дошло до того — что и населеніе Пи-

черанды начало направляться туда же — на поклоненіе чудотворицѣ. Тутъ Бертомье счелъ уже своей прямой обязанностью — возстать противъ такихъ кощунственныхъ дѣяній; и употребилъ одно изъ сильнѣйшихъ орудій на подобные случаи — насмѣшку: онъ смѣялся надъ мужскимъ населеніемъ своего прихода, что оно дало себя обморочить штуками на какія и маленькія дѣвчонки не сейчасъ кинутся. Цѣль была достигнута: ударъ былъ нанесенъ чудотворицѣ. Насмѣшка изъ Пичеранды разлетѣлась по окрестности, и легковѣрный народъ пересталъ путешествовать къ ней на поклоненіе.

Но соблазнъ вышелъ крупный. — Возьярившійся духовникъ чудотворицы не замедлилъ донести куда слѣдуетъ о Бертомье какъ объ ни во что невѣрующемъ возмутителѣ народа. Какже взглянули тамъ на все это дѣло? — Какъ и всегда смотрятъ на такія дѣла фарисействующія епископіи. Тамъ виноватыми оказываются — не творцы соблазновъ, не развратители цѣлыхъ мѣстностей, — всѣ таковые любвеобильно прикрываются епископскими мантіями; а дерзнувшіе сказать слово правды о кощунственныхъ и развращающихъ дѣяніяхъ: «они де совершаютъ хамово преступленіе». И Бертомье былъ зачисленъ въ разрядъ такихъ преступниковъ.

Соблазнъ повершился тѣмъ что святую чудотворицу, въ одно прекрасное утро, отвезли въ Клермонъ, гдѣ и помѣстили въ заведеніи спеціально предназначенномъ для имѣющихъ быть матерями. Общій говоръ прямо называлъ ея духовника авторомъ этой новой ея штуки. — Но епископскія управленія благоразумно не слышатъ такихъ говоровъ, — должно быть и ихъ шпіоны на это ухо глухи. — Отсюда, за весь этотъ соблазнъ пришлось поплатиться Бертомье.

А кстати подошелъ и другой случай.

Никуда, изъ цѣлой Франціи, не сходятся такія массы народа на богомолье какъ къ Notre-Dame de Vassiviere. Васивьеръ — обширное предгорье Мон-Дора съ его южной основы. Предгорье окружаютъ два ручья, изъ которыхъ одинъ образуетъ рѣку Кузу, а другой Клямузу. Мѣстность — одна

изъ великолѣпнѣйшихъ во Франціи. — Въ самомъ центрѣ пред горья возвышается громадная капелла въ которой, въ извѣстное время, и стоитъ статуя пр. Дѣвы, носящая названіе — Notre-Dame de Vassiviere.

Статуя рѣзная изъ дерева, византійской работы. Пр. Дѣва держитъ младенца Іисуса не на лѣвой рукѣ, какъ обыкновенно, а передъ собою. Она облачена великолѣпной одеждой, которая падаетъ съ головы въ видѣ покрывала и закрываетъ ее всю. На обѣихъ головахъ богатые царственные вѣнцы. Огромное сердце изъ золоченнаго серебра, кругомъ котораго расходятся лучами девять сердецъ меньшихъ размѣровъ, находится подъ самымъ младенцемъ. Само собою разумѣется что статуя произведеніе св. Луки, хоть все доказываетъ что она никакъ не древнѣе двѣнадцатаго вѣка.

Легенды прошлыхъ вѣковъ приписываютъ этой статуѣ «неисчерпаемое чудесъ море», изъ описанія которыхъ, съ достаточнымъ прибавленіемъ риторики тѣхъ же вѣковъ, составилась довольно объемистая книга.

Когда народъ прозналъ объ явленіи статуи, — такъ повѣствуется въ книгѣ, тогда массами началъ стекаться на поклоненіе къ ней. И не мало прошло времени такимъ образомъ. — Наконецъ священники Андреевской церкви, въ ближайшемъ городѣ Бессѣ, — а ихъ было ни много ни мало — шестьдесятъ, догадались что совсѣмъ неприлично статуѣ пр. Дѣвы стоять въ пустомъ мѣстѣ, и возрезновали перенести ее въ свою церковь. Устроили великолѣпнѣйшую процессію, и перенесли. Но статуя въ слѣдующую же ночь ушла на старое мѣсто. Трижды повторялась эта исторія. Что оставалось дѣлать? Очевидно, уступить. Но и жители Бессы, въ качествѣ овернцевъ, были упрямы. И придумали они сдѣлку: сдѣлали обѣтъ — на мѣстѣ явленія статуи выстроить капеллу и снабжать ее достаточнымъ количествомъ свѣчей, но съ тѣмъ чтобы и она стояла нѣсколько мѣсяцевъ въ сказанной церкви, уже не уходя по ночамъ. — Сдѣлка удалась какъ нельзя лучше. — Втораго іюля изъ Бессы статую переносятъ въ Вассивьерскую

капеллу, гдѣ пребываетъ она до 21 сентября, затѣмъ статую возвращаютъ въ Бессу, гдѣ стоитъ она все прочее время года.

Оба эти перенесенія, особенно первое, сопровождаются величайшею торжественностью, привлекающей огромныя массы поклонниковъ даже изъ отдаленныхъ мѣстностей. Въ процессіяхъ участвуютъ всѣ окрестные священники для которыхъ, взаключеніе торжества, старшій священникъ Бессы обыкновенно устраиваетъ роскошное пиршество.

Пришлось и Бертомье быть участникомъ въ процессіи и въ пиршествѣ. — Въ самомъ началѣ обѣда возгорѣлся между пирующими споръ о чудотворныхъ иконахъ, чудесахъ и т. п.; Бертомье не удержался отъ рѣзкихъ противорѣчій своимъ собратамъ...

Жаркое состязаніе окончилось очень комично. Одинъ изъ священниковъ, толстѣйшій овернецъ, хватилъ кулакомъ по столу такъ что все запрыгало на немъ, и покрылъ своимъ могучимъ голосомъ трескотню спорящихся.

— Да ну васъ! до смерти надоѣли, — слышите? съ вашими чудесами. Мы здѣсь затѣмъ чтобы пить, а не затѣмъ чтобы ученые споры разводить. Очень пріятно, думаете, слушать всю эту белиберу хозяину который угощаетъ насъ такимъ славнымъ виномъ?— Хватимъ, чортъ возми, хватимъ! Чокнемся!

За здоровье нашего добраго хозяина. За ваше здоровье, г. священникъ, — эй, пичерандскій священникъ, замолчи ты!.

И все смолкло предъ бурнымъ гласомъ. И дружно всѣ хватили по его велѣнію, и много разъ повторили туже операцію.

— Теперь, сказалъ взаключеніе обѣда толстякъ, хватимъ въ честь доброй святой Дѣвы. Очень нужно намъ знать, что тамъ правда и что ложь, — во всѣхъ этихъ чудесахъ!... Велика важность! — А вотъ, — не будь Васивьерской Нотр-Дамы, мы не угощались бы такъ на славу, — вотъ въ чемъ вся важность! Ну, хватимъ! Vive Notre-Dame de Vassiviere!.

Пичерандскій священникъ, не сердись! Ну, чокнемся.

И крѣпко хватили всѣ въ послѣдній разъ въ честь Нотр-Дамы, благодаря которой обильно лилось доброе вино.

А доносъ въ епископію о соблазнительномъ вольнодумствѣ ничерандскаго священника не замедлилъ послѣдовать.

Наступала зима. Я уже дѣлалъ свои приготовленія къ встрѣчѣ суровой гостьи. Дровъ въ пресбитеріи было запасено съ избыткомъ; между прочимъ изъ Клермона, отъ Лязера, мнѣ былъ доставленъ достаточный запасъ добраго лиманскаго вина и лекарствъ. Настоящимъ врачемъ, понятно, я не могъ да не имѣлъ и права быть. Но, при немногосложности и простотѣ народныхъ болѣзней, оказывать дѣятельную помощь больнымъ всегда возможно, что я и рѣшился дѣлать при всякомъ удобномъ случаѣ.

Предубѣжденіе народа, вообще, противъ врачей и лекарствъ извѣстно. Если кто и рѣшается прибѣгнуть къ медицинской помощи, то, всегда почти, въ такой послѣдней крайности, когда никакая человѣческая помощь невозможна. Отсюда безуспѣшность рѣдкихъ обращеній къ ней; а отъ безуспѣшности — невѣріе до отвращенія ко всему что только зовется медициной. Но священникъ въ иныхъ условіяхъ. Онъ не только можетъ знать обо всякой начинающейся болѣзни, но и слѣдить за ея постепеннымъ развитіемъ. Отъ этого, совѣтъ, наблюденіе, простѣйшія средства, — лишь все во время, — и исходъ болѣзни, въ большей части случаевъ, бываетъ благополучный. Это народъ хорошо понимаетъ, и высоко цѣнитъ того священника который входитъ въ положеніе своихъ больныхъ, оказывая имъ возможную помощь или давая разумный совѣтъ. Съ отвращеніемъ относясь къ медицинѣ — въ ея собственномъ значеніи, тѣмъ не менѣе съ безусловнымъ довѣріемъ беретъ лекарство изъ рукъ священника, и рѣдко не соблюдетъ во всей точности данныхъ при томъ совѣтовъ: а довѣріе и точность выполненія — не лучшія ли врачующія силы при самыхъ ничтожныхъ, повидимому, средствахъ?

Но, помимо лекарствъ, я всячески, даже съ церковной ка-

ѳедры, старался знакомить своихъ прихожанъ съ понятіями о практической гигіенѣ, объясняя, вмѣстѣ съ тѣмъ, неисчислимый вредъ врачеваній основанныхъ на самомъ дикомъ суевѣріи, къ которымъ въ народной средѣ прибѣгаютъ въ особенно важныхъ случаяхъ болѣзней. И не гибли безплодно мои старанія: по моимъ убѣжденіямъ и настояніямъ въ Пичерандѣ многое уже начинало дѣлаться въ предупрежденіе смертности такъ нерѣдко опустошающей наши горныя селенія; отъ многихъ вредныхъ привычекъ, порождавшихъ неизцѣльныя болѣзни, начинали отставать мои прихожане.

Вообще, наши взаимныя отношенія съ каждымъ днемъ дѣлались лучше и лучше. Все больше скрѣплялась между нами та связь любви которая, изъ пастыря съ пасомыми, дѣлаетъ единое и нераздѣльное.—Не льстивая фраза, а нѣчто глубоко прочувствованное слышалось въ этомъ, чаще и чаще повторяемомъ, сокрушеніи моихъ прихожанъ: «нѣтъ, не заживется долго у насъ нашъ священникъ; ему дадутъ лучшій приходъ».— Не жалѣютъ и не сокрушаются о томъ кого не любятъ.

Но меня это сокрушеніе волновало и крѣпко разстроивало. Въ твердомъ убѣжденіи что никакого лучшаго прихода для меня не приготовлено, что самое счастливое — если меня совсѣмъ забудутъ, по той простой причинѣ что спустить меня ниже въ іерархіи было уже невозможно, я боялся чтобы сокрушеніе добрыхъ людей не было для меня предвѣстникомъ новыхъ и большихъ бѣдъ, чѣмъ какія уже были перенесены.

Въ послѣднихъ числахъ сентября я позвалъ къ себѣ пообѣдать тѣхъ изъ своихъ собратій—сосѣдей, убѣжденія которыхъ мнѣ были извѣстны вполнѣ, и которые по многимъ вопросамъ всецѣло раздѣляли мои мысли.

Мы болтали долго—съ безусловной откровенностью; и тутъ то, больше чѣмъ когда либо прежде, я убѣдился что въ средѣ сельскихъ священниковъ не мало можетъ найтись искреннечестныхъ, самоотверженно-благородныхъ личностей. Подъ грубой оболочкой, — непрестанное соприкосновеніе съ крестьянскимъ людомъ не особенно содѣйствуетъ свѣтской полировкѣ,

которую такъ любятъ видѣть въ священникѣ, можно встрѣтить, и некакъ черезъ чуръ рѣдкое исключеніе, такую любящую душу, такое горячее на добро сердце, какія едва ли встрѣчаются подъ шелками и бархатами заправляющихъ ихъ судьбами. Эти священники хорошо понимаютъ—какъ глубоки язвы разъѣдающія церковь. Пламенно желаютъ они ея уврачеванія; и незадумались бы, ради этаго, принести въ жертву всѣ свои силы, самую жизнь, какъ все въ жертву приносили ихъ предшественники въ то самое время когда епископы, бѣжавшіе отъ революціонныхъ погромовъ, заботились лишь о сохраненіи своихъ, беззаконно нажитыхъ, богатствъ.

Нужно видѣть какъ эти священники, во всей простотѣ здраваго смысла, судятъ объ узаконенномъ деспотизмѣ которымъ задавленъ и затоптанъ священникъ; съ какимъ нетерпѣніемъ ждутъ они того времени, когда будутъ даны хоть какія нибудь ручательства независимости этого несчастнаго плота, который зовется сельскимъ пастыремъ.

Мы едиными усты и единымъ сердцемъ, «inter pocula», клеймили девотизмъ который растлѣваетъ небольшой остатокъ христіанскихъ душъ, еще сохранившихъ свое вѣрованіе; формализмъ который задушаетъ все живое и жизненное евангелія; фарисейство которое преобладаетъ теперь въ церкви и подготовлятъ ей всецѣлое распаденіе, съ новыми потрясеніями всего общества имѣвшаго несчастіе еще разъ допустить ее въ свою среду.

Въ Бессѣ, послѣ Вассивьерскаго праздника, пили въ честь «доброй Нотр-Дамы». У меня пили за борьбу — до крови съ лицемѣріемъ; за войну — на смерть съ фарисействомъ. Тамъ, мы были-клиръ официальный, здѣсь были-братья-друзья:- «тожде хотѣти и тожде дѣяти», этимъ заключилась дружеская бесѣда.

Доселѣ съ невыразимой отрадой вспоминаю я этихъ безвѣстныхъ друзей которые, подобно мнѣ, были задавлены невыносимымъ ярмомъ безпощаднаго деспотизма. Но считаю необходимымъ сказать что, какъ ни глубоко возмущались мы своимъ безвыходнымъ рабствомъ, какъ ни кляли систему уг-

нетенія, узаконенную въ новѣйшее время ради священника, какъ ради раба въ древнія времена, котораго слѣдовало держать постоянно подъ пятой чтобы онъ нечаянно не возсталъ по призыву какого либо Спартака, — съ нашего языка не сорвалось ни одного желчнаго слова противъ лицъ достойныхъ. Мы заявили ненависть къ тому что всегда и для всякаго честнаго человѣка ненавистно, — къ безграничному честолюбію, къ ничѣмъ неудовлетворяющемуся эгоизму, къ презрѣнному человѣкоугодничеству, къ системѣ шпіонства, — ко всей этой грязи которая сдѣлала изъ клира «притчу во языцѣхъ». Но въ тоже время умѣли воздать должное тѣмъ изъ нашихъ іерарховъ которые сохранили себя чистыми отъ этой грязи, и не стали въ разрядъ честолюбцевъ, въ жертву своихъ необузданныхъ страстей принесшихъ и собственную совѣсть, и евангеліе и дѣло Христа на землѣ. О своемъ, напр., старцѣ-епископѣ мы не иначе говорили какъ съ самымъ глубокимъ и искреннимъ почтеніемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и съ состраданіемъ. Нельзя было не скорбѣть что онъ попалъ подъ ярмо Дюмойеня, который былъ такимъ же тираномъ для него какъ и для насъ.

Вечеромъ того самаго дня въ который мы, безъ опасенія шпіоновъ, такъ искренно — дружески дѣлили свои скорби и сѣтованія,—единственное утѣшеніе для задавленныхъ деспотизмомъ, нарочный доставилъ мнѣ толстый пакетъ за огромной печатью Клермонской епископіи.

Дрогнуло сердце у меня. Не скоро рѣшился я сломить печать; внутренній голосъ говорилъ мнѣ:

— Кончено; ты погибъ!..

О, несчастный священникъ! мало еще для тебя всѣхъ другихъ скорбей,—твоего одиночества, твоей бѣдности, терній не разлучныхъ съ твоимъ служеніемъ,—нужно чтобы даже эта жалкая пресбитерія не была твоею! Нужно чтобы всѣ были свободны и чтобы ты — единственно, въ этой цивилизованной Европѣ,—ты не былъ свободенъ, и чтобы необузданный произволъ, дикая месть, фарисейская злоба исторгали тебя, въ минуту когда всего меньше ты ожидалъ того, изъ этого ни-

щенскаго убѣжища которое ты кое-какъ уладилъ для себя,— уладилъ своимъ собственнымъ потомъ, послѣдними крохами своими!.. У всякаго гражданина цивилизованной Европы есть право; послѣдній пролетарій не лишенъ покровительства законовъ, не карается безъ суда, — у тебя одного, служитель Христа, нѣтъ ничего подобнаго: ты весь, съ тѣломъ и душой, подъ необузданнымъ произволомъ деспотовъ съ которыми и восточные деспоты не всегда сравняются!.. Жалкій и несчастный священникъ!...

— Въ какой же другой уголъ епархіи зашлютъ меня теперь?—

Пичеранда, въ эту минуту, представилась мнѣ лучшимъ мѣстомъ въ вселенной, пресбитерія моя—дворцомъ. Очевидно, меня хотятъ еще принизить.

Я ошибался; обольщалъ себя. Прочитанное мною было слѣдующее.

«Г. Бертомье, вслѣдствіе различныхъ жалобъ дошедшихъ до его преосвященства, епископскій совѣтъ опредѣлилъ—вручить вамъ «exeat».

«Ваши обязанности прекращаются со дня полученія этого предписанія. Преемникъ вашъ назначенъ. Пресбитерія Пичеранды должна быть очищена къ этой же пятницѣ, въ которую вы и имѣете сдать ее вашему преемнику.

«Возвратитесь въ Клермонъ; вашъ «exeat» [1]) въ секретаріатъ.

«Его преосвященство, по своему неизреченному милосердію, готовъ рекомендовать васъ одному изъ своихъ преосвященнѣйшихъ сотоварищей.

«Съ искреннѣйшимъ сожалѣніемъ объявляю вамъ эту неот-

---

[1]) *Exeat-да из-идетъ вонъ*!,—слово въ слово. Это—актъ, которымъ священникъ изгоняется изъ данной епархіи. При этомъ онъ не лишается ни права священнодѣйствовать, ни права—занять священническое мѣсто въ другой епархіи, *если* найдется епископъ согласный принять его въ свою епархію. Но какъ, въ большинствѣ случаевъ, изгнанныхъ изъ одной епархіи въ другихъ не принимаютъ, то exeat для нихъ равносильно «извержѣнію».

радную новость. Ничего такого не было бы, если бы вы умѣли сдерживать свой языкъ, по отношенію къ тѣмъ которые повыше васъ.

«Вашъ слуга, Дюмойень, гл. вик.»

— Отлично! «In cauda venenum» (въ хвостѣ-ядъ). Святая Гупильяръ расплатилась наконецъ начисто и съ крупными процентами, о чемъ и напоминается.

Страшно было объявить эту новость матери; но она оказалась мужественнѣе чѣмъ я могъ ожидать,

— Должно преклониться, мой сынъ! Благословимъ Провидѣніе и не будемъ раздражаться.

Такая кроткая преданность Провидѣнію смирила бурю моего негодованія. Было бы непростительно мнѣ — оказаться слабѣе своей матери. Я проглотилъ позоръ своего изгнанія; задавилъ въ себѣ душившія меня слезы и началъ готовиться къ отъѣзду.

Мы оставили немедленно Пичеранду, и съ своимъ убогимъ скарбомъ направились по той же дорогѣ, которую разъ уже проѣзжали, и на которой чуть не погибли оба мы съ матерью.

Невыносимо больно было мнѣ — еще разъ, и въ послѣдній, оглянуться на свой приходъ — бѣдный, жалкій, считавшійся мѣстомъ ссылки, но сдѣлавшійся для меня дорогимъ за любовь и преданность ко мнѣ прихожанъ. И еще больнѣе было думать что сгибнутъ безплодно тѣ сѣмяна добра которыя удалось мнѣ посѣять тамъ.—Но развѣ разумѣютъ наши епископіи что либо таковое?—Была бы месть удовлетворена, деспотизмъ торжествовалъ бы, — а тамъ сгибни все, хоть даже евангеліе съ лица земли: что имъ до того?—

Добрались мы до Клермона.

Опредѣленіе моего изгнанія, подъ именемъ «exeat» уже ожидало меня въ секретаріатѣ. Г. секретарь вручилъ мнѣ его также равнодушно, какъ выдаетъ онъ и всякую другую бумагу епархіальнаго управленія, разрѣшеніе, напр., брачныхъ оглашеній и т. п. На его лицѣ цвѣли довольство и безмятежное спокойствіе. Воздухъ епископій порождаетъ такіе феномены.

На священника тутъ смотрятъ просто какъ на кусокъ мяса который, по произволу, можно перебросить направо, налѣво, или совсѣмъ выбросить. Хвалебный отзывъ аристократки — ханжи, роскошный обѣдъ въ приходскомъ домѣ устроенный для его преосвященства при обозрѣніи имъ епархіи, встрѣча его національной гвардіей улаженная священникомъ, — и быстро возвышается священникъ, каковъ бы тамъ ни былъ онъ въ сущности. Нелѣпѣйшій доносъ, подспудная клевета, взрывъ мести, даже капризъ минуты, — и священникъ клеймится позорнымъ изгнаніемъ изъ лучшаго прихода въ худшій, или даже совсѣмъ изъ епархіи. И такъ какъ тутъ право жизни и смерти надъ этимъ отверженнымъ пролетаріатомъ, то исполнители этихъ высоко—христіанскихъ дѣяній и на секунду не теряютъ своего безмятежнаго спокойствія, вручая, напр., актъ изгнанія: сгубить священника или прихлопнуть комара — для нихъ совершенно все равно. Какъ и всегда, — они пойдутъ со всѣмъ благочестіемъ молиться предъ алтаремъ, очень назидательно поговорятъ о любви къ благому Іисусу; затѣмъ, съ чувствомъ и толкомъ насладятся роскошнымъ завтракомъ,— и не потревожитъ ихъ во всемъ этомъ даже мимолетная мысль о тѣхъ страданіяхъ, о томъ отчаяніи, въ которыя только что ввергли они безвѣстнаго воина церкви, беззаконно лишивъ его прихода, значитъ и всѣхъ средствъ существованія.

Что дѣлать? — система!.. Общее беззаконіе, когда оно творится представителями Бога на землѣ, считается уже чѣмъ то въ родѣ правды.

Нужно было идти къ слабому епископу за обѣщаннымъ письмомъ которымъ онъ, по своему неизреченному милосердію, хотѣлъ подать мнѣ милостыню. Принялъ онъ меня ласково и добродушно, какъ и всегда прежде. Видно было что онъ сознавалъ несправедливость, которую заставилъ его сдѣлать главный викарій, и дѣйствительно жалѣлъ меня.

— Вы были часто неблагоразумны, сказалъ онъ мнѣ, и это, въ духовномъ судилищѣ, вмѣнили вамъ въ преступленіе. Наше управленіе судитъ лишь по фактамъ, о которыхъ ему

доносятъ, и которые оно не всегда вѣрно можетъ обслѣдовать. Совѣтъ, полагаю я, поступилъ съ вами черезъ чуръ строго. Не сѣтуй на меня въ этомъ, сынъ мой. Не всегда я всостояніи бороться. Мнѣ уже говорили: управляй одинъ своей епархіей; — а это выше моихъ силъ. Многому я долженъ подчиняться противъ своей воли, противъ своихъ желаній. И теперь истинно скорблю о той мѣрѣ какою поразили васъ.

Но я могу смягчить ударъ. Одинъ изъ моихъ достойнѣйшихъ друзей которому я оказалъ нѣсколько услугъ, и который не откажетъ моей просьбѣ, недавно назначенъ епископомъ въ Ренн. Это страна вѣрующая, какъ и наша Овернь. Я васъ рекомендую ему. Онъ приметъ васъ, въ этомъ я не сомнѣваюсь, въ свою прекрасную епархію.

А самое важное и главное для васъ,—тамъ не предстоитъ вамъ борьбы съ предубѣжденіемъ и враждой. Буду съ вами искрененъ до конца. Въ нашей епархіи вамъ пришлось бы долго страдать... Тамъ, на новомъ мѣстѣ, съ новыми людьми, при небольшой осторожности съ вашей стороны, ваша жизнь потечетъ мирно. Прощай, мой сынъ, будь счастливъ и прости меня.

Съ сердцемъ переполненнымъ вышелъ я изъ этого епископскаго дома въ который не суждено было вступить мнѣ еще разъ.

Письмо епископа не было запечатано: достойный старецъ и этимъ хотѣлъ выразить отеческое расположеніе ко мнѣ. Вотъ что содержалось въ немъ:

«Нужно мнѣ исправить то что я считаю ошибкой управленія или крайней строгостью къ одному изъ моихъ священниковъ. Вы знаете что бываютъ столкновенія въ каждой епископіи. Я долженъ былъ уступить изъ любви къ миру. Но моя совѣсть воспрещаетъ мнѣ сдѣлать при этомъ жертву. Поэтому обращаю къ вамъ аббата Бертомье, подателя настоящаго письма. Это— священникъ неукоризненной нравственности. Будьте добры, дайте ему небольшое удобное мѣсто въ вашей епархіи. Вы позволите разсчитывать мнѣ на то — что вамъ угодно было на-

зывать своей признательностью. Подвергаю ее теперь испытанію, въ совершенной увѣренности что не напрасно обращаюсь къ вашей дружбѣ.

«Бертомье представитъ exeat,— какъ слѣдуетъ».

Распространяться о томъ — на сколько тяжело мнѣ было оставить родину и друзей, и пуститься въ новую, чуждую мнѣ среду, нѣтъ нужды; поймете это—кто бывалъ въ моемъ положеніи. Моя мать рѣшилась дѣлить со мной скорби изгнанія; но отецъ, котораго крѣпко поразила постигшая меня бѣда, захотѣлъ остаться на своемъ мѣстѣ пока служатъ ему силы.

Епископъ Ренньскій принялъ меня сначала очень вѣжливо, какъ вообще принимаютъ людей незнакомыхъ. Но, при чтеніи самыхъ первыхъ строкъ письма своего Клермонскаго сотоварища, онъ нахмурился; а кончивъ, почти бросилъ его на свой кабинетный столъ.

— Вѣдь вотъ, не подумалъ же онъ, этотъ добрый преосвященный! Мы здѣсь въ странѣ священниковъ; производимъ ихъ выше потребности... Нѣтъ, мнѣ не возможно... Мой Боже! въ какомъ я затрудненіи!. И сдѣлать то угодное этому почтенному епископу хотѣлось бы.

Постоявъ и подумавъ, онъ посмотрѣлъ на меня.

— Такъ какъ касательно вашей нравственности нѣтъ ничего, то вѣроятно это какое нибудь столкновеніе по дѣламъ управленія?

— Отнюдь нѣтъ, ваше преосвященство.

— Такъ на чтоже намекаетъ вашъ епископъ?

— Скажу вамъ откровенно, ваше преосвященство,— я имѣлъ личнаго врага въ главномъ викаріи, управляющемъ дѣлами.

— Тѣмъ хуже! всегда должно быть покорнымъ. Признакъ не очень добрый. Еще постоялъ и подумалъ. Перелистовалъ нѣсколько бумагъ и посмотрѣлъ на карту епархіи.

Я также стоялъ. Онъ не сказалъ мнѣ: садитесь.

— Да, не подумалъ, почтенный епископъ. Безъ сомнѣнія,

я признателенъ ему; но я администраторъ—прежде всего.— Столько другихъ епархій въ которыхъ недостатокъ въ священникахъ. Вы не знаете кого нибудь въ какомъ ли другомъ мѣстѣ, кто бъ могъ оказать вамъ покровительство?

— Никого не знаю, ваше преосвященство.

— Вы понимаете мое затрудненіе...

Это была минута кризиса. Я уже считалъ себя совсѣмъ погибшимъ. Куда кинуться, если откажутъ въ Реннѣ?

— Н-ну! дѣлать нечего, я васъ помѣщу. Не могу отказать старому другу.—Единственное свободное мѣсто которымъ могу располагать теперь — Сервонъ. Отлично: приходъ хорошій, пресбитерія удобная. Черезъ часъ будьте въ секретаріатѣ; тамъ найдете свое назначеніе. Шатожиронскій священникъ, вашъ деканъ, въ воскресенье введетъ васъ въ должность. Я сейчасъ напишу ему. Прощайте, г. священникъ. Старайтесь дѣлать добро.

Епископъ Бувилль, котораго благочестивыя души Ренна величали—monseigneur de Bouville, былъ, какъ и большая часть всѣхъ насъ въ клирѣ, сынъ крестьянина. Онъ родился между Нормандіей и Бретанью. Отсюда въ немъ бретонская живость соединялась съ обратившеюся въ пословицу ловкостью норманцевъ. Высокій, костистый, съ лицемъ на которомъ рѣзко обозначалось его происхожденіе, онъ держало себя величаво,— можно было принять это за достоинство.

Въ научномъ образованіи онъ былъ слишкомъ не далекъ; но администраторъ бездарный на слово, на перо,—именно такой какихъ правленіе Луи Филиппа преимущественно любило для епископства. Своимъ быстрымъ возвышеніемъ онъ обязанъ благочестивой королевѣ Амеліи, вниманіе которой съумѣлъ пріобрѣсти. Какими путями?—Извѣстными. Каждая благочестивая королева окружается всегда сонмомъ благочестивѣйшихъ девотокъ, изъ которыхъ однѣ, черезъ чуръ ужъ полно насладившись благами міра сего и побаиваясь за то загробной раздѣлки, надѣются отвилять отъ этой не отрадной будущности всевозможными угожденіями и жертвами тѣмъ—въ безусловномъ ра-

споряженіи которыхъ чистилище; другія, не задаваясь такими далекими соображеніями, сами не прочь войти въ долю громадныхъ стяжаній этихъ распорядителей чистилища; третьи, пресытившись волненіями и тревогами свѣта, ищутъ болѣе мирныхъ отрадъ въ одиночно-ночныхъ собесѣдованіяхъ съ этими подвижниками благочестія; и п. т. п. И каждая изъ таковыхъ-вѣрный путь къ пріобрѣтенію сказаннаго вниманія, за которымъ слѣдуетъ быстрое возвышеніе напавшей на такой путь личности. Чѣмъ именно угладилъ этотъ путь Бувилль, неизвѣстно, но чрезъ четыре года епископства онъ уже оставилъ Бретань которую находилъ слишкомъ холодною для себя. Его назначили архіепископомъ въ одну изъ важнѣйшихъ епархій Франціи. Тутъ климатъ пришелся совершенно по немъ; а черезъ три или четыре года онъ получилъ уже и кардинальную шапку.

Теперь это былъ мой владыка и господинъ. Онъ не показался мнѣ злымъ. Только, впереди всего у него была задача— никогда не сталкиваться съ свѣтской властью по поводу своихъ приходовъ; и горе тому священнику который какъ либо затруднялъ его въ этомъ! Нѣтъ столкновеній, значитъ — администраторъ именно такой какого хочетъ министерство; значитъ — архіепископство, кардинальство.

И этотъ господинъ, который на яву и во снѣ только и бредилъ что пурпуромъ кардинальства, честолюбіе котораго находило Реннь слишкомъ ничтожнымъ, въ своихъ епископскихъ посланіяхъ, въ своихъ циркулярахъ клиру, въ своихъ рѣчахъ во время обозрѣнія епархіи, ни о чемъ болѣе не разглагольствовалъ какъ о своей привязанности къ этой дорогой Бретани, о своемъ счастьѣ жить въ этой странѣ столь католической, о своемъ желаніи — именно въ ней почить съ миромъ. Какъ быть? — таковъ ужь языкъ епископскихъ посланій и рѣчей. А добьются страстно желаемаго и искомаго, и поведутъ рѣчь — что это дѣлается противъ ихъ воли, что они лишь не дерзаютъ пререкать велѣніямъ высшимъ, смиряются предъводительствомъ промысла, и пр. и пр. — все въ такомъ же родѣ. Разумѣется, этимъ лживо-смиреннымъ фра-

замъ никто не вѣритъ, потому что ни для кого не тайна — сколько интригъ и продѣлокъ пускается въ ходъ, чтобы добиться епископства и дальнѣйшаго затѣмъ. Тѣмъ не менѣе фразы говорятся и выслушиваются серьезнѣйшимъ образомъ, какъ будто въ нихъ и дѣло. Этого мало, такія рѣчи, хоть каждая изъ нихъ — тысяча первое повтореніе одинаковыхъ лживо-смиренныхъ фразъ, печатаются и распространяются въ поученіе вѣрующимъ: подражайте, значитъ, смиренію и самоотверженію своихъ архипастырей.

Мое дѣло устроилось; я вступилъ въ должность и очутился въ новомъ мірѣ.

Сервонъ, съ небольшой церковію и островерхой колокольней, расположенъ въ одной изъ самыхъ роскошныхъ долинъ Бретани. Епископъ сказалъ правду, — пресбитерія лучше какой и желать нельзя. — Нельзя не сознаться что это была необыкновенная милость мнѣ. Епископъ могъ перемѣстить сюда другаго священника изъ бѣднѣйшаго прихода и назначить меня на его мѣсто — въ какую нибудь полуразвалившуюся лачугу. Но письмо Клермонскаго сотоварища застало его въ расплохъ; а нетерпѣливо — раздражительный характеръ заставилъ сейчасъ же кончить дѣло, не перенося на совѣтъ. Отсюда и оказанная мнѣ милость.

Послѣ я узналъ что совѣтъ громко роптalъ на своего епископа за такое распоряженіе, раздраженный что Сервонъ отданъ не кому либо изъ своихъ епархіальныхъ — а постороннему, котораго можно бы ткнуть и куда пришлось. Святое братство священническое!.

Священникъ Шато-Жирона былъ ближайшимъ моимъ начальникомъ. Съ перваго же знакомства съ нимъ я увидѣлъ что не найду въ немъ врага себѣ. Это былъ превосходный человѣкъ, весь преданный наукѣ и литературѣ; а ученые, вообще, народъ весьма необидчивый.

Но за то мои сотоварищи — сосѣди приняли меня весьма

холодно. Бретонцы не могутъ еще забыть что Бретань была когда то націей, и не терпятъ чтобы въ ихъ среду вступали посторонніе.

Чрезъ нѣсколько времени послѣ моего поступленія въ Сервонъ, старецъ — деканъ пригласилъ меня къ себѣ обѣдать съ нѣкоторыми изъ моихъ собратій ему подвѣдомыхъ. Во время обѣда разносчикъ явился къ нему съ письмомъ, запечатаннымъ гербомъ епископа Ренньскаго. Онъ распечаталъ и сейчасъ же началъ читать. Но еще не дочиталъ до конца какъ брови его нахмурились.

— Господа, сказалъ онъ, его преосвященство прислалъ это письмо съ тѣмъ чтобы оно было прочитано съ каѳедры, въ ближайшее воскресенье, по окончаніи мессы. Вернувшись въ свои пресбитеріи, вы найдете тамъ точно такое же посланіе.

— Ахъ! ахъ! подхватилъ священникъ Динжэ, мой предшественникъ по Сервону, о чемъ же это циркуляръ нашего благочестиваго и ученаго епископа?

Для священника Динжэ всѣ епископы были ученые и благочестивые.

— Благочестивый, отвѣтилъ деканъ, — это пожалуй; а что до ученаго, такъ это еще вопросъ. Я говорилъ съ нимъ о своихъ трудахъ касательно бретонскихъ діалектовъ. Я доказалъ ему что у насъ языкъ національный; указалъ на родственность этого языка съ латинскимъ, греческимъ и санскритскимъ. Въ пятнадцатомъ вѣкѣ мы имѣли словари и литературу; еще за долго прежде этого у насъ уже были свои трактаты казуистики, которые стоятъ несравненно выше чѣмъ «Summa» св. Ѳомы. И что же? онъ совершенно равнодушно отнесся къ вопросамъ такой великой важности, и сознался что никогда не читывалъ строчки изъ трудовъ дом-Лобино и дом-Мориса о Бретани.

Шатожиронскій священникъ, какъ всѣ ученые задавшіеся изученіемъ одного какого нибудь предмета и ничего болѣе не видящіе за нимъ, не понималъ чтобы можно было быть уче-

нымъ не зная основательно исторіи Бретани и цельтическихъ древностей.

— Что до циркуляра, то вотъ въ чемъ дѣло, господа, — продолжалъ онъ. Вы знаете, у нашихъ славныхъ бретонцевъ одинъ порокъ: напиваться всякій разъ какъ только представится къ тому случай. У насъ нѣтъ виноградниковъ въ Бретани, и это вино которое наша почва отказывается производить кажется имъ, какъ оно дѣйствительно и есть, чѣмъ то чрезвычайно хорошимъ.

И говоря это, добрый священникъ, какъ бы въ подтвержденіе сказанной истины, налилъ себѣ стаканъ вина и не торопясь выпилъ его. За тѣмъ продолжалъ:

— Еслибъ наши крестьяне знали Библію, то говорили бы, съ псалмопѣвцемъ, что «вино веселитъ сердце человѣка». На бѣду себѣ, въ трактирахъ, въ шинкахъ, куда собираются они по воскреснымъ вечерамъ, они пьютъ ужасное вино — подмѣшанное, которое сердце то мало веселитъ, но за то крѣпко бьетъ въ голову. Часто случается что, когда они возвращаются домой, то и ноги ихъ едва держатъ, и передъ глазами у нихъ все вертится и прыгаетъ. Отъ этого, иной захочетъ перелѣзть черезъ изгородь, — полѣзъ, оступился и прямо головой объ землю: мозговое сотрясеніе и — конецъ. Другому пожелалось перейти вбродъ ручей для сокращенія дороги, — поскользнулся и — кубаремъ въ воду, и въ ручьѣ, въ которомъ иногда не больше двухъ футовъ воды, несчастный захлебнулся. Не дальше какъ въ этомъ году, въ епархіи, уже много было такихъ несчастныхъ случаевъ.

Нашъ епископъ, хорошо зная религіозный духъ бретонцевъ, зная какую важность придаютъ они христіанскому погребенію, надѣется сотворить чудо — предписавъ намъ лишать христіанскаго погребенія всѣхъ умершихъ нечаянно, если причина этой нечаянности — опьяненіе.

— Да вѣдь это не всегда можно доказать, замѣтилъ я.

— Конечно, нѣтъ, отвѣчалъ священникъ; и его циркуляръ

къ тому только и ведетъ чтобы создать новыя затрудненія намъ.

— Однакожь совершеннно необходимо сообразоваться съ предписаніями его преосвященства, сказалъ Динжэйскій священникъ.

— Безъ сомнѣнія съ ними и будутъ сообразоваться когда они окажутся умѣстными, и ничего другого сдѣлать будетъ нельзя. А все таки этотъ милый приказъ не остановитъ и единаго изъ тысячи чтобы не напиваться, заключилъ деканъ.

Вернувшись въ приходъ, я нашелъ циркуляръ, который и прочелъ съ каѳедры въ первое же воскресенье. Затѣмъ сказалъ небольшую проповѣдь противъ пьянства Ее выслушали съ великимъ вниманіемъ. Едва ли можно сомнѣваться что изъ числа слушавшихъ ее моихъ прихожанъ, — а они вообще были добрые христіане, не мало было такихъ которые давали себѣ обѣщаніе — всячески избѣгать шинкарныхъ соблазновъ. Но, увы, въ этотъ же вечеръ я могъ убѣдиться что даже тѣ, которые казались наиболѣе тронутыми моею проповѣдью, всецѣло забыли и епископское предписаніе и мои убѣжденія.

Нѣтъ, не циркулярами и приказами можно поднять уровень нравственности народной, — образованіе — вотъ единственная сила могущая сдѣлать это. Прежде всего необходимо искоренить невѣжество, — этого смертельнаго врага всякой цивилизаціи; затѣмъ уже, сами собой искоренятся и народные пороки.

Около трехъ мѣсяцевъ прожилъ я въ Сервонѣ; мои бретонцы продолжали быть усердными посѣтителями, каждое воскресенье, утромъ — церкви, вечеромъ — шинка. Но, завсѣмъ тѣмъ, это были простыя и честныя сердца. Нравы ихъ были чисты, души готовы на все доброе; и если я не говорилъ, какъ говаривалъ одинъ геніальный человѣкъ: «святые пьяницы молитесь за насъ», тѣмъ не менѣе отдавалъ всю справедливость своимъ прихожанамъ. И не могъ не отдавать. много доказательствъ ихъ преданности и любви видѣлъ я, пока жилъ въ этомъ приходѣ.

Особенно любилъ я добраго старика, дѣда — Ивона. Онъ выростилъ, въ строго-христіанскомъ направленіи, многочисленную семью. Община, вся — вполнѣ, относилась къ нему съ величайшимъ уваженіемъ. Онъ владѣлъ такимъ здравымъ практическимъ смысломъ что его совѣты въ затруднительныхъ обстоятельствахъ принимались точно законъ; и въ Сервонѣ не рѣшалось ни одно важное дѣло безъ предварительнаго совѣщанія съ дѣдомъ Ивономъ.

Желалось бы сказать что этотъ образчикъ патріарховъ, этотъ бретонскій несторъ былъ совершенно свободенъ отъ пьянственнаго порока; но, увы, на дѣлѣ не такъ было. Дѣдъ Ивонъ по воскресеньямъ никогда не ходилъ въ шинокъ; но дальше этого не шелъ героизмъ его добродѣтели. Случалось ли ему быть на свадьбѣ или на похоронахъ, что всегда сопровождается возліяніями; заключалъ-ли онъ выгодную сдѣлку дома, или запродавалъ на ярмаркѣ свой скотъ, — при всѣхъ таковыхъ случаяхъ онъ не отказывался выпить. А разъ начавъ, онъ уже не считалъ переполненныхъ стакановъ и оканчивалъ тѣмъ — что допивался до ошаленія. Съ шапкой на бокъ, съ волосами склоченными, онъ начиналъ распѣвать веселые припѣвы и пускался даже въ плясъ, въ чемъ, должно быть, былъ великій мастеръ въ свои молодые годы; а какъ ноги уже не держали расшатавшагося туловища и отяжелѣвшей головы, то и приходилось растянуться на полу, пока не поднимали пріятели находившіеся, обыкновенно, не въ лучшемъ положеніи, лишь болѣе крѣпкіе на ногахъ.

На другой день, дѣдъ Ивонъ, смутно припоминая свои вчерашнія продѣлки, таки порядочно казнился укорами своей совѣсти и стыдомъ людскимъ. Но какъ онъ все таки былъ наиболѣе трезвый изъ жителей Сервона, то, не смотря на свои грѣшки, и не терялъ своего нравственнаго превосходства.

Дѣдъ Ивонъ былъ весьма полезенъ мнѣ; онъ знакомилъ меня съ страной и съ характеромъ ея жителей. Каждый воскресный вечеръ онъ приходилъ комнѣ; я обыкновенно угощалъ его стаканомъ шантюргюйскаго вина, которое онъ выпивалъ

не торопясь; но если я предлагалъ другой, то онъ всегда отказывался. — Нѣтъ, нѣтъ, г. священникъ, это винцо слишкомъ дорого чтобы тратить его такимъ образомъ. — Эхъ! еслибъ наша дорогая Бретань производила что либо подобное!..

Со времени епископскаго циркуляра, еще ни одному священнику не представилось необходимости исполнить предписанное въ немъ. Пили ничуть не меньше прежняго; но богъ пьяницъ хранилъ своихъ почитателей отъ бѣды.

Былъ сентябрь. Въ Шатожиронѣ шла ярмарка, — одна изъ значительнѣйшихъ въ Бретани. Дѣдъ Ивонъ отправился туда продать своихъ воловъ.

Поздно вечеромъ, одинъ изъ его сыновей пришелъ ко мнѣ спросить — не видалъ ли его отца.

— Нѣтъ, отвѣчалъ я. Да какже не вмѣстѣ вернулись вы изъ Шатожирона?

— Г. священникъ, вы знаете что моя жена больна. Лишь кончили мы торгъ, я оставилъ моего отца получить деньги. Не замедливъ и на столько чтобы выпить стаканъ сидра, я вернулся домой.

— Который часъ былъ?

— Четыре часа. Теперь уже за девять. Всѣ наши сосѣди вернулись; они сказали, что оставили моего отца въ трактирѣ. Большой Петръ хотѣлъ его подождать; — приду одинъ, сказалъ ему мой отецъ.

— Одинъ! съ значительной суммой денегъ при себѣ, — неблагоразумно.

— Э, г. священникъ, вѣдь воровъ нѣтъ въ нашей странѣ. Я было думалъ что мой отецъ зашелъ къ вамъ. Теперь пойду посмотрѣть на дорогу; можетъ быть встрѣчу.

— Пойдемъ же вмѣстѣ.

Лишь только мы вышли изъ пресбитеріи, какъ встрѣтили учителя. Онъ также возвращался изъ Шатожирона. Отъ него мы получили страшное извѣстіе: несчастный Ивонъ лежитъ во рву — мертвый. Учитель самъ осматривалъ его, и не

замѣтилъ на тѣлѣ никакихъ слѣдовъ насилія. Въ одномъ изъ его кармановъ кожаный кошель туго набитый деньгами, что самъ учитель щупалъ.

Понятно, какое впечатлѣніе произвело на всѣхъ извѣстіе принесенное учителемъ. — Меръ, полевой сторожъ, врачъ, дѣти Ивона, я и большая часть жителей селенія, — огромной толпой отправились всѣ мы на указанное мѣсто. Мы вытащили трупъ изо рва — да, это былъ уже трупъ. Врачъ, осмотрѣвъ, объявилъ что Ивонъ умеръ отъ апоплексіи, предрасположеніе къ которой уже было, но которая доконала его такъ неожиданно вслѣдствіе сильнаго опьяненія. Всѣ сосѣди, видѣвшіе его на ярмаркѣ, подтвердили что когда они звали изъ трактира домой, такъ ужъ онъ былъ изрядно хвативши, и остался тамъ затѣмъ чтобы продолжить свой кутежъ.

— Ахъ, Господи мой Боже! — съ такими словами влетѣла ко мнѣ на другой день одна девотка, дѣва Перрень, которой было уже гораздо за сорокъ, но которая ни за что въ мірѣ не соглашалась сказать объ своихъ годахъ, — ахъ, мой Боже, какое несчастіе для прихода что дѣдъ Ивонъ умеръ такимъ образомъ.

— Дѣйствительно, великое несчастіе, почтенная Перрень.

— И какъ подумаешь что по христіански то не отпоютъ его!

— Почему же это, почтенная Перрень, по христіански не отпѣли бы Ивона?

— Какъ, г. священникъ, развѣ вы забыли предписаніе его преосвященства? и при такомъ ли возмутительномъ случаѣ вы осмѣлитесь уклониться отъ исполненія своей обязанности?

Дѣва Перрень, всемогущая надъ моимъ предшественникомъ, непремѣнно хотѣла вмѣшиваться во всѣ приходскія дѣла и даже управлять священникомъ. Это, разумѣется, не могло мнѣ нравиться, и я отвѣчалъ ей очень сухо:

— Замѣчу вамъ что именно здѣсь представляется случай сказать: буква убиваетъ, а духъ животворитъ. Ивонъ впродолженіи шестидесяти лѣтъ былъ образцемъ Сервона. Его сы-

новья, какъ и онъ, добрые люди и честные христіане. Его дочери уже почтенныя матери семей. И я конечно не рѣшусь оскорбить этихъ славныхъ людей, лишивъ ихъ отца церковнаго погребенія.

— Да вѣдь Ивонъ умеръ въ состояніи смертнаго грѣха!

— Почтенная Перрень, еслибъ вы не были круглой невѣждой, — по крайней мѣрѣ я полагаю такъ, въ теологіи, то я доказалъ бы вамъ что смерть Ивона не есть актъ человѣческой воли, желанія, намѣренія; значитъ, тутъ и смертнаго грѣха нѣтъ. А кромѣ того, одинъ Богъ имѣетъ право судить мертвыхъ.

— Не понимаю что вы хотите сказать своимъ человѣческимъ актомъ.

— Не удивляюсь этому.

— Нельзя ли вамъ пояснить мнѣ свою мысль?

— Безполезно; вѣдь отъ этого терпимости въ васъ не прибавится.

— Да наконецъ циркуляръ преосвященнаго Бувилля!

— И пусть судитъ меня преосвященный Бувилль, если найдетъ за что. А васъ, разъ и навсегда, прошу поумѣрить свою ревность въ дѣлахъ которыя касаются лишь одного вашего священника. Да и ревность то ваша вытекаетъ далеко не изъ чистаго побужденія, по крайней мѣрѣ въ настоящемъ случаѣ.

— Какъ, г. священникъ! что вы хотите сказать этимъ?

— Что?! Дѣдъ Ивонъ не терпѣлъ девотокъ: онъ часто говорилъ вамъ, — съ суровой, настоящей бретонской откровенностью, что лучше и спасительнѣе было бы для васъ — позаботиться о своемъ больномъ отцѣ и съ мѣста не сходящемъ дѣдѣ, чѣмъ, съ утра до ночи, болтаться въ церкви или бродяжничать по такимъ же девоткамъ. И онъ былъ совершенно правъ. Могъ бы онъ прибавить также что лучше-бъ вы сдѣлали, еслибъ позаботились объ уничтоженіи грязи и вони у себя въ домѣ, оставивъ всѣ заботы о дѣлахъ приходскихъ.—

Знаю что вы изволите разгнѣваться на мои слова; но какъ быть? — Овернцы не менѣе грубы чѣмъ и бретонцы.

Благочестивая дѣва метнула на меня молніеносный взглядъ и вышла не прибавивъ ни одного слова. Я отвязался отъ ея назойливой опеки; но за то пріобрѣлъ въ ней непримиримаго врага себѣ.

На другой день дѣдъ Ивонъ былъ отпѣтъ въ церкви, и все селеніе присутствовало при отпѣваніи. — Этимъ я никакъ не имѣлъ намѣренія выразить неповиновеніе епископскому предписанію; а поступилъ такъ по внушенію своей совѣсти. И былъ убѣжденъ что выполнилъ, какъ слѣдуетъ, свою обязанность. Каково-жь было мое изумленіе при полученіи, чрезъ восемь дней послѣ этого, письма отъ епископскаго секретаря? — Мнѣ предписывалось немедленно явиться къ епископу.

Всякаго священника который получаетъ подобное посланіе прежде всего прохватываетъ дрожь: не за добрымъ же словомъ приглашаютъ такимъ образомъ къ епископу! И онъ спѣшитъ повѣрить свою совѣсть. Нашлось что нибудь особенно важное, онъ разсуждаетъ:

— Какой чертъ могъ прознать объ этомъ? — Ну! навѣрно я погибъ. Что теперь дѣлать? запереться или просить прощеніе? — Первое надежнѣе... И дѣйствительно надежнѣе: достаточный запасъ наглости, — и изъ десяти девять отдѣлываются ничѣмъ.

Что до меня, то, повѣривъ свою совѣсть, я не нашелъ ничего въ своемъ поведеніи что заслуживало бы епископской грозы. Случай же съ Ивономъ и на мысль не пришелъ мнѣ, до того я считалъ себя правымъ въ этомъ дѣлѣ. Поэтому, не безъ волненія, но и безъ особеннаго страха отправился я на страшный судъ.

Его преосвященство встрѣтилъ меня холодно и надменно. Когда я вошелъ, онъ осмотрѣлъ меня съ головы до ногъ, и, не приглашая садиться, сказалъ самымъ сухимъ тономъ:

— Г. Бертомье, получили вы мой циркуляръ отъ 24 мая? Объявили его прихожанамъ?

— Получилъ и объявилъ, ваше преосвященство.

— Значитъ, совершенно знали—чего хочу я?

— Точно такъ, сказалъ я немного подумавши. Я началъ понимать—въ чемъ дѣло.

— Послѣ этого, какже могло случиться что вы отпѣли, восемь дней тому, одного изъ своихъ прихожанъ умершаго нечаянно, причиной чего было опьяненіе?

— Ваше преосвященство,—я не былъ убѣжденъ въ этомъ.

— Врачъ передъ всѣмъ селеніемъ объявилъ что смерть этого несчастнаго была послѣдствіемъ его невоздержанія.

— Врачи не имѣютъ преимущества быть не погрѣшимыми. Но и врачъ же засвидѣтельствовалъ, что всѣмъ было извѣстно, что дѣдъ Ивонъ имѣлъ сильное предрасположеніе къ апоплексіи. Ударъ могъ случиться и отъ чрезмѣрнаго утомленія, отъ ярмарочныхъ хлопотъ уже не посильныхъ старику, отъ причины совершенно естественной, помимо опьяненія. При такомъ сомнительномъ обстоятельствѣ я счелъ своей обязанностью истолковать вашъ циркуляръ по извѣстному правилу: Favores sunt ampliandi, odia sunt restringenda.

— Г. Бертомье, вы въ Сервонѣ не затѣмъ чтобы заниматься медицинскими изслѣдованіями, и не затѣмъ чтобы истолковывать мои циркуляры. Вашъ почтенный епископъ клермонскій слишкомъ слабъ съ своими священниками, и безъ главнаго викарія его слабость довела бы до самыхъ несчастныхъ послѣдствій. Знайте что я совсѣмъ другихъ свойствъ. По моему, клиръ—полкъ, и когда я приказываю ему маршировать,—онъ долженъ маршировать.

— Сознаюсь, ваше преосвященство, я никогда не смотрѣлъ на отношенія священниковъ къ ихъ епископамъ съ этой точки зрѣнія.

— Прежде всего, г. аббатъ, вы еще не священникъ *) вы—

*) Не лишнее пояснить. Абатъ — общее названіе духовнаго лица на нижнихъ степеняхъ іерархіи; священникъ, во всемъ значеніи слова, le curé—лишь тотъ кто священнодѣйствуетъ въ кантонѣ. Онъ опредѣляется

исправляющій должность священника, всего — только; благоволите вспомнить объ этомъ. Съ уясненіемъ этого, прошу васъ сказать мнѣ — какъ, въ своей мудрости, понимаете вы свои отношенія къ высшей власти.

— Ваше преосвященство, мнѣ кажется что самая формула писемъ, которыми вы удостоиваете насъ, опредѣляетъ эти отношенія. Въ нихъ мы значимся,—даже мы, ничтожные—«исправляющіе должность,» какъ ваши любезные сотрудники.

— И въ силу то этого вы осмѣлились не повиноваться мнѣ?

— У меня и въ мысли никогда не было не повиноваться вамъ. Лишь я думалъ что призванный быть сотрудникомъ моего епископа, въ великомъ дѣлѣ спасенія душъ,—въ ничтожномъ мѣстечкѣ мнѣ довѣренномъ, я могу, въ силу этого сотрудничества, располагать извѣстной степенью самодѣятельности.

— Вы обманывались.

— Теперь вижу. Впрочемъ осмѣливаюсь замѣтить вашему преосвященству что Ивонъ не имѣлъ привычки пьянствовать,— напротивъ, онъ всегда былъ образцемъ прихода. Весь приходъ возмутился бы на меня, еслибъ я лишилъ молитвъ церкви этого честнаго человѣка; что послѣ этого сталъ бы я дѣлать?

— Потому то особенно что этотъ человѣкъ пользовался общимъ почтеніемъ,—отказъ отпѣть его по христіански и былъ бы урокомъ грознымъ и спасительнымъ.

Впередъ, г. Бертомье, помните что я признаю одинъ родъ сотрудничества со мной: это—безусловное повиновеніе. Вотъ

свѣтской властью, и уже «не смѣняемъ» (inamovible), т. е. епископъ одной своей собственной властью не можетъ ни перемѣстить его, ни уволить. Всѣ прочіе, называясь также священниками,—не больше какъ «исправляющіе должность» (desservant) и состоятъ въ безусловной зависимости отъ епископовъ. Такъ, напр., въ Безансонской епархіи 8 кантоновъ и 209 общинъ; значитъ, 8 священниковъ «не смѣняемыхъ», и 209—дессерваповъ, т. е. «исправляющихъ должность» приходскихъ священниковъ, которыхъ епископъ можетъ мѣнять хоть поденно.

что хотѣлъ я сказать вамъ самъ — лично. Возвратитесь въ свой приходъ и постарайтесь чтобы былъ забытъ соблазнъ вашего неповиновенія. Мнѣ извѣстно что вы заставили сокрушаться благочестивыя души Сервона.

И привставъ, епископъ кивнулъ мнѣ головой. Аудіенція моя была кончена.

— А-а, вотъ откуда вѣтеръ дуетъ: благочестивыя души Сервона! Благочестивая душа—Перрень, ея задушевная—мадамъ Керуаръ и двѣ—три такихъ же.

Я вернулся въ приходъ съ однимъ житейскимъ опытомъ больше. Я убѣдился, до невозможности какихъ либо сомнѣній, что значатъ, для епископовъ, ихъ «любезные сотрудники». Ихъ такъ величаютъ на языкѣ офиціальномъ, но не соединяютъ съ этимъ никакого практическаго значенія. Ради чего жь эта офиціальная ложь? Кого требуется ею морочить?..

Въ такомъ непріятномъ событіи я утѣшалъ себя надеждой—что авось либо не повторится въ моемъ приходѣ случай, подобный тому который уже доставилъ мнѣ такую крѣпкую загвоздку. Не выходила изъ моей головы пословица: «есть богъ пьяницъ». Мнѣ ничего болѣе не оставалось — какъ только молиться за своихъ. Но должно быть плохи были молитвы мои спустя три недѣли я очутился въ новомъ затрудненіи.

Не вдалекѣ отъ Сервона, года за три до меня, поселился одинъ разбогатѣвшій промышленникъ, который женился на дочери обѣднѣвшаго бретонскаго помѣщика. — Онъ выхлопоталъ себѣ позволеніе присоединить къ своему имени имя своей жены; и облѣпилъ ея гербами не только стѣны и ворота своего, на славу отдѣланнаго, дома, но и конюшню и ригу. Послѣ этого, смотрѣлъ уже на свой домъ какъ на лучшій изъ всѣхъ сосѣднихъ замковъ, и полагалъ что жить благородно, значило—сдѣлаться отчаяннымъ охотникомъ и таковымъ же кутилой.

Его жена была изъ ничтожнѣйшихъ твореній. Взросшая въ

бѣдности, безъ воспитанія и образованія, она съ дѣтства развила въ себѣ привычки скряжничества, которыя сохранила и въ своемъ новомъ положеніи. Роскошная обстановка жизни приводила ее въ трепетъ. Нельзя дѣлать такія огромныя издержки и—не разориться, повторяла она непрестанно съ тяжелыми вздыханіями. И когда ея мужъ, M. Thorin de Kerouare, не жалѣлъ ничего чтобы «поставить себя на благородную ногу»—какъ говорилъ онъ, она экономничала, т. е. до нелѣпаго, до отвратительнаго скряжничала. Слѣдствіемъ этого было то что народъ презиралъ м. Керуаръ за ея ненавистное скряжничество, и ненавидѣлъ г. Керуаръ за то что онъ не довольствовался лишь тѣмъ чтобы охотиться и кутить, но притязалъ на права господина по отношенію къ нанимавшимъ его земли, и особенно по отношенію къ ихъ женамъ и дочерямъ.

Не трудно понять что г. Керуаръ былъ щедръ, когда представлялся случай розыграть роль великаго господина, и не жалѣлъ издержекъ, когда дѣло шло объ удовлетвореніи его самолюбія. Такъ, въ одно воскресенье, за мессой, онъ замѣтилъ что въ Сервонской церкви ужь черезъ чуръ бѣдно, и что въ ней единственная роскошь—чрезвычайная чистота. Самъ онъ засѣдалъ на господской скамьѣ которую выписалъ изъ Парижа. Разумѣется, скамья отличалась всевозможной роскошью рѣзьбы, среди которой великолѣпно красовались гербы Керуаровъ. Онъ нашелъ что такая роскошь ужь черезъ чуръ не шла къ простотѣ церкви. Кромѣ того, до его слуха дошло что у сосѣдей, и у маркиза A и у графа N. ихъ приходскія церкви приведены въ наилучшее положеніе. И порѣшилъ онъ — не только сравняться съ сосѣдями, но и перещеголять ихъ. Вслѣдствіе такой ревности у насъ появились—мраморный алтарь, росписанныя стекла, изящные подсвѣчники, серебряно-золоченный потиръ и облаченія какихъ даже не имѣли соборные каноники Ренна. Моя мать, какъ я замѣтилъ, приходила въ неописуемый восторгъ, когда видѣла что я служу въ ризѣ изъ золотой парчи.

Дѣва Перрень была задушевный другъ м. Керуаръ. Вмѣстѣ взросли эти двѣ личности; вмѣстѣ наполняли свою внутреннюю

пустоту собираніемъ и распространеніемъ мѣстныхъ сплетней, и дружно выработались въ такихъ девотокъ и даже биготокъ, какія не часто встрѣчаются въ самомъ ультра-монтанскомъ мірѣ, до безконечности переполненномъ ханжами и фарисеями.

Было это въ то самое время, когда іезуиты только что изобрѣли святую Филомену съ чудотворными медалями отъ нея, чтобы подорвать значеніе Нотр-Дамы салетской и Нотр-Дамы лурдской. М. Керуаръ и Перрень съ жадностью поглощали обильно распространяемыя брошюрки, въ которыхъ повѣствовалось о чудесахъ медали и о чудесахъ св. Филомены. Не задумываясь принимали двѣ биготки за чистую истину самыя чудовищныя нелѣпости. Онѣ крѣпко вѣрили что св. Филомена разноситъ по ночамъ конфекты благочестивымъ дѣвочкамъ; что самые отчаянные нечестивцы обращались, лишь только жены ихъ подшивали, безъ ихъ вѣдома, чудотворную медаль подъ подкладку ихъ одеждъ.

— Увы, съ тяжкими вздохами говорила при этомъ м. Керуаръ, —не только медаль, даже образки св. Филомены подшивала я во всѣ платья своего мужа,—и все таки онъ не обращается.

— Не должно терять надежды, возражала Перрень. Св. Филомена слишкомъ могущественна, а медаль отъ нея и не такія чудеса творила. Да и г. Керуаръ не совсѣмъ ужь нечестивъ;— онъ не упражняется въ добродѣтели, правда; но за то сколько положилъ онъ ревности въ украшеніи нашей церкви!

— Да, еще тяжелѣе вздыхая, отвѣчала м. Керуаръ; а чего это стоило намъ! Съѣздить на поклоненіе св. Филоменѣ было бы и полезнѣе и дешевле. Вѣдь какъ я подумаю только что непрестанно должна трястись за своихъ горничныхъ и за дочерей моихъ фермеровъ... Вы понимаете, я не могу разсказать всего.

— О, да; конечно, есть вещи....

И перезрѣлая дѣва опустила скромно свои взоры.

А между тѣмъ г. Керуаръ продолжалъ охотиться и кутить; какъ на зло св. Филоменѣ и ея вѣрующимъ поклонницамъ ку-

тежи его принимали даже большіе и большіе размѣры. Его охоты дѣлались просто поголовнымъ ополченіемъ окружнаго мелкаго барства и мѣщанства; потому что, должно отдать ему эту справедливость, не смотря на свое помѣшательство на гербовыхъ щитахъ, онъ охотно снисходилъ до попоекъ со старыми друзьями. М. Керуаръ далеко не любезно относилась къ этимъ, по ея убѣжденію, ничтожествамъ; но мужъ осаживалъ ее: они богаты, не то-что.., и весельчаки; не понимаю—почему вы неизволите терпѣть моихъ друзей, когда я терплю вашу.... эту отвратительную биготку. Вѣдь не отъ Мерьядековъ же происходитъ ваша Перрень, что я хорошо знаю.

Въ одинъ изъ этихъ охотничьихъ праздниковъ кутежъ принялъ гомерическіе размѣры и захватилъ значительную часть ночи. Г. Керуаръ уже съ самаго начала ужина оставилъ свой умъ на днѣ стакана. Никогда прежде не доходилъ онъ до такихъ сумазбродствъ, не расточалъ столько грубыхъ и злыхъ насмѣшекъ надъ самыми чтимыми предметами. Чѣмъ больше пилъ онъ, тѣмъ крѣпче стоялъ на томъ что можетъ пить сколько хочетъ и не быть пьянымъ до потери сознанія. Собесѣдники пытались было остановить его въ такомъ дикомъ притязаніи, но безъ пользы. Въ довершеніе всего, онъ схватилъ полную флягу водки и предложилъ закладъ—что выпьетъ ее не переводя духу, и все таки ни память, ни смыслъ его не пострадаютъ отъ того. Одинъ изъ его достойныхъ друзей, въ такомъ же состояніи какъ и онъ самъ, пошелъ на предложенный закладъ, не смотря на то что большая часть собесѣдниковъ кричала противъ такой безсмысленной выходки. Керуаръ осушилъ флягу до послѣдней капли, за одинъ пріёмъ, и торжественно крикнулъ:

— Я выигралъ сто луидоровъ.

Чрезъ нѣсколько минутъ онъ затрясся и упалъ со стула. Когда его подняли,—онъ былъ уже мертвъ.

Понятно, какое впечатлѣніе должно было произвести это грустное событіе о которомъ, и со всѣми подробностями, узнали всѣ на другой же день.

М. Керуаръ и на секунду не задумалась чтобы ничтожный сельскій священникъ могъ возъимѣть дерзость—отказать въ христіанскомъ погребеніи такому важному и могущественному барину какъ Thorin Kerouare. — До нѣкоторой степени она была даже и права; потому что лишеніе погребенія, этотъ остатокъ средневѣковаго варварства, и меня самого всегда возмущалъ до глубины души. По моему убѣжденію, это можетъ быть лишь въ томъ исключительномъ случаѣ, когда умершій, впродолженіи своей жизни, самъ — добровольно прервалъ всякое общеніе съ церковію; и въ свою послѣднюю болѣзнь положительно отринулъ и священника и посмертныя церковныя молитвы. Въ такомъ случаѣ, воля умирающаго должна быть исполнена. Если семья его смотритъ на это и иначе, то все таки священникъ въ своемъ правѣ отказать въ христіанскомъ погребеніи тому кто не хотѣлъ ни жить, ни умереть по христіански, обращая въ посмѣхъ и поруганіе все святое и чтимое въ христіанскомъ мірѣ.

Что до несчастнаго Керуара, то его нечестивыя выходки творились лишь подъ вліяніемъ опьяненія. Правда, благочестивымъ его нельзя было назвать; но не былъ же онъ, ни въ какомъ смыслѣ, и врагомъ церкви. А кромѣ того, когда священникъ обращался къ его кошельку, ради помощи бѣдствующимъ или ради какого либо инаго дѣла милосердія,—кошелекъ всегда былъ къ услугамъ просящихъ. Почему-жъ я отказалъ бы въ общественной молитвѣ за этого человѣка?

Но циркуляръ, этотъ преславный циркуляръ! Но приказъ епископа такъ ясно выраженный и такой крѣпкой загвоздкой мнѣ припечатанный: еще ли разъ противъ нихъ пойти?

Зрѣло обдумавши, я порѣшилъ что если ужъ не допускать труповъ въ церковь, съ тѣмъ чтобы дать грозный урокъ настоящимъ и будущимъ пьяницамъ, такъ всего лучше сдѣлать это надъ человѣкомъ богатымъ, пользовавшимся вліяніемъ и значеніемъ во всей мѣстности. Какъ сказалъ мнѣ епископъ по поводу Ивона, урокъ тутъ будетъ еще болѣе грозный, еще болѣе спасительный. По этому я объявилъ м. Керуаръ когда она

позвала меня, что въ исполненіе приказаній моего епископа мужъ ея не можетъ быть отпѣтъ въ церкви.

Не трудно представить себѣ ея изумленіе при этомъ; но едвали кто въ силахъ вообразить ея раздраженіе противъ меня, въ которомъ приняла горячее участіе и Перрень. Не циркуляръ,—я оказался виновнымъ въ такомъ страшномъ оскорбленіи ея имени, ея чести, ея званія, какимъ она считала мой отказъ—отдать послѣдній христіанскій долгъ ея мужу.—Но не смотря на то, я не могъ измѣнить своего рѣшенія, и оставилъ ее съ стѣсненнымъ сердцемъ, отъ всей души проклиная, — сознаюсь въ томъ, епископскій циркуляръ.

Въ тотъ же день я узналъ что Перрень отправилась въ Динжэ къ своему другу и покровителю, моему предшественнику; а онъ, вслѣдъ за посѣщеніемъ своей филотеи, отправился въ Реннъ. Я хорошо понималъ цѣль этихъ разъѣздовъ; предвидѣлъ даже исходъ ихъ, и могу сказать, совершенно по совѣсти, что отъ всей души желалъ этого исхода. Долгъ безусловнаго повиновенія мною исполненъ; епископъ, безъ сомнѣнія, будетъ удовлетворенъ моимъ поведеніемъ; а между тѣмъ и Керуаръ не лишится христіанскаго погребенія. Все, значитъ, къ лучшему.

Черезъ два дня я получилъ письмо изъ епископіи. Съ великимъ нетерпѣніемъ ждалъ его, и почувствовалъ истинную радость получивъ. Вотъ что содержало оно въ себѣ:

«Его преосвященство извѣстился что вы отказываете въ церковномъ погребеніи г. Керуару, подъ тѣмъ предлогомъ что причина его смерти—пьянство, и право свое на отказъ основываете на циркулярѣ отъ 24 мая. Мнѣ поручено, отъ его преосвященства, объявить вамъ что вы очень дурно истолковываете его намѣренія. Смерть г. Керуара была слѣдствіемъ заклада, конечно, очень неблагоразумнаго. Но былъ ли сдѣланъ этотъ закладъ въ состояніи совершеннаго опьяненія? — этаго мы не можемъ опредѣлить. Въ сомнѣніи, было благоразумнѣе удержаться отъ отказа. Вотъ, г. священникъ, что долженъ былъ сказать вамъ здравый смыслъ, если уже признательность, ка-

кою вы обязаны къ одному изъ почтеннѣйшихъ людей, благодѣтелю вашей церкви, не указывала вамъ—какъ пристойнѣе поступить въ данномъ случаѣ. Вы обязаны были бо́льшимъ почтеніемъ къ его памяти и бо́льшимъ уваженіемъ къ его вдовѣ, этой святой женщинѣ, такъ преданной интересамъ церкви.

«Его преосвященство поручаетъ мнѣ—выразить вамъ, г. священникъ, крайнее неудовольствіе за досаду какую вы причинили ему своимъ необъяснимымъ поведеніемъ».

Письмо было подписано домашнимъ секретаремъ его преосвященства.

Мы отпѣли г. де-Керуара со всей возможной торжественностью. Самъ Шатожиронскій деканъ произнесъ конечное отпущеніе грѣховъ. Все сошло чудесно. И мнѣ оставалось лишь размышлять—объ опасности истолковывать епископскіе циркуляры и объ таковой же опасности не истолковать ихъ. Но къ чему же могли привести всѣ размышленія въ такомъ обоюду—остромъ вопросѣ? — ровно ни къ чему. Оставалось, значитъ, возложить все упованіе на Бога, что и сдѣлалъ я.

Но напрасно думалъ я что тѣмъ все и кончилось. Мой отказъ—отпѣть Керуара надѣлалъ много шуму, особенно между священниками. Нѣкоторые изъ нихъ подробнѣйшимъ образомъ распрашивали меня обо всемъ дѣлѣ. — Да и благочестивыя особы, о которыхъ была рѣчь выше, ярились—что изъ-за моего отказа несчастная смерть Керуара получила такую огласку. Былъ ли я неосторожень въ своихъ отвѣтахъ сотоварищамъ; поусердствовали ль святыя особы, — не знаю; но не прошло и трехъ недѣль послѣ смерти достопочтеннѣйшаго де-Керуара, какъ я получилъ новое письмо изъ епископіи.

«Г. священникъ, послѣ всего случившагося въ Сервонѣ, его преосвященство полагаетъ что трудно было бы вамъ сдѣлать тутъ что либо доброе. Поэтому, онъ поручаетъ мнѣ объявить вамъ что вы назначаетесь исправляющимъ должность въ Винефлесъ. Его преосвященству угодно чтобы вы были на своемъ мѣстѣ въ ближайшее воскресенье».—

Въ Винефлесѣ не много болѣе 300 жителей; въ Сервонѣ

ихъ около 1,200. Значитъ, я былъ въ немилости. Святыя особы могли торжествовать.

На новомъ мѣстѣ съ Бертомье розыгралась одна изъ тѣхъ драмъ, какія такъ обыкновенны въ жизни католическихъ священниковъ, въ годы ихъ молодости.

Главными прихожанами его оказались владѣльцы чего то въ родѣ замка — мужъ и жена Винефлесъ. Въ мужѣ онъ нашелъ превосходнаго человѣка — прямаго, открытаго и сердечно-гостепріимнаго; въ женѣ, которую во всей окрестности не иначе называли какъ—прекрасная мадамъ Винефлесъ, онъ встрѣтилъ энтузіастку. — Но семейная жизнь этихъ двухъ особъ сложилась очень несчастливо. Они жили вмѣстѣ лишь для соблюденія внѣшнихъ приличій; и мужъ даже не скрывалъ своихъ постороннихъ связей, ради которыхъ растрачивалъ большую часть своихъ доходовъ. Жена, обманутая въ своихъ надеждахъ на семейное счастье, сначала искала утѣшенія въ свѣтскихъ наслажденіяхъ, но когда расточительность мужа сдѣлала ихъ невозможными, она рѣшилась искать религіозныхъ утѣшеній. Не лишнее замѣтить что подъ религіозными утѣшеніями великосвѣтскія дамы обыкновенно разумѣютъ не самую религію и, въ главѣ ея, евангеліе, а представительныхъ служителей религіи которые и врачуютъ, какъ знаютъ и умѣютъ, ихъ сердечныя раны.

Исканіе началось еще въ Реннѣ, и удовлетворилось скоро: епископъ Бувилль оказался далеко не прочь врачевать, религіозными утѣшеніями, «прекрасную» м. Винефлесъ. Они сблизились; и утѣшаемая порядочно забрала въ свои руки утѣшителя. Вотъ почему Бертомье получилъ отъ своего предшественника дружескій совѣтъ:

— Если вы хотите сейчасъ же, и навсегда, погибнуть у нашего епископа, то стоитъ лишь вамъ не понравиться м. Винефлесъ. Съ вами разсчитаются немедленно.

Бертомье вооружился всей свою мудростью — поставить

себя въ благопріятныя отношенія къ своей главной прихожанкѣ, и не вооружать ее противъ себя никакимъ рѣзкимъ словомъ правды, ради чего и уклониться всячески отъ обязанности—быть ея отцемъ духовнымъ.—Но увы—эта мудрость!

«Я совершенно ошибся, разсказываетъ онъ. Все произошло не такъ какъ я предполагалъ. Вмѣсто женщины надменной, властолюбивой, съ притязаніями—распоряжаться мною и всѣмъ моимъ служеніемъ—церковнымъ и приходскимъ, я встрѣтилъ женщину дѣйствительно несчастную, глубоко оскорбленную въ ея достоинствѣ жены и не безъ основанія полагающую, что она ничѣмъ не заслужила быть публично брошенною мужемъ. Не въ исповѣдныхъ откровеніяхъ, отъ которыхъ я все таки уклонился, въ частныхъ собесѣдованіяхъ она не разъ передавала мнѣ—сколько уже вынесено ею душевныхъ мукъ, сколько выносится и сколько ихъ еще впереди. Случалось, мое сострадающее, сочувственное слово упокоивало ее; а чаще, мнѣ самому тяжело приходилось страдать, — до того невыносимы были ея страданія.

«Друзья, всегда дурные совѣтники, говорили ей объ разводѣ. Я не совѣтовалъ ей рѣшаться на эту крайнюю мѣру, и она соглашалась со мной. Она сознавала что ея долгъ, также какъ и достоинство, удерживали ее около мужа, не смотря на всѣ его невѣрности. Рѣшившись на разводъ, она отравляла навсегда свою будущность; вооружившись терпѣніемъ, она еще могла разсчитывать, рано или поздно, что мужъ разорветъ свои преступныя привязанности и вернется къ брошенной имъ женѣ.

«На это я болѣе всего билъ; и не было конца ея благодарности за мои искреннія слова. — Не мало времени прошло въ подобныхъ изліяніяхъ. Искренняя дружба, не смотря на всѣ мои благоразумныя предосторожности, завязалась между ней и мною. Она даже познакомилась съ моей матерью, и часто приходила въ пресбитерію подѣлиться съ нею своей скорбію. Мою мать, разумѣется, льстило такое вниманіе блестящей дамы; и начались непрестанныя посѣщенія одна другой. Все это кончилось тѣмъ что уже и дня не проходило безъ того чтобы

тамъ или здѣсь, мы не видѣлись и цѣлыхъ часовъ не проводили въ сердечно-дружескихъ собесѣдованіяхъ».

Исходъ этого сближенія угадать не мудрено. Бертомье предстояло наконецъ одно изъ двухъ: или, пожертвовавъ совѣстью и долгомъ, наслаждаться извѣстными благами жизни—съ блестящей будущностью впереди; или, оставшись честнымъ человѣкомъ и священникомъ, подвергнуться неумолимой мести раздраженной женщины—страшный выборъ!—Бертомье удалось второе...

Месть конечно не замедлила.

Я никогда не узналъ — въ чемъ и какъ завинила меня м Винефлесъ передъ епископомъ, — въ томъ ли что посягалъ или имѣю намѣреніе посягнуть на ея добродѣтель, или въ иномъ чемъ; но только совсѣмъ не удивился когда, въ одно прекрасное утро, получилъ отъ епископскаго секретаря письмо, который извѣщалъ меня въ четырехъ строкахъ что, «по административнымъ причинамъ, его преосвященство назначаетъ меня священникомъ въ Обинье.»

Но не могъ не подивиться этой безцеремонности и этой, такъ удачно изобрѣтенной, штукѣ—причины административныя. Кого или что нельзя подвести подъ эти всеобъемлющія причины?—Неудовлетворенная прихоть барыни,—и причины загоняютъ меня въ Обинье, въ одинъ изъ бѣднѣйшихъ и жалчайшихъ приходовъ Бретани, со сто шестьюдесятью душами паствы; и кто знаетъ что завтра же не погонятъ меня еще куда нибудь, если для мести барыни этого покажется мало?

Правда, утѣшиться въ своемъ горѣ есть чѣмъ: не одного же меня такъ гоняютъ. Есть священники которыхъ, въ одной и той же епархіи, по десяти, пятнадцати и болѣе разъ гоняютъ съ мѣста на мѣсто. Но нѣкоторыхъ изъ нихъ, по крайней мѣрѣ, гоняютъ по дѣлу,—то за неуживчивость съ прихожанами, то за столкновеніе съ мѣстными властями, и п. т.—Но оказался ли я хоть разъ виновнымъ въ чемъ либо подобномъ?—У меня

не было и тѣни борьбы съ мерами и членами муниципальныхъ совѣтовъ тѣхъ общинъ къ которымъ принадлежали мои приходы. Съ народомъ я не только вездѣ ладилъ, но, отъ Пичеранды и до Винефлеса, успѣвалъ заслужить отъ своихъ прихожанъ самое искреннее расположеніе. Въ исполненіи своихъ священническихъ обязанностей былъ точенъ до мелочности. За чтоже всѣ эти изгнанія? — Очевидно, всѣ мы, перегоняемые такимъ неистовымъ образомъ, жертвы безсмысленной дисциплины.

Будь всѣ священники несмѣняемы, я доселѣ оставался бы въ Пичерандѣ. По древнему праву, меня не иначе можно было лишить прихода какъ послѣ законнаго судопроизводства. А это судопроизводство не могло быть даже и начато противъ меня по какому нибудь подспудному доносу, или изъ за какого нибудь слова вырвавшагося на праздничномъ обѣдѣ, въ кругу священниковъ. Оно могло быть начато лишь по какому нибудь важному дѣлу, касающемуся вѣры и нравственности, по преступленію каноническому. Церковное законоположеніе опредѣляетъ это очень ясно. Ради какого же блага церкви или общества отринута эта часть церковнаго законоположенія? ради того чтобы тысячи священниковъ могли быть игрушкой необузданнаго произвола епископовъ, ихъ филотей, окружающей ихъ сволочи, и даже приходскихъ барынь съ приходскими биготками включительно?—Ради того чтобы въ видахъ самосохраненія и движенія впередъ священники пресмыкались предъ властью, добивались связей съ биготками — особенно салонными, всегда сильными и вліятельными въ епископіяхъ и, при посредствѣ домашнихъ биготокъ, развращали до самыхъ основъ свои приходы?

И что за крайнее отупѣніе высшихъ властей, допускающихъ эту дичь и необузданность произвола по отношенію къ приходскимъ священникамъ! Каждый изъ нихъ есть, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, непосредственный проводникъ началъ законности въ народныя массы; —но съ какой радости стали бы проводить эти начала они, сами несущіе на себѣ иго беззакон-

нѣйшихъ насилій? Во имя чего стали бы проводить они ихъ, когда ихъ собственный примѣръ служить неотразимымъ опроверженіемъ всего, чтбы ни сказали они по поводу этого?

Обинье—бѣднѣйшее селеніе къ сѣверу отъ Ренна, въ бассейнѣ Илля. Понятно, при ничтожномъ приходѣ и церковь съ пресбитеріей не могли быть богаты; но до чего онѣ были бѣдны, это, не видавши, и представить себѣ трудно. Сдѣлать пресбитерію хоть сколько нибудь сносною для жилья, на это у меня, послѣ столькихъ странствованій, уже не имѣлось никакихъ средствъ. Приходилось довольствоваться тѣмъ-что есть. Но скорби жизни не приходятъ по одиночкѣ. Въ то самое время какъ пришлось оставить Винефлесъ, я получилъ извѣстіе о смерти отца. Ударъ былъ жестокъ для меня, особенно для матери. Прожить хоть нѣсколько лѣтъ вмѣстѣ съ нимъ было самой отрадной надеждой для насъ: такъ лелѣяли мы эту надежду; столько утѣшеній находили въ мысли что онъ принесетъ намъ съ собою нашу дорогую Овернь! Вмѣсто того, и послѣдній прощальный поцалуй на землѣ не удалось намъ отдать ему! И предсмертное благословеніе не судилъ мнѣ Богъ получить отъ него.

Горькой, невыносимо горькой казалась намъ наша ссылка. Одиночество охватывало насъ со всѣхъ сторонъ. Въ довершеніе всего, отъ Фелиси получили мы извѣстіе что и она лишилась своей матери, и что мнѣ только и оставалось молиться за свою благодѣтельницу. Какъ пережито все это время когда каждый мѣсяцъ шелъ за годъ? Одному всевѣдущему и всевидящему вѣдомо.

Такъ, съ 1845 г. дотянулъ я до 1848 года. И наконецъ съ чѣмъ люди не примиряются? и мое положеніе сдѣлалось для меня сноснымъ. Но случилось обстоятельство, по мнѣнію Фелиси и моему, особенно счастливое обстоятельство, которое еще разъ повернуло мою жизнь, и привело къ тому что эти мои записки пришлось помѣтить «Парижъ, улица Монтаборъ», вмѣсто того чтобы онѣ были помѣчены ничтожнымъ Обинье. На этотъ разъ мнѣ не было нужды жаловаться ни на гони-

телей ни на девотокъ съ ихъ властными покровителями:—совершенно свободно оставилъ я епархію Ренньскую.

У моихъ благодѣтельницъ былъ близкій родственникъ—аббатъ Лязера. Въ должности каноника въ Дижонѣ онъ пріобрѣлъ себѣ самую почетную извѣстность. М. Лязера переписывалась съ нимъ, хоть и не особенно часто. Фелиси, по смерти своей матери, продолжала эту переписку, и, своимъ своеобразнымъ взглядомъ на ходъ событій, на лица и дѣла ихъ, своимъ жгучимъ словомъ, такъ расшевелила каноника что онъ повелъ съ нею уже настоящія пренія. Образовалась между ними постоянная переписка и, не видавшись ни разу въ жизни, они сдѣлались друзьями.

Въ революцію 1848 года нѣкоторыя епископіи во Франціи сдѣлались праздными. Одинъ изъ вліятельнѣйшихъ членовъ временнаго правленія зналъ лично аббата Лязера. По его представленію дижонскій каноникъ и былъ назначенъ на одну изъ такихъ епископій,—именно въ Мо.

Утвержденіе не замедлило изъ Рима. Знали либеральныя мнѣнія назначеннаго епископа. Но Пій IX и самъ плылъ тогда на всѣхъ парусахъ либерализма. — Съ этой стороны не встрѣтилось никакихъ затрудненій. За то встрѣтилось затрудненіе изъ за галиканства Лязера. Многихъ трудовъ стоило побѣдить папское отвращеніе къ этому; но таки побѣдили, и грамоты были выданы.

Понятно, вѣсти ни о чемъ подобномъ не доходили въ мою трущобу. И вдругъ, въ одно прекрасное утро, мнѣ доставили письмо — за печатью епископской. — Что еще такое, великій Боже! и какой епископъ въ мірѣ могъ имѣть дѣло до аббата Бертомье, священника трущобнаго Обинье?—Прежде чѣмъ разорвать конвертъ, я читалъ и перечитывалъ адресъ. Да, въ департаментѣ Илля и Виленя, въ Обинье, св. Бертомье:—такъ, ко мнѣ.

Я позвалъ мать, чтобы вмѣстѣ прочитать загадочное посла-

ніе. И въ этотъ разъ она была по истинѣ счастлива. Это была первая радость настоящая, которая дошла до сердца беззавѣтно-самоотверженной матери за все время скитальчества со мною. Прочитанное письмо содержало въ себѣ слѣдующее:

«Г. аббатъ, я много слышалъ объ васъ отъ своей родственницы—Лязера. Я имѣю нужду, для очень трудной должности секретаря епископіи въ Мо, въ человѣкѣ преданномъ и искренне-честномъ. Обращаюсь къ вамъ въ совершенной увѣренности что найду въ васъ именно такого человѣка. Ваши убѣжденія и стремленія мнѣ извѣстны; я раздѣляю ихъ. Общими силами мы постараемся осуществить ихъ, на сколько это окажется возможнымъ.—Ожидаю васъ въ Дижонѣ въ самомъ непродолжительномъ времени, откуда вмѣстѣ и отправимся въ Мо».

Полученное на другой день письмо отъ Фелиси объяснило всѣ подробности этого поворота въ моей судьбѣ. Задумываться мнѣ было не надъ чѣмъ; оставалось лишь принять предложенное. Не обольщая себя никакими мечтами о счастьѣ—какое же можетъ быть счастье для одинокаго земнаго скитальца?—я былъ безконечно радъ за мать: ея скорби, ея тяготы и лишенія оканчивались!..

И что значитъ благопріятно подувшій вѣтеръ!.. Когда я явился въ Реннь, чтобъ взять у его преосвященства отпускъ, на меня смотрѣли уже какъ на значительную особу. Бертомье, такъ безцеремонно загнатый въ Обинье и забытый тамъ, сдѣлавшись секретаремъ человѣка лично знаемаго однимъ изъ членовъ временнаго правленія, вдругъ выросъ въ глазахъ своего епископа;—и до чего выросъ? до самыхъ искреннихъ сожалѣній—что вотъ его, епископа ренньскаго, предупредилъ сотоварищъ въ благоволеніи къ такому достойному священнику—каковъ есть Бертомье;—до самой усердной просьбы—не обвинять ни его сердца, ни его управленія за кажущееся забвеніе, которое ужь ни какъ не продлилось бы много времени. И правъ былъ епископъ: какъ вѣдь знать чего не знаешь? Утвердись новое правленіе, новый епископъ Мо быстро пойдетъ въ гору; а за нимъ и секретарь. Такъ бездѣлицали заручиться на всякій

случай тамъ—у кормила правленія? по крайней мѣрѣ не имѣть врага?—Да ради этого они, смиреннѣйшіе бичи своихъ епархій, благочестивѣйшіе давители всего живаго и разумнаго въ подвѣдомомъ пастырствѣ, и не передъ секретарями только прикинутся агнцами незлобивыми, а передъ кѣмъ угодно — хоть передъ самымъ лакействомъ случайныхъ личностей; ради этого они будутъ лобызаться и воздавать чуть не земныя поклоненія самымъ привратникамъ и придверникамъ идущихъ въ гору лицъ. Людъ сообразительный и дальновидный!—

Я отвѣчалъ его преосвященству что совершенно убѣжденъ въ искренности его сожалѣній, и что не нахожу словъ благодарить его за нихъ.

Мы—съ матерью не замедлили отправиться въ Дижонъ.

Съ своимъ покровителемъ,—такъ, въ письмахъ къ Фелиси, называлъ я своего новаго начальника, прибыли мы въ Мо.

Это былъ человѣкъ добра—во всемъ значеніи, во всей силѣ слова. Епископство нисколько не возбудило въ немъ той дикопошлой гордыни, во всеоружіе которой спѣшитъ облечься большая часть новоиспеченныхъ епископовъ. Преемникъ Босюета, онъ повелъ такую же скромную жизнь въ епископскихъ палатахъ какую велъ въ черезъ чуръ нероскошной квартирѣ каноника. Здѣсь — какъ и тамъ онъ менѣе всего думалъ о себѣ, о своихъ удобствахъ, даже о своемъ спокойствіи; но за то, какъ тревожны были его думы, какъ крѣпки заботы объ этихъ труженикахъ жизни, объ этихъ страдальцахъ земли, что зовутся сельскими священниками!

Съ самаго перваго дня своего епископскаго управленія. онъ усвоилъ себѣ привычки совершенно патріархальныя. Доступный для своего клира во всякій часъ дня и ночи, онъ лишь для свѣтскихъ лицъ имѣлъ одинъ опредѣленный часъ пріема. Чуждый всякихъ притязаній на аристократизмъ, которыми его собратья выползшіе изъ грязи, воображаютъ придать себѣ значеніе предъ людьми свѣта, онъ и передъ под-

чиненными своими, до послѣдняго изъ нихъ, не корчилъ изъ себя ни Юпитера громовержца, ни средневѣковаго барона. Совершенно напротивъ, если чего не выносила его прямая и честная натура — такъ именно пресмыкательства, лести, всѣхъ этихъ унизительныхъ уловокъ которыми человѣкоугодничество дурманитъ все властное и сильное.

Все наше управленіе было устроено на самыхъ простыхъ началахъ. Епископъ Мо держался того правила что въ епархіальномъ управленіи, какъ въ механикѣ, чѣмъ меньше колёсъ и пружинъ тѣмъ лучше. И все шло у насъ какъ по мановенію волшебной палки. Пустое бумагомарательство было начисто изгнано. На серьезныя письма серьезные, но кратчайшіе, отвѣты. На прошеніяхъ обыкновенныхъ разрѣшеній—надпись: fiat ut petitur (да будетъ—какъ просятъ), помѣта епископа,— и бумага возвращается назадъ для исполненія. Такъ все безъ проволочки времени и безъ всякихъ затрудненій для епископіи и для просителей.

Но самое главное—что занимало всѣ помыслы епископа,— было улучшеніе клира ввѣренной ему епархіи. Чтобы это улучшеніе не было мертвой буквой, онъ придумалъ самый разумный способъ—собрать синодъ, на которомъ предположенныя имъ мѣры были бы обсуждены всѣмъ клиромъ епархіи, и уже затѣмъ приняты къ исполненію. А предварительно онъ поручилъ мнѣ написать свое мнѣніе объ этомъ. Я заперся на нѣсколько дней въ свой кабинетъ, и представилъ ему свой трудъ подъ заглавіемъ: «Записка объ епархіальномъ синодѣ». Записка была разсмотрѣна и одобрена епископомъ почти во всѣхъ пунктахъ.

Общее собраніе епархіальнаго клира состоялось въ назначенное епископомъ время. Всѣмъ священникамъ дана была безусловная свобода предлагать свои мнѣнія и совѣты—о злоупотребленіяхъ которыя слѣдовало исправить, объ улучшеніяхъ какія нужно было ввести. Къ чести клира епархіи Мо, должно сказать что ни одно лице не употребило во зло этой свободы совѣщаній. Было нѣсколько болтуновъ; но и ихъ очень

легко ставилъ на точку обсуждаемаго вопроса епископъ, предсѣдательствовавшій на синодѣ. Этотъ скромный образчикъ представительнаго правленія долженъ былъ принести громадную пользу для всѣхъ, что̀ большинство клира поняло очень хорошо. Принятіе предложенныхъ и обсужденныхъ клиромъ мѣръ должно было служить ручательствомъ ихъ точнаго и неуклоннаго исполненія.

Эти мѣры, нужно сказать правду, всѣ были въ пользу клира. Это была его эмансипація.

Основнымъ началомъ, въ моей запискѣ, было то что епископъ могъ постановить на синодѣ, въ силу общаго права, все что касалось клира его епархіи.—На основаніи этого начала, онъ могъ узаконить несмѣняемость всякаго приходскаго священника, учредить независимое судилище для суда священниковъ, отмѣнить массу обычаевъ потерявшихъ всякое значеніе и ставшихъ въ разладъ какъ съ требованіями времени, такъ и съ насущными потребностями.

Все это дѣйствительно было утверждено на синодѣ.

Священники епархіи, лишь за исключеніемъ самыхъ малоприходныхъ, объявлены несмѣняемыми. Учреждено церковное судилище, почти такое же какъ гражданскіе ассизы, на томъ основаніи что священникъ долженъ быть судимъ равными себѣ. Отмѣнены всѣ церемоніальныя отличія при совершеніи таинствъ и обрядовъ; — постановлено — погребеніе бѣднаго совершать точно также какъ и богатаго; такъ и крещеніе, такъ и все.— Большая часть процессій упразднена. Словомъ,— отъ священническаго служенія и до семинарскаго образованія—все было предметомъ свободныхъ обсужденій на нашемъ синодѣ; если не всѣ вопросы были порѣшены, что для перваго синода было невозможно, то и сдѣланное представлялось достаточнымъ чтобы поднять духъ клира, возбудить въ немъ самодѣятельность и подготовить его къ развитію дальнѣйшихъ улучшеній въ его средѣ.

Опредѣленія синода, принятыя и утвержденныя, были напечатаны и, по распоряженію епископа, прочитаны съ каѳедры

во всѣхъ церквахъ. Все что было лучшаго въ клирѣ искренно радовалось что и оно наконецъ вздохнетъ свободнѣе, избавленное отъ позорнаго илотизма; что и оно получитъ возможность — служить дѣлу христову на землѣ, а не корыстнымъ стремленіямъ своего чиноначалія. Могъ ли и я не радоваться при сознаніи что мои горькіе опыты, мои тяжелыя думы о судьбѣ сельскаго духовенства не сгибли таки совсѣмъ безплодно, а, воплощенныя въ «запискѣ», послужили основой для начатыхъ улучшеній цѣлой епархіи? — Да, — прекрасныя это были минуты въ моей жизни.

Къ несчастью, духъ фанатизма, который обуреваетъ клиръ съ самаго возстановленія у насъ христіанства, пустилъ глубокіе корни въ странѣ Босюета, точно также какъ и во всей остальной Франціи. Ультрамонтанство снова зашевелилось. Его возбудителемъ и руководителемъ явилось тожь погибельное общество Іисуса которое, всюду гонимое и для всѣхъ ненавистное, столько разъ уже губило церковь и общество, и столько еще страшныхъ бѣдствій человѣчеству подготовляетъ впереди. Кромѣ всего прочаго, оно пустило въ ходъ и журнальное вліяніе — наглое, неотступающее ни передъ чѣмъ, для личныхъ цѣлей волнующее страсти фанатизма, — эти страсти, взрывъ которыхъ окончательно подорветъ всякое значеніе христіанства.

Нашлась и въ Мо личность, ревностнымъ служеніемъ ультрамонтанству задумавшая проложить себѣ дорогу. То былъ главный викарій при прежнемъ епископѣ. Поддерживаемый нѣкіимъ кардиналомъ, ожесточеннѣйщимъ врагомъ галиканскаго духа, онъ надѣялся въ самое короткое время достигнуть епископства. Кардиналъ дѣйствительно хлопоталъ за него при дворѣ Луи-Филиппа; но, съ паденіемъ этого государя потерявъ всякое значеніе, оставилъ и искателя епископства на волю судьбы. Поэтому, такъ крѣпко желаемый имъ Мо ускользнулъ отъ него и достался, какъ мы видѣли, почтенному Лязера.

Пока епископія была праздною, ему, въ качествѣ главнаго викарія, поручено было управлять епархіальными дѣлами. По-

этому, ему пришлось официально встрѣтить новаго епископа и ввести въ управленіе епархіей. Онъ исполнилъ это чрезвычайно ловко; при чемъ, какъ слѣдуетъ, и рѣчь сказалъ, въ которой умѣлъ польстить совершенно въ мѣру, — ни слишкомъ много, ни слишкомъ мало. Епископъ былъ какъ нельзя болѣе доволенъ, и съ самымъ искреннимъ расположеніемъ отнесся къ оратору. Нѣкоторыя лица изъ гражданскаго управленія, къ которымъ епископъ обратился за совѣтомъ касательно его, увѣрили что дѣла управленія пойдутъ наилучшимъ образомъ, если онъ останется однимъ изъ главныхъ викаріевъ; потому что онъ уже на дѣлѣ доказалъ свою административную способность. Такимъ образомъ онъ, аббатъ Турье, и былъ назначенъ главнымъ викаріемъ при новомъ епископѣ.

Но горько пришлось епископу поплатиться за эту ошибку. Дуализмъ, во всемъ епископальномъ управленіи, не замедлилъ появиться, и самымъ роковымъ образомъ. На синодѣ, Турье безусловно соглашался, какъ и всѣ прочіе, съ преобразовательными мѣрами; иначе, онъ сдѣлался бы невозможнымъ въ епархіи. Но между своими онъ безпощадно порицалъ эти мѣры, и скоро сдѣлался средоточіемъ опозиціи всѣмъ стремленіямъ епископа. — Онъ и подобные ему, разсчитывавшіе также на какое либо чиноначаліе, никакъ не могли переварить правъ данныхъ рядовымъ священникамъ: права эти приходились слишкомъ невыносимыми удилами для ихъ бѣшеныхъ порывовъ—все бить и топтать. Опозиція не замедлила сдѣлаться страшной силой. У насъ въ дѣйствительности было уже два епископа: одинъ — подспудный, который олицетворялъ собою неподвижность, отжившія понятія, теократію, всю эту ветошь передъ которою благоговѣйно преклоняются ненавистники прогреса; другой—настоящій, котораго истинное разумѣніе нуждъ церкви заставляло не только не враждовать съ прогресомъ, но сочувствовать и содѣйствовать ему, для того чтобы сдѣлать его христіанскимъ. Очевидно, эти двѣ личности идти рядомъ уже не могли, и которой либо изъ нихъ неминуемо предстояло сгибнуть.

Борьбы, — въ настоящемъ значеніи слова, тутъ не было, какъ и вообще не бываетъ ея въ столкновеніяхъ между клерикальнымъ людомъ: тутъ уничтожаютъ одинъ другаго втихомолку, подкопами и западнями, тѣми змѣиными способами противъ которыхъ всякая осторожность безсильна, тѣми предательскими лобзаніями которымъ долженъ позавидовать самый закаленный свѣтскій іуда. Такого рода войну повели и противъ епископа. Въ дѣло пустили наилучшее воинство для такой войны — монахинь и девотокъ. При посредствѣ ихъ распустили молву — что епископъ врагъ папы; что всѣ его синодальныя постановленія преданы проклятію въ Римѣ; что лишь возстановится настоящее правленіе во Франціи, которое положитъ конецъ революціонному волненію, первое что сдѣлаютъ въ Римѣ — потребуютъ у новаго правительства, чтобы этотъ несчастный епископъ былъ уволенъ и преданъ церковному суду за свой еретическій синодъ въ Мо.

Все это распространялось быстро и со всевозможными прикрасами, какъ и всякая сплетня въ провинціальномъ городѣ; но главный викарій ничѣмъ не обнаруживалъ чтобы принималъ какое либо участіе въ козняхъ противъ епископа. Даже подозрѣвать было трудно чтобы что либо такое шло отъ него. Между тѣмъ, онъ былъ предводителемъ и распорядителемъ этой войны, и радостно прислушивался къ успѣхамъ своего воинства.

Если же учителя клеймили такимъ образомъ, то, понятно, ученика щадили еще менѣе. А этотъ ученикъ—былъ я, домашній секретарь епископа. Были сострадательныя души крѣпко жалѣвшія достойнаго епископа, который самъ по себѣ былъ святой человѣкъ, но имѣлъ несчастіе, по рекомендаціи своей сумасшедшей родственницы, взять себѣ секретаремъ самаго яраго галиканца и довѣриться ему. Онъ, погибельный секретарь, сбилъ съ толку епископа который не могъ не быть проникнутъ убѣжденіемъ—въ непогрѣшимомъ верховенствѣ папы, въ его неотъемлемомъ правѣ на свѣтскую—царственную власть, въ чемъ все спасеніе церкви предъ ли-

цемъ протестанства и янсенизма. Дошло до того что этотъ несчастный секретарь былъ уже некто иной какъ скрытый янсенитъ, врагъ святыхъ отцевъ церкви, а также и ея самой, самый яростный революціонеръ.

Несмѣняемость утвержденную на синодѣ разрисовывали какъ самую мрачную бездну зла: и управленіе епархіальное сдѣлается невозможнымъ, когда надъ головамм священниковъ перестанетъ каждую минуту тяготѣть грозный бичъ, и вѣра погибнетъ если священники будутъ дѣйствовать лишь за совѣсть, а не за страхъ, и пр. и пр.—все въ такомъ же родѣ. Учрежденное судилище надъ священниками называли революціоннымъ посягательствомъ на права всего церковнаго чиноначалія, значитъ и самаго святѣйшаго отца; потому что право на ничѣмъ неумѣряемое автократорство епископовъ съ ихъ викаріями, право—казнить и миловать лишь по одному личному усмотрѣнію, идетъ отъ него. Чтожъ до единообразія церемоній, съ однообразной платой за нихъ, такъ ужъ тутъ, ни больше ни меньше, сказались соціалисты, проповѣдники равенства, съ преступными замыслами—подорвать значеніе люда почетнаго и богатаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ подорвать и доходы священниковъ богатыхъ приходовъ. И бѣсновались же эти послѣдніе, когда пришлось приводить въ исполненіе эту мѣру синода!... А злодѣй, отверженецъ, который подвелъ и устроилъ всѣ эти штуки, очевидно былъ все онъ же,—погибельный секретарь епископа.

Турьё въ сношеніяхъ со мной былъ вѣжливъ и предупредителенъ до послѣдней степени. Даже замѣтить было нельзя что я ненавистенъ для него, какъ самый лютый врагъ. На совѣтѣ, онъ выслушиваль мои мнѣнія съ самымъ любезнымъ вниманіемъ. Подавалъ свой голосъ почти всегда противъ высказаннаго мною, но такъ что тутъ заподозрить нельзя было что либо иное въ немъ кромѣ простаго несходства мнѣній.

Такъ прошло два года. Я работалъ до изнуренія, до болѣзни: не по розамъ идетъ жизнь епископскаго секретаря, который захочетъ честно служить дѣлу!...

И за всѣмъ тѣмъ, мое положеніе въ епархіи было самое необезпеченное. Я былъ человѣкъ епископа, его довѣренный, его другъ, но епископъ умеръ,—и я ничто: мнѣ сейчасъ же укажутъ дверь изъ этой епископіи гдѣ я въ такой чести теперь. Столько хлопотъ положивши за несмѣняемость всѣхъ другихъ, самъ я, въ силу вещей, остался смѣняемымъ. Я вполнѣ былъ увѣренъ что первое же каноникатство свободное будетъ мое. Но состоявшіе на лице каноники умирать не торопились; пустить въ ходъ какую либо продѣлку, какъ это нерѣдко дѣлается чтобы столкнуть котораго либо изъ нихъ и занять его мѣсто, противъ этого возмутилась бы вся моя душа. Оставалось ждать.

Въ это время совершился попятный поворотъ религіозный. Эта прекрасная вещь которую зовутъ свободой сама даетъ противъ себя оружіе своимъ заклятымъ врагамъ. Они преудобно и преспокойно убиваютъ ее, приговаривая: въ силу самаго твоего принципа мы душимъ тебя. Потому, т. е., они придушаютъ свободу что пользуются свободой.

Ультрамонтанство прожило не больше шести мѣсяцевъ подъ свободнымъ правленіемъ 48 года, какъ сдѣлалось господиномъ всѣхъ положеній. Оно нахлынуло какъ приливъ морской и затопило въ расплохъ все общество, какъ нельзя лучше воспользовавшись для этого общественной опозиціей республиканской формѣ правленія. Оно чрезвычайно ловко прикрылось поворотомъ къ тѣмъ принципамъ на которые повернула внѣшняя сила, подкупомъ войска успѣвшая захватить власть въ свои руки.—И скоро всѣ тѣ въ клирѣ, которыхъ можно было заподозрить въ такъ называвшихся тогда передовыхъ идеяхъ, подверглись самымъ безпощаднымъ преслѣдованіямъ. Токъ ринулся къ религіозному абсолютизму. Самое выраженіе—«вольности церкви галиканской» [1]) оказалось подозрительнымъ, вмѣстѣ съ словомъ—свобода.—

[1]) Не будетъ, думаю, лишнимъ—сказать здѣсь нѣсколько словъ о значеніи *галиканства и ультрамонтанства* во Франціи.—Церковь галиканская—національная католическая церковь у французовъ, свободная до

Кардиналъ о которомъ была рѣчь выше, съ перемѣной правленія, снова протерся въ правительственныя области и сумѣлъ возстановить потерянное было значеніе свое. Къ нему Турье и обратился за помощью, хорошо понимая что подспудная война, какъ ни ловко велъ онъ ее, не доставитъ ему полнаго торжества; и даже, какъ либо обнаруженная, повершится пораженіемъ его самого. Кардиналъ орячо ухватился за это дѣло и повелъ его весьма искусно. Онъ устроилъ — что четырнадцать французскихъ епископовъ подписали доносъ въ Римъ на епископа Мо, съ требованіемъ предать его суду священной конгрегаціи. Этотъ доносъ былъ основанъ на десяти предложеніяхъ, извлеченныхъ изъ нашихъ синодскихъ постановленій; каковыя постановленія обвинялись въ ереси, въ посягательствахъ на права святаго престола и въ соблазнѣ благочестивыхъ душъ.

нѣкоторой степени отъ папскихъ притязаній. Эти притязанія, всегда и вездѣ невыносимыя, не разъ заставляли королей Франціи—то воевать съ папами, то собирать соборы для ограниченія папскихъ стремленій къ преобладанію. Папы не пронимались ни тѣмъ, ни другимъ. Дошло до того—что соборъ французскаго духовенства, бывшій въ 1681 г., предполагалъ было совершенно отдѣлиться отъ папы и основать національное патріаршество; но Людовикъ XIV не согласился на это, и предложилъ духовенству—неотлагая выработать положені , которое могло бы служить основнымъ закономъ и назначило папской власти ясные предѣлы. Вслѣдствіе этого, 19 марта 1682 г., вышла знаменитая декларація французскаго духовенства, опредѣляющая въ четырехъ главныхъ пунктахъ «вольности» галиканской церкви. Главнымъ дѣятелемъ во всемъ этомъ и авторомъ декларації (Déclaration du clergé de France sur la puissance ecclesiastique») былъ Босюетъ, епископъ Мо. Вотъ эти пункты: 1) Короли и другія владѣтельныя лица въ свѣтскихъ дѣлахъ не подлежатъ вовсе папской власти, которая никогда не можетъ и не должна освобождать подданныхъ отъ повиновенія и клятвы въ вѣрноподданствѣ; 2) рѣшенія папы—ниже рѣшеній вселенскихъ соборовъ; и что Костанскій соборъ установилъ въ 4 и 5 засѣданіяхъ (прелаты состоятъ въ непосредственной зависимости отъ короля; французскому духовенству запрещается имѣть сношенія съ Римомъ по дѣламъ церковнаго управленія и т. д.), то на будущее время остается неизмѣннымъ; 3) принятые во всеобщее употребленіе каноны и

Мы съ епископомъ ничего не знали объ этомъ ненавистномъ заговорѣ. Спокойно работали надъ дальнѣйшимъ развитіемъ начатыхъ улучшеній въ средѣ сельскаго духовенства.— Радовались—что обезпеченные въ своихъ правахъ священники самостоятельнѣе и, поэтому, плодотворнѣе начали относиться къ своему дѣлу; что, безъ непрестанныхъ опасеній перегонки съ мѣста на мѣсто, они уже приступали къ прочнымъ улучшеніямъ во всей своей дѣятельности—отъ церковной и до хозяйственной; радовались за радость ихъ, впродолженіи столькихъ лѣтъ забитыхъ и загнанныхъ, а теперь сознавшихъ себя живыми членами церкви и общества, и оттого ожившихъ духомъ и обновившихся силами. Даже мы уже начинали было надѣяться что примирятся съ преобразовательными мѣрами, ради ихъ благихъ послѣдствій, даже тѣ—которые, по началу, озлобленно смотрѣли на нихъ, хоть и не возставали противъ

существующ'е во Франціи законы, учрежденія и обычаи по дѣламъ свѣтскимъ и церковнымъ не могутъ быть измѣняемы папами, и служатъ мѣриломъ при опредѣленіи законности или незаконности дѣйствій папской власти; 4) также и въ дѣлахъ вѣры, если вселенская церковь не опредѣляетъ чего либо положительно и ясно, положенія папы не суть непреложны.—Эти постановленія были торжественно приняты всѣми государственными чинами, и въ силу королевскаго эдикта, имѣющаго свое дѣйствіе и по настоящее время, должны входить въ кругъ учебныхъ предметовъ, преподаваемыхъ въ университетахъ и семинаріяхъ.—Тѣ изъ духовенства которые принимаютъ безусловно эти «четыре вольности», les quatre libertés, и составляютъ галиканскую церковь, или вообще—галиканство. Не трудно угадать что папамъ пришлось это далеко не по вкусу; и они всѣми своими силами возстали противъ этихъ вольностей. Въ самой средѣ французскаго духовенства нашлись епископы, которые примкнули всецѣло къ папскимъ стремленіямъ; явились ревностными защитниками притязаній св. отца, и поэтому ожесточенными врагами галиканства:—вотъ это и есть ультрамонтане. Объ нихъ говорятъ что они больше папы—чѣмъ самъ папа; т. е. въ защитѣ папскихъ притязаній и во враждѣ къ галиканству идутъ дальше самаго папы. Послѣ переворота, посадившаго на престолъ Франціи Луи-Наполеона, ультрамонтане сдѣлались всемогущими и почти совсѣмъ подавили галиканство.—

нихъ открыто. И вдругъ открылась передъ нами горькая истина.

Епископъ со вторымъ главнымъ викаріемъ, человѣкомъ очень кроткимъ и добрымъ, обозрѣвалъ епархію. Это было въ мартѣ 1851 года. Онъ остановился въ Мелюнѣ, у протоіерея, одного изъ лучшихъ и образованнѣйшихъ нашихъ священниковъ, преданность котораго не разъ уже испытали мы. Я оставался въ Мо для отправленія текущихъ дѣлъ. Епископъ только что совершилъ конфирмацію [2]) въ прекрасномъ небольшомъ соборѣ Мелюня.—Сейчасъ послѣ этого къ нему явился префектъ Сены и Марны. Этотъ чиновникъ крѣпко любилъ епископа, и твердо стоялъ за него въ министерствѣ исповѣданій, гдѣ уже давно рѣшено было исключительно благопріятствовать ультрамонтанству, на которое оперлось новое правительство.

Префектъ только что вернулся изъ Парижа. Въ министерствѣ онъ узналъ все—что произошло. И, между прочимъ, слѣдующее: римскій посланникъ совѣтовался съ министромъ—какъ поступить въ такомъ важномъ случаѣ, каковъ канонический процессъ возбужденный передъ священной конгрегаціей, противъ французскаго епископа. Министръ отвѣчалъ что прежде всего должно пріостановиться; а затѣмъ предоставить епископу Мо возможность—самому защищать свое дѣло.

Префектъ разсказалъ все это епископу. Ударъ былъ страшенъ, тѣмъ болѣе что неожиданъ. Достойный человѣкъ не вы-

---

*) Конфирмація — таинство муропомазанія. У католиковъ — совершать это таинство, конфирмовать, имѣетъ право лишь одинъ епископъ, что и дѣлается епископами при обозрѣніи епархій. Дѣти представляются на конфирмацію лишь тогда какъ изучатъ Символъ вѣры, десять заповѣдей и главнѣйшія молитвы. Конфирмація совершается такъ: на каждаго или на каждую епископъ сначала возлагаетъ руки; затѣмъ помазываетъ св. муромъ лобъ, съ словами: «знаменую тебя знакомъ креста»; наконецъ креститъ трижды преклоненную голову, съ словами: «и конфирмую (утверждаю, укрѣпляю) тебя елеемъ спасенія».—У насъ это таинство совершается подрядъ съ крещеніемъ.

*

держалъ этого потрясенія. Онъ видѣлъ себя погибшимъ, обезчещеннымъ. Воспаленіе въ мозгу,—и въ слѣдующую затѣмъ ночь апоплексія въ нѣсколько часовъ выхватила изъ среды живыхъ человѣка, для котораго жить значило — дѣлать добро.

Вѣсть объ этомъ событіи и о причинѣ его не замедлила дойти до насъ. Что̀ долженъ былъ перечувствовать я, получивъ это неожиданное извѣстіе, угадать не мудрено. Я понялъ— откуда эта буря, и насколько я стою подъ ея ударами. Я— одинокій, безсильный и беззащитный, — и цѣлая шайка фанатиковъ, опирающихся на парижскихъ ультрамонтановъ! Не отрадное положеніе!

Въ тотъ самый день какъ получено было извѣстіе о смерти епископа Лязера, совѣтъ собрался и, во время засѣданія, назначилъ капитульныхъ викаріевъ для управленія епархіей до новаго епископа. Какъ и слѣдовало ожидать, во главѣ управленія сталъ Турьё съ двумя другими канониками— его преданнѣйшими друзьями. Непосредственно за тѣмъ я сдалъ имъ всѣ бумаги секретаріата.

На слѣдующій день, первое дѣло, какимъ занялись на совѣтѣ, было мое.

— Оставаться г. Бертомье въ Мо—совершенно неудобно: ему пришлось бы вытерпѣть здѣсь много огорченій и скорби. Нужно пощадить его отъ этого тяжелаго положенія. Къ сожалѣнію, въ настоящее время для него нѣтъ ни одного мѣста сколько нибудь значительнаго. Единственно свободный приходъ—въ Мулиньонѣ; — туда онъ и назначается.

Такова сущность рѣчи которую Турьё держалъ въ совѣтѣ и повторилъ мнѣ по выходѣ изъ него. Онъ выразилъ мнѣ свое глубокое сожалѣніе что епархіальное управленіе не нашло никакой возможности сдѣлать для меня что либо лучше. Выразилъ также и свое убѣжденіе что новый епископъ, котораго провидѣніе пошлетъ въ Мо, не оставитъ вполнѣ вознаградить заслуги какія оказалъ я епархіи, при достойномъ сожалѣній и слезъ епископѣ Лязера.

Честнѣе этого, очевидно, похоронить было нельзя; и рѣчь надгробная сказана, какъ водится, съ обѣщаніемъ всяческихъ вознагражденій. Мнѣ оставалось лишь поклониться благодѣтелю, что я и сдѣлалъ не сказавъ ни одного слова, и отправляться въ Мулиньонъ.

И такъ, я опять сельскій священникъ—и въ одномъ изъ ничтожнѣйшихъ приходовъ:—да будетъ такъ!. Но конецъ ли здѣсь моего скитальчества? Иль судьба еще куда либо кинетъ меня?—Это должно разрѣшиться съ новымъ епископомъ.

Въ Мулиньонѣ я встрѣтилъ народонаселеніе — не чуждое нѣкотораго внѣшняго образованія, но почти безрелигіозное. Эти богатыя равнины Сены и Марны, съ своими роскошными пажитями и плодородными полями, не говорятъ ничего религіозному чувству. Человѣкъ полей, хорошій земледѣлецъ, ловкій промышленникъ, умѣющій читать и писать, выдержанный и вѣжливый,—изъ за мистицизма священниковъ давно уже бросилъ церковь въ этой странѣ. Латинь, — онъ ее не понимаетъ; богослуженіе, — онъ не разумѣетъ его внутренняго смысла; догматы которымъ, лучше или хуже, выучили его въ дѣтствѣ, — онъ спрашиваетъ — къ чему они служатъ. Отсюда, безусловное равнодушіе ко всему что только зовется вѣрованіемъ, съ нескрываемымъ нерѣдко презрѣніемъ къ тѣмъ которые называютъ себя вѣрующими. Отсюда, руководительное начало жизни — чуть замѣтные проблески нравственности, подкрѣпляемые жандармеріей и полицейско-судебными внушеніями.

Я скоро понялъ какой тяжкій трудъ предстоитъ мнѣ въ Мулиньонѣ: моей жизни, если только оставятъ меня здѣсь, и еще жизни двоихъ — троихъ преемниковъ едва ли будетъ достаточно чтобы вернуть народъ къ христіанству. Трудность необъятная: здѣсь католицизмъ изветшалъ и истлѣлъ до послѣдней степени. Нельзя было не видѣть и не сознавать этого. Во всей странѣ никто не вѣритъ не только что въ честность и искренность священниковъ, но даже въ возможность какой-либо добродѣтели въ нихъ. И это сдѣлалось всеобщимъ—не-

поколебимымъ убѣжденіемъ. Отецъ передаетъ въ своей семьѣ, со всѣмъ авторитетомъ истины, что священникъ — вѣчный лицемѣръ, маскирующійся въ благочестіе, проповѣдующій всевозможные подвиги, а втайнѣ предающійся всѣмъ тѣмъ наслажденіямъ какія пригодны для животной стороны человѣка; и что наиболѣе честные изъ нихъ по внѣшности, это тѣ—которые лучше другихъ умѣютъ скрывать свою игру. Нерѣдкіе случаи соблазновъ, поразительныхъ и рѣзкихъ, особенно по части прекраснаго пола — съ извѣстными послѣдствіями, передаваемыхъ на народныхъ сборищахъ со всѣми возможными насмѣшками и потѣшно — язвительными поясненіями, доканчиваютъ отцовско-семейное вразумленіе касательно священниковъ. Вотъ почему, какъ людямъ извѣстной профессіи покровительствуемой правительствомъ, имъ воздаютъ здѣсь внѣшнее почтеніе; даже, по старымъ преданіямъ, и обращаются къ нимъ за совершеніемъ кое какихъ обрядовыхъ внѣшностей; но помимо этой внѣшности, священникъ здѣсь — притча и посмѣхъ народный.

Въ довершеніе несчастія, большинство священниковъ въ мѣстности Сены и Марны все продолжаетъ бить на мистицизмъ, давно и всецѣло отринутый народомъ. Нафанатизировать нѣсколько девотокъ въ своемъ приходѣ — считаютъ они высшимъ подвигомъ своего пастырства; совершать служенія съ трескомъ и блескомъ, въ этомъ полагаютъ они свое призваніе, какъ будто и не замѣчая что масса начисто бросила ихъ — со всѣми ихъ велелѣпіями, со всѣми ихъ громовыми рѣчами объ отняхъ и жупелахъ, и тому подобныхъ страхованіяхъ. Народъ здѣсь логическимъ путемъ дошелъ до отрицанія священника, а чрезъ священника, до всецѣлаго безразличія въ дѣлѣ религіи; этимъ же путемъ, — логическимъ путемъ мысли, сознанія и разумнаго убѣжденія и можно его вернуть къ доктринамъ евангельскимъ. Только этимъ, и никакимъ другимъ. Мистицизмъ — даже самый искренній, безъ заднихъ мыслей и корыстныхъ цѣлей, никогда ничего инаго не до-

бьется кромѣ чисто внѣшнихъ вліяній, которыя въ дѣлѣ религіи и нравственности не особенно много значатъ.

Этимъ, такъ сказать, раціональнымъ способомъ я и началъ было дѣйствовать въ Мулиньонѣ. Но, увы, слишкомъ немного времени, лишь нѣсколько недѣль, пришлось мнѣ дѣйствовать здѣсь. И въ этотъ короткій срокъ я успѣлъ убѣдиться — что нѣтъ такой засоренной и заглохшей почвы которую, съ терпѣніемъ и любовію, нельзя было бы расчистить; нѣтъ такихъ предубѣжденій которыхъ, правдой жизни и дѣлъ, нельзя было бы побороть. Я постановилъ своей задачей — прежде всего сблизиться съ своими новыми прихожанами — просто въ качествѣ честнаго человѣка, чтобы затѣмъ приблизить ихъ къ священнику. И сближеніе мое, даже съ вліятельнѣйшими лицами прихода, начиналось было при самыхъ благихъ предзнаменованіяхъ.

Новый епископъ Мо не далъ мнѣ времени кончить начатое дѣло.

Преемникомъ Лязера былъ епископъ Узоръ, уже составившій себѣ извѣстность въ клерикальномъ мірѣ своимъ ультрамонтанствомъ, или, точнѣе, фарисействомъ. Онъ представлялъ собою поразительный образчикъ — чего, въ темномъ мірѣ фарисейства, можетъ добиться личность — съ самыми ограниченными умственными силами, самая тупая въ дѣлѣ науки и образованія, но умѣвшая выработать въ себѣ фарисея — въ совершенствѣ.

Выдвинутый, за какія то темныя услуги, и поставленный на служебную сцену однимъ изъ вліятельнѣйшихъ фарисеевъ прежняго времени, онъ скоро смекнулъ что путемъ прямымъ ни до чего недойдешь; а бѣсъ тщеславія былъ не послѣдній бѣсъ которому онъ работалъ. Не изобрѣлъ конечно онъ новаго пути; но ловко умѣлъ воспользоваться той маской смиренія и благочестія, которою можетъ прикрываться все — и тупость, и умственная недальность, и самая безпроглядная тьма души.

У смиреннаго и благочестиваго — какъ не найтись поклонниковъ и поклонницъ? И потащили въ гору олицетворенное смиреніе, не задаваясь вопросами, — не водится ли въ тихомъ омутѣ чего либо противоположнаго смиренію: ханжи и девотки не терпятъ и не допускаютъ подобныхъ вопросовъ. Угодничество, низкопоклонство, гдѣ требуется — пресмыкательство, — все во имя смиренія и благочестія, — и епископія не замедлила.

Но не возрадовалась епархія подъ управленіемъ смиреннаго и благочестиваго мужа, т. е. не возрадовалось — что было лучшаго и разумнѣйшаго въ епархіальномъ клирѣ. Смиреніе задалось самымъ христіанскимъ дѣломъ — все подвести подъ одинъ уровень ничтожества, которое благоговѣйно раболѣпствовало бы предъ нимъ и трепетно пресмыкалось бы у праха ногъ его; и какъ нельзя успѣшнѣе повело свое дѣло. Два три примѣра, — дерзнувшихъ было сохранить свое человѣческое достоинство предъ олицетвореннымъ благочестіемъ, скоро вразумили остальныхъ и наглядно доказали что смиреніе не прощаетъ такихъ вещей, и умѣетъ мстить за дерзновенную мысль — видѣть и сознавать въ себѣ человѣка. Но за то все пошлое, все растлѣнное и порочное находило себѣ въ немъ самое искреннее сочуствіе и покровительство: — вѣдь уже это не превозносилось, а смиренно лобызало прахъ его ногъ; значитъ, было именно тѣмъ самымъ чѣмъ стремился онъ, олицэтворенное смиреніе, сдѣлать весь свой клиръ. И кто изъ людей свѣта, незнакомыхъ съ закулисной хроникой клерикальнаго міра, повѣрилъ бы что олицетворенное благочестіе горой стояло за этихъ развратителей каждой данной мѣстности, которые въ стѣнахъ своихъ аббатствъ вырабатываютъ развратъ, до какого и язычество не всегда доходило? Отстаивало ихъ послѣ такихъ вопіющихъ подѣтелей за каковые простому смертному, не прикрытому одеждою спасенія, неизбѣжно предстояли галеры, или что либо еще и худшее? — А оно такъ было... И тяжко поплатились нѣкоторые священники, осмѣлившіеся было поискать у благочестиваго епископа

помощи противъ этой лавины нравственнаго растлѣнія, которая неизцѣльно губила ихъ прихожанъ: по суду епископа они совершали хамово преступленіе и, разумѣется, несли соразмѣрную съ преступленіемъ кару. И скоро все смолкло — подавленное и раздавленное олицетвореннымъ смиреніемъ.

Но за то биготки,— а теперь уже цѣлый рой, и какихъ еще? — самыхъ аристократичныхъ, окружали олицетворенное смиреніе и благочестіе, — чуть только не молились на этого благодѣтеля развратителей народа. И какъ не молиться? — вѣдь тамъ — и тутъ сотворились подѣтели изъ рукъ вонъ не подходящія; вѣдь другой на его мѣстѣ цѣлое аббатство встряхнулъ бы и не пожалѣлъ бы усилій, хоть бы съ цѣлымъ орденомъ пришлось вынести борьбу ради этого, очистить данное мѣсто отъ этой язвы; а онъ, смиренный ангелъ во плоти, все прикрылъ и рты хамамъ зажалъ... И какъ не молиться? вѣдь его филотеямъ доподлинно извѣстно какіе подвиги поста и молитвы совершаетъ онъ; даже на самой смиренно-благочестивой физіономіи его выражается: «стань передо мною на колѣна и молись»; а тихая, чуть слышная рѣчь? а ангельски-кроткая улыбка? а самоотверженіе съ которымъ онъ отдаетъ аристократичнымъ биготкамъ свои дни и ночи?.. И не пропали даромъ самоотверженные подвиги благочестиваго мужа: за смиренное управленіе бѣдной и незначительной епархіей его скоро перемѣстили на одну изъ самыхъ значительныхъ и богатыхъ.

Здѣсь еще ревностнѣе принялся онъ за свои смиренно-благочестивые подвиги, что̀ и необходимо было; потому что клиръ его новой епархіи стоялъ довольно высоко въ умственномъ развитіи и образованіи; значитъ, не совсѣмъ легко было смирить его на столько чтобы придавить весь составъ епархіальнаго клира до совершеннаго ничтожества. Но чего нельзя добиться такимъ магическимъ оружіемъ — каковы смиреніе и благочестіе, восторженно прославляемыя биготками? Не безъ борьбы, не безъ противодѣйствій, но таки выполнилъ и здѣсь свою благочестивую задачу смиренный епископъ: все

подвелъ подъ одинъ уровень илотизма. Но этого оказалось уже недостаточно для его ревности: передъ нимъ стоялъ еще врагъ, котораго нужно было стереть съ лица земли и который назывался — «образованіе народа». Образованіе народа который долженъ блуждать въ неисходной тьмѣ, потому что лишь подъ этимъ условіемъ онъ и можетъ вѣровать въ смиреніе и благочестіе своихъ пастырей и архипастырей, и во все — чему учатъ они, — развѣ можно допустить это погибельное образованіе? и особенно, если образователемъ народа будетъ какое нибудь тамъ министерство просвѣщенія, а не клерикальная власть — которая знала бы ужь какъ распорядиться съ этимъ дѣломъ? — Нѣтъ, война этому врагу — до совершенной побѣды надъ нимъ.

Но тутъ случилось какое то преткновеніе для смиренно-благочестивой ревности епископа. Стоялъ ли въ непріязненныхъ отношеніяхъ ко всей ультрамонтанской партіи министръ просвѣщенія, имѣлъ ли настоящее понятіе о ревностномъ епископѣ; — отъ общей или частной причины — неизвѣстно, но только смиреніе на этотъ разъ промахнулось: вмѣсто одной изъ самыхъ высшихъ архіепископій на которую, не жалѣя никакихъ силъ и интригъ, старались втянуть его аристократичныя биготки, оно угодило въ Мо. — Угодило, конечно, на время; потому что не министрамъ же просвѣщенія торжествовать надъ аристократичными биготками, которыя всегда найдутъ пути и способы поставить на своемъ.

Извѣстно было все это клиру Мо, и поспѣшили на встрѣчу новому владыкѣ даже тѣ священники которые искренно оплакивали Лязера. И что иное могли они сдѣлать? Для всѣхъ было очевидно что пересталъ дуть вѣтеръ благопріятный для галиканскихъ вольностей; не говоря ни слова, каждый понималъ что дѣлу эмансипаціи, такъ счастливо — было начатому, насталъ конецъ. И оставалось благоговѣйно встрѣтить новаго епископа, уже доказавшаго свою артистическую способность подводить свой клиръ подъ общій уровень смиреннаго ничтожества.

Но онъ, предусмотрительный человѣкъ, не прежде явился въ епархію какъ настоявъ у римской конгрегаціи — чтобы были преданы осужденію галиканскія постановленія синода, бывшаго въ Мо. — Главный виновникъ этого синода сошелъ въ могилу, и тѣмъ избавился отъ позорнаго клейма которое готовила ему римская курія. Но оставались акты собора: торжественнымъ декретомъ, подписаннымъ самимъ Піемъ IX, они и объявлены недѣйствительными, несуществующими, еретическими, преданными анаѳемѣ за посягательство на права святаго престола. Новый епископъ получилъ предписаніе — вырвать ихъ изъ протоколовъ епископіи и торжественно предупредить клиръ и народъ что верховный первосвященникъ, своей непогрѣшимой властію, ихъ осудилъ, отмѣнилъ и уничтожилъ; что воспрещено ихъ читать, держать у себя, обобщать посредствомъ печати или другимъ какимъ образомъ; что всѣ мнимыя права, созданныя въ силу этихъ актовъ, уничтожаются сами собой, и что новый епископъ вступаетъ въ полноту своей власти надъ клиромъ, котораго жалкое епископство Лязера, этого «человѣка развращенныхъ ученій», могло уже пріучить къ неповиновенію и къ презрѣнію святыхъ обычаевъ и мудрыхъ заповѣдей церкви — матери и учительницы.

Для объявленія этого грознаго рѣшенія новый епископъ созвалъ всѣхъ насъ въ Мо. Явился и я вмѣстѣ съ другими, которыхъ нашелъ сосредоточенными и мрачными. Угрюмое молчаніе царствовало въ этомъ собраніи. Это была настоящая восточная нѣмота. Предсталъ, послѣ долгаго ожиданія, и католическій паша во всемъ величіи деспота. Онъ началъ съ объясненія важности и непогрѣшимаго значенія декрета, присланнаго изъ Рима. Видимо, ему хотѣлось озадачить и поразить новый клиръ своимъ краснорѣчіемъ; но, увы, краснорѣчія было много, лишь смысла все както недоставало. Зато, жолчи было черезъ чуръ: онъ не пощадилъ никого своими язвительными намеками. Досталось таки и на мою долю.

Затѣмъ, разгромивши въ прахъ всѣ постановленія своего

предшественника, онъ заявилъ намъ и то-чѣмъ намѣренъ замѣнить ихъ. Чтожъ придумала ради этого его мудрость?

Онъ воспрещаетъ священникамъ, подъ карой отлученія: имѣть длинные шлейфы у ризъ, что предоставлено лишь епископамъ; выставлять брыжи на сутанахъ, что напоминаетъ священниковъ древней галиканской церкви, и пр. и пр. все въ такомъ же родѣ.

Все это было лишь нелѣпо и смѣшно, и обличало истаго фарисея у котораго впереди всего — шлейфы, сутаны и тому подобный вздоръ, ничего не значащій въ священническомъ служеніи. Но изобрѣла же эта мудрость и далеко не смѣшную штуку.

Уничтоживъ общую несмѣняемость священниковъ, онъ заявилъ что сдѣлаетъ смѣняемыми даже кантонныхъ священниковъ — несмѣняемыхъ по самому конкордату. Именно, онъ не иначе будетъ поставлять кантоннаго священника какъ взявши отъ него предварительно просьбу объ отставкѣ, безъ означенія числа. Это значило что каждый кантонный священникъ будетъ въ безусловной зависимости отъ епископа: въ любую минуту онъ дастъ этой просьбѣ ходъ и, безъ всякаго столкновенія съ свѣтской властію, священникъ оставитъ свое мѣсто.

Штука, нужно сказать правду, артистически изобрѣтенная: каждый — самъ, съ первой же минуты своего несмѣняемаго священства, повѣситъ надъ своей головой мечъ Дамоклеса!.. Только смиреніе съ благочестіемъ, олицетворенныя въ одной личности, и могутъ изобрѣсти такую штуку.

Онъ заключилъ строжайшимъ воспрещеніемъ, подъ страхомъ всевозможныхъ каръ, проводить галиканскія воззрѣнія — устно, письменно, печатно, какимъ бы то ни было способомъ; такъ какъ рѣченныя воззрѣнія, противныя правамъ святаго престола, осуждены и преданы анаѳемѣ въ Римѣ. — Удивляться нужно, еще какъ онъ не воспретилъ думать объ этомъ несчастномъ галиканствѣ, — невыносимомъ кошмарѣ ультрамонтановъ, хоть бы подъ карой вѣчной анаѳемы: недосмыслилось, должно быть.

По окончаніи грозно-краснорѣчивой, но мало связной и толковой, рѣчи, по манію преосвященнѣйшаго, всѣ священники растянулись передъ нимъ на полу; онъ преподалъ имъ свое владычнее благословеніе и удалился торжественно.

Но, какъ будто, тутъ нѣчто было забыто, именно—бывшій секретарь бывшаго епископа. Вмѣстѣ съ другими вышелъ и я изъ пріемнаго зала, полный невыносимо горькихъ и тяжелыхъ думъ и торопясь въ свою пресбитерію. Напрасная надежда на забвеніе: тутъ никого и ничего не забываютъ. Не успѣлъ я сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ, какъ меня нагналъ лакей и потребовалъ къ епископу.

Я нашелъ епископа во всемъ блескѣ его величія, окруженнаго его главными викаріями, изъ которыхъ первымъ былъ аббатъ Турье. На мой поклонъ епископъ отвѣтилъ юпитеровскимъ взглядомъ, не испепелившимъ однакоже меня.

— Вы г. Бертомье?

— Точно такъ, ваше преосвященство.

— Признаете ли вы что эта рукопись написана вашей рукой?

Я разсмотрѣлъ поданную мнѣ рукопись. Это была моя — «Записка о синодѣ».

— Точно такъ, ваше преосвященство.

— Копія ли это съ произведенія составленнаго кѣмъ либо инымъ, или ваше собственное произведеніе, ваши личныя мысли?

— Мои личныя мысли и мое собственное произведеніе.

— Отлично! г. аббатъ; мысли самыя спасительныя.. Я не могу ввѣрить пастырство народа. въ ничтожнѣйшемъ изъ моихъ приходовъ, человѣку который хоть разъ могъ заявить такія мысли. Галиканецъ вашего сорта, съ вашими революціонными понятіями въ религіи, хуже для меня всякаго еретика. А ужь я не потерплю никакого еретика въ своей епархіи. Слишкомъ достаточно и того что моя каѳедра осквернена прахомъ этого врага святаго престола, который зовется Босюетомъ, котораго... которому...

И посыпались со смиренно-благочестивыхъ устъ ругательства и проклятія, въ пересыпку съ св. текстами, на Босюета, на епископовъ утвердившихъ «вольности», на ихъ послѣдователей, на все галиканство: видимо, смиреніе вошло въ свою колею. Жалѣть нужно что аристократичныя биготки не насладились этимъ поражающимъ, въ самомъ буквальномъ значеніи слова, краснорѣчіемъ, — къ тихой рѣчи и ангельской улыбкѣ своего кумира онѣ могли бы прибавить новую черту... Чтожь до меня то, не скрою правды, мнѣ слышалась змія, разсвирѣпѣвшая и неистово шипящая, которая, вотъ—вотъ, хватитъ своимъ смертельнымъ жаломъ своего беззащитнаго врага. А какъ этотъ беззащитный врагъ и былъ — я самъ, то не трудно понять — легкія ли минуты переживалъ я подъ шипящими звуками смиренно-благочестиваго краснорѣчія.

— Вы понимаете поэтому, г. аббатъ, что вы невозможны навсегда въ моей епархіи. Для насъ, виновнѣйшіе преступники въ клирѣ не тѣ которые претыкаются и падаютъ. Послѣ нравственныхъ паденій возстаютъ. — Паденіе дѣлаетъ смиреннымъ, и чѣмъ глубже паденіе тѣмъ больше и смиренія. Виновнѣйшіе преступники, по нашему, гордецы которые думаютъ учить церковь. Вотъ эти оканчиваютъ нераскаянностью. Гордость никогда не обращается.

— Не стремленіе къ правдѣ жизни и дѣлъ, — фарисейство ведетъ къ гордости которая никогда не обращается; — вертѣлось было у меня на языкѣ, — но что ужъ подливать масло въ огонь?

— Мы можемъ, господа, продолжалъ епископъ обращаясь къ своимъ викаріямъ, если вы найдете это подходящимъ, сдѣлать попытку въ томъ для г. аббата. — Пусть онъ окончитъ свои дни между трапистами гдѣ, сдѣлавшись послѣднимъ изъ всѣхъ, въ сокрушеніи и слезахъ, можетъ очистить соблазнъ своихъ ученій и молить Бога о просвѣщеніи своего заблудшаго ума. Конечно, я долженъ бы поступить строже, потому что дѣло идетъ о «развращенныхъ ученіяхъ» которыми увлекся и другихъ увлекъ этотъ аббатъ; но я — судья, въ тоже время

и отецъ; поэтому съ состраданіемъ долженъ позаботиться объ его душѣ. Это будетъ дѣломъ любви которое, надѣюсь, вы одобрите, господа.

Викаріи поклонились въ знакъ согласія.

— Г. Бертомье, вы лишаетесь всѣхъ своихъ правъ. Совѣсть приказываетъ мнѣ поступить съ вами съ такой крайней, повидимому, строгостью. Въ сущности, это очень милостиво. Въ благодатные вѣка церкви, инквизиція, это великое и святое учрежденіе котораго недостойно настоящее время, съ вами поступила бы несравненно строже. — Ваше упорство въ преступленіи стоило бы вамъ костра въ это благодатное время, когда какъ на виновныхъ въ оскорбленіи величія смотрѣли на всѣхъ тѣхъ которые осмѣливались нападать, какимъ бы то ни было способомъ, на чистоту ортодоксіи. Теперь у насъ нѣтъ этого могущественнаго содѣйствія свѣтской власти. Придется еще подождать намъ нѣсколько времени. Но наконецъ, если Богъ продлитъ дни нашего епископства, если водворится прочно въ нашей Франціи власть христіанская и самодержавная, то, — мы несомнѣнно вѣруемъ въ это, въ своемъ собственномъ интересѣ, она возстановитъ священныя привилегіи, неотчуждимыя права церкви. Ея спасеніе, необходимость побѣдить зло, т. е, все враждебное ей, этой власти, логически приведетъ ее къ необходимости возвратить то-что отняли у насъ злыя времена. За эту цѣну мы сможемъ поддержать ее.

И еще что то многое шипѣлъ достойный прелать о надеждахъ ультрамонтанъ на лучшія времена, когда власть во Франціи будетъ на столько христіанская что возстановитъ и вглавѣ всего поставитъ святую инквизицію; но нѣтъ нужды воспроизводить здѣсь все это шипѣніе. Наконецъ онъ опять таки повернулъ на мою злосчастную личпость; не весь, значитъ, еще ядъ былъ спущенъ съ смиренно—благочестиваго жала.

— Такъ, г. Бертомье, вы ускользаете отъ этой вполнѣ заслуженной вами кары, цѣль которой — разрушая тѣло, спасти душу. Но изъ этого не слѣдуетъ чтобы вы могли ускользнуть и

отъ нашей духовной кары, по отношенію къ которой всякое свѣтское правительство не значитъ ровно ничего. И такъ мы, въ полнотѣ своей епископской власти, призвавъ святое имя Бога, послѣ строгаго изслѣдованія исполненной «развращенныхъ ученій» рукописи, подъ названіемъ — «Записки о синодѣ» которую вы, аббатъ Бертомье, признали составленною вами самими, — мы осуждаемъ васъ на пожизненное покаяніе въ монастырь — трапистовъ, а буде угодно—картезіанцевъ.

Но какъ снисходящей и милующей любовію Христа Іисуса полно наше сердце, — «любы Христова обдержитъ насъ», то мы напишемъ почтенному отцу настоятелю монастыря чтобы это покаяніе, такъ строгое по канонамъ, т. е. лишеніе всего кромѣ хлѣба и воды, повременамъ было облегчаемо для васъ; чтобы вамъ давали иногда вареные овощи, какими питаются подвижники въ этихъ святыхъ обителяхъ.

Этимъ мы хотимъ выразить вамъ снисходительность епископа, который поражаетъ васъ для того чтобы вы изцѣлѣли, какъ и Богъ—«не хотящій смерти грѣшника, но еже обратитися и живу быти ему». Войдите въ себя, г. Бертомье. Жизнь коротка. Мы здѣсь странники: часъ отчета настанетъ скоро. Блаженны будете вы, покаяніемъ, постомъ и слезными молитвами изгладивши соблазнъ причиненный вами церкви божіей.

Онъ всталъ. Встали и его викарные. — Рѣчь, значитъ, кончена.

Я молчалъ.

— Какой же монастырь избираете вы, г. Бертомье?

— Никакого, ваше преосвященство, отвѣчалъ я тихо.

И, почтительно поклонившись его преосвященству, отдавъ по поклону и каждому изъ викаріевъ, я повернулся и вышелъ.

Значитъ, конецъ!...

Я изгнанъ изъ священства; это расплата мнѣ за то что я имѣлъ дерзость — не пристать къ партіи губителей вѣры

христовой на землѣ, мракобѣсцевъ — задавшихся благодѣтельными стремленіями все погрузить во тьму и сѣнь смертную, ради своего безграничнаго преобладанія надъ всѣмъ. Смиреніе и благочестіе изволили выразить ясно и просто: еслибъ ты попалъ въ распутствѣ, въ развращающихъ народную нравственность дѣяніяхъ, въ какомъ угодно нравственномъ безобразіи, — для тебя было бы прощеніе. Достаточно было сказать въ такомъ случаѣ епископу, понятно, съ колѣнопреклоненіями и слезными потоками: я согрѣшилъ, имѣйте состраданіе къ моей слабости; и епископъ поднялъ и обнялъ бы кающагося грѣшника, и не помышляя о причиненныхъ тобою соблазнахъ. Мало этого, ты могъ еще разсчитывать на особенное благоволеніе къ тебѣ епископа: вѣдь ты выразилъ передъ нимъ смиреніе, до какого чистый и правый никогда не унизится; а не смиреніе ли клира всего и нужнѣе смиренному и благочестивому епископу? Значитъ, ты получилъ все право нато — чтобы онъ возвысилъ и превознесъ тебя.

Но тебя обуяла гордость на столько — что ты задумалъ о преобразованіяхъ въ клирѣ, о правахъ илотовъ, объ ограниченіи ничѣмъ необузданнаго деспотизма католическихъ пашей; — тебѣ ли же, возмутителю и бунтовщику, революціонеру въ религіи, прощеніе или какая нибудь пощада? — никакъ! Ты виновнѣйшій изъ преступниковъ; преступленіе твое можетъ очиститься лишь костромъ; а какъ, къ величайшему сожалѣнію, костры теперь не въ модѣ, и скороль они опять войдутъ въ моду — Богъ вѣсть, то изволь отправиться во святую обитель гдѣ тебя сумѣютъ очистить почище всякаго костра; а кстати мы и письмо напишемъ къ отцу настоятелю.

Я ничего неотвѣчалъ тому — кто былъ моимъ обвинителямъ и судьей; потому что это былъ бы трудъ потерянный. Всѣ эти почтенные господа, — отстаивающіе непогрѣшимость римскаго первосвященника, изъ за того и бьются чтобы самимъ быть непогрѣшимыми папами, — каждому въ своей епархіи: круговая порука!.. Какое же есть человѣческое слово противъ непогрѣшимыхъ рѣшеній?

А кромѣ того, я имѣлъ дѣло съ несомнѣннымъ фарисеемъ,— фарисеемъ уже той крайней степени, когда онъ самъ вѣритъ тому — что говоритъ; когда фарисейство дѣлается чѣмъ то въ родѣ убѣжденія. Со всякимъ другимъ, я еще могъ бы разсчитывать что слово правды найдетъ отзвучіе въ его душѣ; но у фарисея этой степени закрыты всѣ внутреннія и внѣшнія чуства для правды — въ ея истинномъ значеніи. Взамѣнъ ея, онъ весь полонъ своей «правдой — фарисейской» подъ которую, необинуясь, можно подвести какое угодно преступленіе, которая оправдаетъ всякое злодѣяніе, всякое попраніе законовъ, — не только человѣческихъ но и божіихъ. Чтожь подѣлаетъ съ этимъ людомъ слово обыкновеннаго смертнаго, когда слово самаго безсмертнаго не нашло доступа въ души людей такого закала? — Они распинаютъ, душатъ, во святыя обители посылаютъ на пытки и истязанія, и, — кто чуждый заквасы фарисейской повѣритъ? — такими разбойничьими дѣяніями «мнятъ службу приносити Богу».. Да!. Во имя Отца небеснаго, «призвавъ святое имя Бога», Бога правды и любви, изрекаютъ они свои кровожадные приговоры противъ дерзновенныхъ — непреклоняющихъ передъ ихъ «фарисейской правдой»: возмутительно, кощунственно; но вѣдь они «службу приносятъ Богу» этимъ; чтожь скажешъ противъ этого?

Оттого я и не пытался на словесную борьбу съ своимъ обвинителемъ и судьей.

Но у меня оставалась еще противъ него великая сила. Онъ хорошо сознавалъ это, когда выражалъ свою скорбь — что во Франціи нѣтъ христіанской власти которая подвергла бы меня физическимъ истязаніямъ вслѣдствіе епископскаго осужденія. Человѣкъ девятнадцатаго вѣка, свободный — по закону неизгладимо врѣзанному въ общественное сознаніе и по самому кодексу, я былъ, даже предъ лицемъ этого деспота, личность неприкосновенная. При епископіи въ Мо не было, какъ въ средніе вѣка, какъ и доселѣ еще въ Римѣ, епископской тюрьмы кудабъ можно было меня забить, до тѣхъ поръ когда свѣтская власть найдетъ удобнымъ — докончить надъ моимъ бѣд-

нымъ тѣломъ начатое духовной властью. Подчиненный ему въ качествѣ священника, я былъ равенъ ему какъ гражданинъ. Вся сила его состояла въ томъ—чтобы пошлой риторикой заключить свою грозную рѣчь и посовѣтовать мнѣ — поискать вѣчнаго блаженства въ овощахъ трапистовъ, тогда какъ его преосвященство не находило ихъ пригодными для себя, и стремилось къ этому блаженству путемъ роскошныхъ обѣдовъ, на великолѣпныхъ рысакахъ, съ цѣлой свитой филотей и п. т. п. Послѣ моего отвѣта, безсильному епископу оставалось лишь грянуть анаѳемой на меня; но я не далъ ему на то времени. Поспѣшивъ выйти, я предоставилъ ему всю волю— оплакивать несчастное время которое отказывается отъ трогательныхъ зрѣлищъ костровъ и палачей.

Но, могу сказать по совѣсти, не почувствовалъ я къ этому человѣку ни ненависти, ни даже озлобленія. Будь это одиночное, исключительное явленіе, — такъ; но вѣдь это была система воплотившаяся въ немъ — вся цѣликомъ. — Смиреніемъ и благочестіемъ захвативши епископское автократорство, онъ, въ данномъ случаѣ, лишь остался вѣренъ системѣ; но развѣ могъ онъ поступить иначе? развѣ не точно также поступали и поступаютъ десятки и сотни его собратій, приносящихъ въ жертву этой страшной системѣ всю правду евангелія, всю любовь заповѣданную Христомъ—Спасителемъ, весь духъ его благодатнаго ученія? развѣ отказались бы они подписать смертный приговоръ всякому, дерзнувшему сказать слово правды объ этой системѣ, и даже собственными, преосвященнѣйшими, руками поджечь костеръ, чтобы испепелить на немъ дерзновенныхъ? Тотъ ли другой ли, — но сущность дѣла оттого неизмѣнялась; и проклинать тутъ одного, по меньшей мѣрѣ, было непослѣдовательно.

Бѣдная церковь католическая, до чего необходимо чтобы ты была исторгнута изъ подъ давленія этой фарисейской секты которая дѣлаетъ тебя такъ ненавистною!.. День — за днемъ все растетъ эта ненависть, благодаря нечестивцамъ которые, во имя твое, насилуютъ всякую нравственную свободу,

растлѣваютъ всякую совѣсть и нежалѣютъ усилій—задушить всякое сознаніе — частное и общественное. — Дожидать ли что когда нибудь прозрѣютъ эти святотатцы и сознаютъ, въ какую бездну гибели завлекли они церковь христову? — сознаютъ — какъ страшно исказили они евангельское ученіе — свѣта, любви и свободы своей мракобѣсной, всемертвящей системой? Напрасное ожиданіе! Фарисеи не прозрѣваютъ. Если всѣ ураганы революціи не пробудили въ нихъ этого сознанія, то какъ ожидать его — когда они снова сдѣлались государственной силой?

Церковь христова не погибнетъ на землѣ. Но сколько еще предстоитъ ей очищеній кровавыхъ, такъ заботливо и настойчиво подготовляемыхъ фарисействомъ, чтобы сдѣлаться наконецъ вѣрной рукодительницей человѣчества въ его стремленіяхъ къ нравственному совершенству, что̀ зовется вообще прогрессомъ!.. Евангеліе сдѣлается наконецъ животворнымъ свѣтомъ человѣческихъ обществъ. Но сколько еще потребуется бурь и урагановъ чтобы очистить совершенно умственно-нравственную атмосферу отъ міазмовъ религіозной лжи, убивающихъ не только вѣру, но даже самую возможность вѣрованія! Да, самую возможность вѣрованія, потому что всеотрицающее садукейство есть самое непосредственное, логическое слѣдствіе фарисейства. Нѣтъ возможности вѣрить истинѣ, когда она небольше какъ маска для своекорыстной лжи; никто не повѣритъ, истиннымъ вѣрованіемъ, и евангелію когда оно, въ рукахъ называющихъ себя апостолами его, не больше какъ средство для чисто-человѣческихъ цѣлей. Апостолъ евангелія—въ шелкахъ и бархатахъ, обставленный всей роскошью аристократокъ, самъ, на практикѣ, отрицаетъ истины евангелія; ктожь, послѣ этого, кромѣ слабонервныхъ и слабодушныхъ, повѣритъ его апостольскимъ словоизверженіямъ? кто повѣритъ евангелію этихъ бархатныхъ апостоловъ, когда они во имя его предаютъ анаѳемѣ — образованіе, науку, всякое развитіе умственныхъ силъ, — лучшихъ и высшихъ силъ, данныхъ Богомъ человѣку? — Небудь же этихъ отрицателей —

практиковъ, не было бы и отрицателей — теоретиковъ, по той простой причинѣ — что евангеліе, само въ себѣ, есть истина; а истина — неотрицаема. — Такъ, свѣтъ евангельской истины войдетъ наконецъ въ плоть и кровь человѣчества и выработается въ правду жизни и дѣлъ; но сколько еще предстоитъ бурь, сколько потрясеній — чтобы человѣчество всецѣло очистилось отъ гангрены фарисейства!

Я жестоко страдалъ передъ епископомъ; страдалъ за себя, потому что былъ побѣжденъ ультрамонтанскимъ деспотизмомъ; страдалъ за католичество которое сдѣлалось постыднымъ орудіемъ для постыднѣйшихъ эгоистическихъ цѣлей. Но мнѣ предстояло еще болѣе тяжелое страданіе: объявить своей почтенной матери что этотъ священникъ, котораго она такъ недавно видѣла на прекрасной дорогѣ, другомъ, довѣреннымъ епископа, не имѣетъ уже права священнодѣйствовать; что онъ изгнанъ изъ священства — безъ возможности апелировать кому либо на беззаконное изгнаніе, безъ надежды возстановить свои попранныя права; что ему осталось теперь одно — искать гдѣ либо средства жизни помимо священства.

Сказать все это своей матери, было болѣе тяжело и горько чѣмъ умереть; и не смотря на то сказать было нужно.

Всячески старался я смягчить ударъ. Сначала я сказалъ что епископъ не хочетъ оставлять меня въ своей епархіи; но что это еще не большая бѣда, потому что, исправляя должность епископскаго секретаря, я успѣлъ заручиться добрымъ расположеніемъ въ другихъ епархіяхъ, на что и могу теперь разсчитывать. Значитъ, требуется лишь отправиться куда либо и похлопотать. Тѣмъ не менѣе, ударъ былъ жестокъ для матери; опять начиналась эта скитальческая жизнь, полная лишеній и скорбей. Въ ея годы, было уже слишкомъ тяжело снова перекочевывать изъ ссылки въ ссылку. А все таки самоотверженная материнская любовь сдѣлала свое: до нѣкоторой степени она примирилась съ полученнымъ ударомъ.

Довести ее до этого, былъ значительный шагъ впередъ. Оставалось — объяснить дѣло начисто. Со всей возможной предосторожностью, я открылъ ей наконецъ что епископъ, вслѣдствіе какого то непонятнаго раздраженія, лишилъ меня всѣхъ правъ въ своей епархіи.

— Какъ?! да это невозможно, воскликнула она, вскочивши точно львица готовая броситься на защиту своихъ дѣтенышей. Вѣрно ты не понялъ хорошенько. Не можетъ же дойти раздраженіе до того — чтобы начисто сгубить человѣка ни за что.

— Нѣтъ, я не обманулся. Со мною здѣсь рѣшено и покончено.

— Такъ значитъ, завтра ты и мессы уже не можешь отслужить здѣсь?

— Не могу.

— О! да это ужасно! Чтожь это за человѣкъ — этотъ епископъ?

— Не любезно поступилъ со мною, да.

— Уйдемъ же, мой сынъ, изъ этой несчастной страны. Поищемъ убѣжища гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ.

Именно это пока и было нужно. Приготовленія къ отъѣзду и сборы на нѣсколько дней займутъ мою мать. Она развлечется укладкой нашихъ скудныхъ достатковъ, къ чему уже достаточно привыкла. Временно мы остановимся въ Мелюнѣ. Позднѣе я приготовлю ее и къ довершенію удара, — что поразитъ какъ ничто еще не поражало за всю жизнь: ея сынъ больше не будетъ священнодѣйствовать.

Съ Фелиси я не счелъ нужными подобныя предосторожности. Я описалъ ей со всей подробностью постыдную сцену которая розыгралась въ Мо. Взаключеніе далъ ей свой новый адресъ въ которомъ уже назвалъ себя просто — «г. Ліунь».

Напрасно было бы скрывать — во что обошлось мнѣ это переименованіе: горькихъ, — о, какихъ горькихъ слезъ стоило мнѣ заразъ изгладить — мое семейное имя и мое названіе священника, и послѣ того какъ я съ честію носилъ то и другое!.. Теперь я дѣлался жалкимъ отверженцемъ, выброшеннымъ на

мостовую улицы, обязаннымъ, подобно скрывающимся бандитамъ, брать всѣ предосторожности чтобы никогда, въ страшной предстоящей мнѣ судьбинѣ, не заподозрили, подъ этимъ именемъ — «Ліунь», бывшаго священника Бертомье.

Я увѣрялъ свою мать что найду себѣ мѣсто въ какой либо другой епархіи; но это была невинная ложь. Я даже и не пытался искать. У какого епископа Франціи, даже изъ самыхъ ревностныхъ галиканцевъ, стало бы на столько самоотверженія и храбрости чтобы вступить въ открытую войну съ міромъ ультрамонтанства? — Взять меня подъ свою защиту, значило — нанести пораженіе епископу Мо; а развѣ не своею солидарностью и сильно ультрамонтанство? Да еще и самъ епископъ Мо, — почемъ знать что, при помощи своихъ филотей и аристократичныхъ биготокъ, не сдѣлается скоро архіепископомъ, кардиналомъ, сенаторомъ? развѣ это небывалое, и даже рѣдко бывалое дѣло, что биготки этого цвѣта торжествуютъ надъ всѣми министрами и втягиваютъ таки, кого имъ нужно, на самую высь честей? — Благоразуміе прежде всего, — самое основное правило епископій; и тѣмъ болѣе нельзя было не придержаться этого правила по отношенію ко мнѣ что дѣломъ, вмѣненнымъ въ такое тяжкое преступленіе мнѣ, были заинтересованы въ Римѣ. Лучшіе современные епископы, какихъ я только знаю, еще не возвысились до той степени героизма чтобы самоотверженно стать за правду, съ опасностью личныхъ непріятностей.

Знавалъ я этихъ горькихъ бѣдняковъ которые, въ положеніи подобномъ моему, чуть не въ половинѣ французскихъ епископій искали себѣ мѣста, и вездѣ слышали одинъ и тотъ же отвѣтъ: «вы не нашей епархіи; намъ и съ своими дѣваться некуда». Я не рѣшился подвергнуться этому новому посрамленію; но, во что бы то ни стало, хотѣлъ сохранить въ себѣ достоинство человѣка, если уже не суждено было мнѣ до конца сохранять свое достоинство священническое.

Однакожъ моя будущность была ужасна. Я не могъ обольщать себя какими либо призрачными надеждами, — ихъ не

было; была одна голая дѣйствительность, во всемъ своемъ безотрадномъ видѣ. Я былъ еще крѣпокъ, правда, но уже не въ тѣхъ годахъ когда выучиваются какимъ либо ремесламъ. Изъ меня могъ выйти лишь самый дурной ремесленникъ, съ голодной смертью — впереди. Я не могъ разсчитывать — поступить въ какую либо контору; — конторщиками не дѣлаются мгновеннымъ наитіемъ; а кромѣ того отъ человѣка, который представляется на такія мѣста, необходимо требуются самыя точныя свѣдѣнія о его прежней дѣятельности: — я что могъ представить? — Писецъ я былъ и всегда плохой; а въ эти годы уже не переучишься; значитъ, и присутственныя мѣста всѣ закрыты для меня, и объ частныхъ работахъ этого рода помышлять нечего. Остается одно и единственное убѣжище, — типографія бульвара Пигалль, гдѣ почти всѣ корректоры — несчастные заклейменные священники. Но что, если и эта типографія переполнена ищущими работы?

Во всякомъ случаѣ оставить свое имя и званіе безусловно необходимо. Я войду въ этотъ темный пролетаріатъ, гдѣ никто не думаетъ о тебѣ, никто не отличаетъ тебя отъ другихъ. Сдѣлавшись рабочимъ, — какимъ тамъ придется — все равно, я буду, какъ всѣ, рабочей машиной, рабочимъ животнымъ; — ради чего же всѣмъ другимъ знать, что ихъ товарищъ былъ священникомъ? ради насмѣшекъ? ради презрѣнія? Странное явленіе въ нашей общественной жизни: священникъ, монахъ, епископъ, — позоръ и соблазнъ своего званія, благодушно терпятся нашимъ обществомъ; священникъ, почему либо оставившій свое званіе, подвергается поруганіямъ даже среди самаго пролетаріата, безъ всякой мысли о томъ — что довело его до этой страшной необходимости; чѣмъ объяснить такое явленіе? Но этого мало, помилованный преступникъ, выжившій свой срокъ галерникъ, и тому подобный отверженный людъ — всюду находитъ себѣ состраданіе; по меньшей мѣрѣ, не казнится за свое прошлое поруганіями и насмѣшками въ той средѣ къ которой примкнетъ; одинъ лишь священникъ исключается изъ этого: былъ ли онъ честнѣйшимъ дѣятелемъ въ своемъ мѣстѣ

и оставилъ его по причинамъ всего менѣе зависѣвшимъ отъ него самого; изгнанъ ли изъ священства за какую либо заслуженную вину, — все равно, онъ несетъ клеймо позора до гробовой доски, если во время не сумѣетъ скрыть того-чѣмъ былъ. Во имя какой общественной правды это исключеніе? — Мститъ ли общество беззащитнымъ за то зло какое несетъ ему вся эта среда? Видитъ ли въ нихъ козловъ очищенія на которыхъ, какъ на отверженныхъ, безнаказанно можно взвалить всѣ грѣхи ихъ собратій? казнитъ ли ихъ за то званіе какое носили они, и не помышляя даже — *какъ* носили? — Ругается ли надъ ними — что они не сумѣли до конца удержаться тамъ — гдѣ держится столько не потребнаго; и — мало держится, а роскошествуетъ въ шелкахъ и бархатахъ? — То или другое, но, изъ всѣхъ отверженныхъ и загнанныхъ въ пролетаріатъ, лишь одинъ священникъ не имѣетъ даже возможности жаловаться на свою горькую судьбину, какъ бы ни были вопіющи и возмутительны обстоятельства доведшія до нея; онъ долженъ молчать и скрывать свое званіе, какъ такое преступленіе которое не можетъ быть прощено, ни даже извинено.

Фелиси отвѣчала мнѣ именно такъ-какъ я и ожидалъ.

«Вы поступили, Ліунь, какъ слѣдовало поступить честному человѣку. Если бы было можно, то я еще болѣе любила бы васъ за ваше самоуваженіе и за вашу твердость. Продолжайте быть крѣпкимъ! Подвигъ борьбы совершаемый здѣсь, на землѣ, всегда прекрасенъ, если только совершается мужественно. Богъ не оставитъ васъ. Въ вашей собственной совѣсти — вамъ утѣшеніе и награда.

«Пусть эти слѣпцы собственными руками низвергаютъ въ бездну католицизмъ который мы съ вами такъ любимъ. Слишкомъ глубоко низвергнутъ они его. Посрамленіе его они еще разъ начали. Посмотрите — какъ быстро послѣдуетъ его паденіе, и какъ бросятся орлы на трупъ его.»

По этимъ строкамъ можно судить — какъ смотрѣла на дѣло эта благородная душа. — Къ этому я долженъ прибавить что, не смотря на свое далеко уже не блестящее положеніе, вслѣд-

ствіе крупныхъ потерь послѣ отца и чрезвычайныхъ затратъ во время болѣзни и по смерти матери, она, также просто и благородно какъ и всегда, предлагала раздѣлить со мною и съ моею матерью все что оставалось у нея. Меньшаго я и не ожидалъ отъ ея благородства. Но, ни за что въ мірѣ, не согласился бы я подвергнуть лишеніямъ своего самоотверженнаго друга. Человѣкъ, пока онъ не совсѣмъ инвалидъ, долженъ пріобрѣтать хлѣбъ себѣ и своей престарѣлой матери. Такъ я сказалъ себѣ; такъ и сдѣлаю. Какъ и гдѣ найду себѣ хлѣбъ? Конечно еще не знаю; но найду.

Прежде всего, нужно отправиться въ какой нибудь большой городъ чтобы скрыться въ массѣ отъ своего прошлаго и, затѣмъ уже, искать тамъ подходящей работы. Для этого, я пустился съ матерью въ Парижъ.

Мы заняли квартиру, въ улицѣ Вожираръ, тѣсную и скудную, но сносную. Помѣститься такъ далеко отъ центра Парижа заставила меня очень понятная причина, — здѣсь квартиры дешевле; да и уличнаго шуму здѣсь также нѣтъ, что для спокойствія матери было совершенно необходимо.

Я наконецъ долженъ былъ досказать ей страшную истину о своемъ изгнаніи изъ священства; — окончательный ударъ пришелся больнѣе чѣмъ какъ я даже предполагалъ: онъ совсѣмъ подкосилъ ее. Послѣ моихъ словъ она склонила голову какъ пришибенная, и ни однимъ звукомъ не выразила своей внутренней боли. Значитъ, тутъ было больше чѣмъ сколько сердце матери можетъ вынести. Въ нѣсколько дней, она, державшаяся доселѣ прямо и бодро, была уже сгорбленная, дряхлая старуха. Цѣлый десятокъ лѣтъ не могъ бы такъ подорвать этихъ, казалось, несокрушимыхъ силъ, этого здоровья которое много еще могло бы выдержать внѣшнихъ бурь.

Сколько былъ въ силахъ, я поддерживалъ упавшій духъ матери надеждами на перемѣну своего положенія. Я обманывалъ ее, потому что самъ не надѣялся ни на что.

Типографія, гдѣ ожидалъ было найти себѣ работу, давно уже отказывала новымъ рабочимъ; до того была переполнена ими. Стучалъ затѣмъ всюду — гдѣ только можно, и все безъ пользы. Впродолженіе пятнадцати дней предлагалъ свои услуги во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ требуются рабочія руки, уже не разбирая—какая это будетъ работа,—и вездѣ слышалъ отказъ; оттого что не могъ сказать ничего опредѣленнаго и яснаго о своемъ прошломъ. Съ неизвѣстнымъ, понятно, связываться никто не хотѣлъ. Эта страшная тайна моей священнической жизни служила мнѣ камнемъ преткновенія. А признаться гдѣ либо въ ней, значило—къ отказу присоединить оскорбленіе.

А между тѣмъ, скудный запасъ нашихъ денегъ исчезалъ быстро. Съ ужасомъ видѣлъ я минуту когда нечѣмъ будетъ мнѣ, не говоря о прочемъ, заплатить за хлѣбъ матери на слѣдующій день:—Боже! да чѣмъ же заслужилъ я эту пытку?!.

Разъ, истомленный, умирающій отъ голода, брелъ я по набережной Сены. Только что передъ этимъ мнѣ отказали на одномъ большомъ заводѣ, гдѣ я нанимался было перетаскивать тяжести. Отчаяніе мутило уже мой смыслъ — до желанія все покончить въ этой рѣкѣ, въ которой столько несчастныхъ уже покончило свои горькіе разсчеты съ жизнью; лишь мысль о Богѣ и о матери удерживала отъ роковаго скачка. Вдругъ я увидѣлъ что извощикъ фіакра, медленно ѣхавшій мнѣ на встрѣчу, упалъ съ своего сидѣнья на мостовую. Животныя стали. Я подбѣжалъ и приподнялъ извощика,—сильно пьянъ былъ несчастный и крѣпко расшибся. Кое какъ, собравши всѣ силы, ввалилъ его въ фіакръ и, помѣстившись на сидѣньѣ, отправился на его станцію, въ улицѣ Монтаборъ. Когда мы добрались до мѣста, бѣднякъ пришелъ совершенно въ себя; но приподняться не могъ, такъ удачно хватился. Пришлось отправить его въ госпиталь.

Хозяинъ станціи спросилъ меня,—сумѣю ли я управляться съ лошадьми.

— Сумѣю, отвѣчалъ я.

— Хочешь ли замѣстить этого человѣка?

— Хочу.

Онъ спросилъ мое имя, мой возрастъ, мой паспортъ, выданный мнѣ въ Мелюнѣ подъ именемъ Ліуня; и не спросилъ больше ни объ чемъ. И наконецъ то я при должности, — кучеръ фіакра!

Понятно, съ какой радостью вернулся я въ тотъ вечеръ къ матери.

— Побѣда! сказалъ я ей, я нашелъ себѣ хорошее мѣсто. Должность трудная, которая не позволитъ намъ проводить столько времени вмѣстѣ сколько бы хотѣлось. Но я счастливъ мыслью, дорогая мать, что ты съ нынѣшнаго же дня не будешь имѣть ни въ чемъ недостатка.

Съ послѣдняго потрясенія, такъ разрушительно подѣйствовавшаго на нее, она была уже не такъ жива и проницательна какъ прежде, и потому въ моихъ словахъ она увидѣла нѣчто и въ самомъ дѣлѣ чрезвычайно хорошее. А кромѣ того, легко вѣрится тому — чего желается. И мелькнула улыбка — давно небывалая на этихъ устахъ. Она подняла свои глаза къ небу и сказала мнѣ:

— Благословляю Бога за тебя, мой сынъ. Я могу умереть когда ему угодно.

— Нѣтъ, ты будешь жить для утѣшенія своего дорогаго Ліуня.

И дѣйствительно, она была мнѣ крѣпкимъ утѣшеніемъ. Знать что близь тебя есть существо—все и беззавѣтно преданное тебѣ и, кромѣ того, въ тебѣ имѣющее единственную опору жизни, — знать это, значитъ — имѣть одно изъ сильнѣйшихъ противодѣйствій скачкамъ въ Сену, въ петлю, куда толкнетъ отчаяніе. Въ рѣдкія минуты которыя я могъ урывать отъ своего промысла для меня было величайшимъ наслажденіемъ забѣжать къ своей матери, и въ бесѣдѣ съ ней хоть на нѣсколько минутъ ожить душей. И бодрѣе и живѣе чувствовалъ я себя послѣ каждой такой бесѣды.

Одного лишь, при ослабѣвшихъ силахъ мысли, никакъ не могла она взять себѣ въ толкъ, — рѣдкости и краткости на-

шихъ свиданій. Есть же во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ, разсуждала она, воскресенье; есть, конечно, свои праздники. Я отвѣчалъ ей что въ числѣ обязанностей, соединенныхъ съ моимъ мѣстомъ, находится и присмотръ за сохранностью ввѣренныхъ мнѣ дѣлъ; а это главнѣе всего и требуется въ воскресенье и праздничные дни; такъ что именно въ эти дни я не могу урвать для нея ни одной минуты. И она вѣрила сочиняемымъ мною объясненіямъ. Не повѣрила бы она нѣсколько лѣтъ и даже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ; напротивъ, одинъ взглядъ на мою одежу, на всю мою внѣшность объяснилъ бы ей—въ чемъ дѣло. Но милосердое провидѣніе пощадило ее отъ знанія которое послужило бы для нея каждоминутной пыткой. Всѣ свои заработки я доставлялъ ей, и, какъ потребности ея были чрезвычайно умѣренны, то заработковъ доставало на нихъ—даже съ избыткомъ.

Но тяжко, о—до чего тяжко мое ремесло!...

Я не ропщу изъ за него передъ Богомъ. Другіе несчастные, подобно мнѣ пригвожденные на своихъ сидѣньяхъ, стоютъ развѣ меньше меня? Обокъ съ ними, я выполняю, законно—въ потѣ лица своего, назначеніе человѣка—пріобрѣтать хлѣбъ себѣ и своей матери. Но чего стоило привыкнуть мнѣ къ этой жизни! Осьмнадцать часовъ работы, едва — едва шесть на сонъ; холодъ, снѣгъ, дождь, бури, жгучее солнце, также мучительное какъ насквозь пробирающій морозъ, ломка всего организма и пр. и пр., все это надо выносить!...

О, картезіанцы и трапписты! такъ тщеславно повѣдаете вы о своей подвижнической жизни,—да вы сибариты передо мной. Не черезъ чуръ тяжко отнѣть службу въ свѣтлой и прохладной комнатѣ, вычитать свое правило подъ крѣпкой охраной стѣнъ и кровли, не безпокоясь ни о снѣговой бурѣ, ни о дождѣ—потокомъ, ни о палящихъ лучахъ полуденнаго солнца. Ваша мнимо- подвижническая жизнь не больше какъ одна изъ тѣхъ лжей какими такъ полно и переполнено католичество.

Но я ошибаюсь. У васъ есть подвигъ отъ котораго милосердый отецъ небесный избавилъ меня. Напускное благочестіе,

каждоминутное мороченье другихъ словомъ и дѣломъ, выработка себя въ святошей и п. т. п., — это тоже своего рода подвигъ, думаю, нелегкій. Не напрасно же вы вознаграждаете себя ѳиміамами слабонервныхъ и слабодушныхъ!—Но даже въ самыя тяжкія минуты своей теперешней жизни я благословляю милосердіе провидѣнія, которое указало мнѣ — мой подвигъ, а не вашъ. Часто я голодаю и даже предвижу что умру голодной смертью; не далека минута когда это рубище превратится въ тѣ нищенскія лохмотья, которыя не будутъ давать и слабой защиты отъ атмосферныхъ невзгодъ; нерѣдко бьютъ изъ глазъ ѣдкія и горькія слезы, — настоящія слезы, выжимаемыя съ болью изъ сердца злостью людской, а не крокодила — фарисейскія. Вамъ, съ подвигами напускнаго благочестія, невѣдомо ни что такое; они поятъ и кормятъ васъ сытно и довольно, одѣваютъ тепло и привольно; а слезы отъ сердца идущія появляются развѣ тогда какъ оно ужъ переполнится влагой, предназначенной лишь веселить его. Но послѣ всего, когда будетъ сказано: вы — голодавшіе, вы—бывшіе нагими, вы — плакавшіе, — придите ко мнѣ; кто будетъ имѣть право стать по правую руку спрашивающаго: мнимые ли подвижники честныхъ обителей, или настоящіе подвижники — въ родѣ священниковъ, совершающихъ свой подвигъ на кучерскихъ сидѣньяхъ, и т. п.?

Теперь, когда все кончено между міромъ клерикальнымъ и мною, когда я начисто пропалъ съ глазъ его; когда никто изъ его среды даже не подозрѣваетъ гдѣ я существую, — я все еще считаю себя живымъ членомъ церкви, въ силу свободно данныхъ и ничѣмъ не нарушенныхъ мною обѣтовъ. Фарисейское озлобленіе могло лишить меня внѣшнихъ правъ священства; но не въ его силахъ лишить меня самаго священства, пока я самъ себя не лишилъ его преступной жизнью; точно такъ какъ не въ силахъ всѣхъ фарисеевъ, вмѣстѣ взятыхъ, сдѣлать благодатнымъ служеніе того изъ священствующихъ, будетъ ли то простой сельскій священникъ или епископъ — все равно, который послѣ разныхъ ночныхъ подвиговъ, извѣст-

ныхъ но не называемыхъ, приступаетъ къ алтарю священнодѣйствія. Вотъ почему утромъ и вечеромъ, урывая минуты отъ своего недолгаго сна, я неопустительно вычитываю свой служебникъ; и Богъ мнѣ свидѣтель что, какъ бы ни былъ я измученъ дневнымъ трудомъ, еще ни разу не осталась невыполненною эта моя священническая обязанность. Кромѣ того, у меня карманный молитвенникъ и вмѣстѣ съ нимъ пѣсни Беранже, переплетенные совершенно въ одинаковый переплетъ. На свободѣ отъ работы я вычитываю «часы» или вечернюю службу. На вопросъ кого либо изъ товарищей:

— Что ты тамъ читаешь?

— На — вотъ, посмотри; отвѣчаю я; и перекидываю ему своего Беранже.

Хитрость, какъ и всякая другая.

Но Беранже служитъ мнѣ отличную службу. Онъ сближаетъ меня съ этимъ горькимъ людомъ къ которому и я принадлежу, и даетъ мнѣ возможность далеко не безполезно вліять на него. Въ досужный часъ, начавъ иногда рѣчь съ одной изъ самыхъ забубенныхъ пѣсень этого народнаго любимца, я незамѣтно перехожу къ толкамъ о гибели пьянства, распутства, игры. Съ моей стороны ничего — въ чемъ бы слышалась проповѣдь; я лишь навожу собесѣдниковъ на мысль о тѣхъ страшныхъ послѣдствіяхъ къ какимъ ведутъ эти пороки; — они сами развиваютъ эту мысль, сами приводятъ потрясающіе примѣры такихъ послѣдствій; посмотришь, въ концѣ концовъ, и тотъ и другой начинаютъ уже сдерживаться и крѣпко выдерживаютъ себя отъ гибельныхъ увлеченій, хоть обыкновенно и молчатъ о томъ. Случается, рѣчь идетъ дальше — о Богѣ милосердомъ,—милосердомъ даже къ такимъ горемыкамъ—какъ мы; и опять брошенная мысль развивается, подкрѣпляется примѣрами, разъясняется что наша горемычная жизнь—очистительная жертва за наши же пороки, и пр. и пр.: посмотришь, тамъ мелькнула слеза на изможденномъ лицѣ, тамъ мрачный взоръ прояснился и благоговѣйно поднялся къ небу. Богъ милосердъ; во имя этого, нужно ему молиться. Этотъ выводъ оза-

дачивалъ моихъ собесѣдниковъ; но я приводилъ имъ въ доказательство слова пѣсни: «La prière donne du coeur» (молитва ободряетъ); и они находили это великолѣпнымъ и причину совершенно убѣдительною. И это были тѣ самые которые не находили достаточно крѣпкихъ словъ чтобы выразить свое отвращеніе къ церковной проповѣди, считая ее самымъ наглымъ шарлатанствомъ, единственно разсчитаннымъ на ихъ тяжко-трудовые оболы; и можно ли сказать что они безусловно неправы въ своемъ отвращеніи?

Передъ святой недѣлей я сказалъ своимъ товарищамъ что мы, какъ добрые христіане, должны приготовить свои пасхи.

— И ты приготовишь—ты?

— Безъ сомнѣнія; и еще у Сен-Роха, въ нашемъ приходѣ, въ самый день Пасхи къ десятичасовой мессѣ.

— Вотъ такъ сумасшедшій!

— Всего менѣе, мой старина. Прочитай-ка Беранже!

Qu' on puisse allêr meme à la messe
Ainsi le veut la libertè!

Цитата оказалась удачною. Мнѣ отвѣчали:

— Изрядный же ты плутъ. Ну, сдѣлаемъ и мы по твоему.

И дѣйствительно, многіе изъ нихъ сдержали свое слово.

Вообще, теперь, когда я лицомъ къ лицу стою съ тѣмъ что называютъ отребіемъ человѣчества, могу сказать что хоть эта почва и слишкомъ поросла всякой дичью, однакоже никакъ не можетъ быть названа безнадежною. Самоотверженный, безкорыстный трудъ апостольства могъ бы расчистить эту почву; слово искренней, евангельски — беззавѣтной любви могло бы оплодотворить ее. Но не мисіонеры, въ костюмахъ монашескихъ, время отъ времени насылаемые въ темную массу народа, сдѣлаютъ это,—никакъ: этотъ людъ всецѣло убилъ въ народѣ всякое довѣріе къ своей проповѣди.

Въ числѣ нашихъ товарищей есть нѣсколько священниковъ. Они и не подозрѣваютъ что я изъ таковыхъ же. Мой Беранже спасаетъ меня отъ ихъ догадливости. Но я узналъ ихъ съ перваго взгляда.—Отъ ненавистнаго клейма семинарства от-

рѣшиться слишкомъ трудно, и немногіе успѣваютъ въ этомъ. Опытный взглядъ всегда подмѣтитъ это клеймо—и подъ мундиромъ военнаго, и подъ лахмотьями нищаго. Но не мнѣ было разоблачать ихъ тайну. Довѣріе ихъ хотѣлось мнѣ заслужить, въ чемъ и не представилось неодолимыхъ затрудненій, потому что честное слово всегда найдетъ доступъ къ душѣ несчастнаго.—Они, съ своей стороны, считали меня чѣмъ то въ родѣ банкира—разорившагося отъ игры и женщинъ и доведеннаго до безвыходной бѣдности.

Одинъ изъ этихъ несчастныхъ священниковъ, въ минуту откровенности, разсказалъ мнѣ всю свою исторію. Тяжело и и больно было слушать. Что особенно горько,—отчаяніе ринуло его въ порокъ. А стоитъ разъ попасть въ этотъ омутъ, чтобы погрязать глубже и глубже и топить въ немъ внутреннюю боль отъ укоровъ совѣсти. Но Богъ помогъ мнѣ сдѣлать нѣчто весьма существенное для возстановленія этого несчастнаго.

Отъ него, бывшаго священникомъ въ нѣсколькихъ епархіяхъ, узналъ я поразительныя вещи о безконечномъ разнообразіи злоупотребленій, совершаемыхъ епископскими управленіями. Чего только не творится подъ гнетомъ деспотизма передъ которымъ все должно безмолвствовать: безпощадные поборы немногимъ чѣмъ отличающіеся отъ придорожныхъ грабежей; торговля мѣстами; перегонка священниковъ съ мѣста на мѣсто или лишеніе совсѣмъ мѣста за невзносъ ими требующихся благодареній—въ цифрахъ всегда почтенныхъ; безпощадное преслѣдованіе за выраженное какъ либо несочувствіе,—уже не къ епископскимъ распоряженіямъ, а къ нагло-лживымъ словоизверженіямъ какой либо ультрамонтанской газеты;—да и перечтешь ли все?—

И какой глубокой ненавистью полно большинство пастырей къ своимъ архипастырямъ! Иначе и быть не можетъ. Не любовь же можетъ возбуждать крайній деспотизмъ, потѣшающійся безпощаднымъ давленіемъ подчиненныхъ; не сердечную же преданность можетъ развивать илотизмъ—на той послѣдней

своей степени, когда илотъ, удостоившійся лицезрѣнія своего повелителя, долженъ бросаться въ прахъ передъ нимъ.—И ужели не знаютъ всего этого архипастыри?—Нѣтъ, не могутъ не знать они этаго; но страсть къ преобладанію, какъ и всякая страсть всецѣло охватившая человѣка, бьетъ лишь на свое удовлетвореніе и знать ничего не хочетъ о послѣдствіяхъ. Илоты передъ ними пресмыкаются и трепещутъ,—что̀жъ имъ до дальнѣйшаго? Какое имъ дѣло что пастырь,—съ ненавистью въ душѣ, не можетъ быть ихъ истиннымъ сотрудникомъ въ великомъ дѣлѣ—нравственнаго усовершенія человѣчества?—развѣ это имъ нужно? этого они ищутъ? къ этому стремятся?

Но судьба подготовила еще одинъ ударъ несчастному Бертомье.

Искренно преданная ему Фелиси, на которую все таки онъ могъ разсчитывать на непредвидимые случаи,—тяжкой болѣзни, напр., и т. п., смутно понимала изъ его писемъ что положеніе его совсѣмъ не таково какъ онъ ей описываетъ. И захотѣла лично повѣрить правоту дѣла, для чего изъ Клермона и пріѣхала въ Парижъ.

Встрѣча ихъ была нечаянна. Бертомье предсталъ предъ своимъ старымъ, столько лѣтъ невиданнымъ, другомъ во всей красѣ своего кучерскаго промысла. На Фелиси это произвело одно изъ тѣхъ потрясеній которыя всегда разрѣшаются несчастно.

Послѣ долгой борьбы съ Бертомье, она настояла таки на томъ чтобы онъ съ матерью переселился къ ней въ Клермонъ.

«Я долженъ былъ наконецъ уступить Фелиси. Она отправилась въ Клермонъ съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ вырвать меня изъ этой горькой жизни. Но пути божіи неисповѣдимы. Христіанинъ и особенно священникъ благоговѣйно и покорно долженъ принимать ему все посылаемое провидѣніемъ. На имя

матери пришло письмо изъ Клермона. Увѣдомляли, что m-lle де-Лязера только что умерла отъ аневризма.

«Это наконецъ подкосило и меня. И Фелиси уже нѣтъ; и причина смерти ея, безъ сомнѣнія, послѣдне-полученное впечатлѣніе. Я испилъ свою чашу до самыхъ дрожжей!

Здѣсь прекращаются мои записки.

Все что вы прочитали о священнической жизни такъ горькой, такъ уничиженной, было написано, до этой послѣдней страницы, урывками, на клочкахъ, часто карандашомъ, на улицѣ Монтаборъ и Люксамбургъ, аббатомъ Ліунемъ Бертомье, бывшимъ сельскимъ священникомъ, бывшимъ секретаремъ епископа, а теперь кучеромъ фіакра.

Вотъ, передъ нами, жизнь тѣхъ сельскихъ священниковъ во Франціи, которые дерзаютъ вносить въ свое служеніе смыслъ и разумъ и хотя сколько нибудь выбиваться изъ-подъ уровня, проведеннаго надъ всѣмъ низшимъ духовенствомъ деспотизмомъ власти:—отрадная жизнь!..

Но нѣтъ ли тутъ преувеличеній? не водила ли перомъ автора месть, не пожалѣвшая мрачныхъ красокъ для этой безотрадной картины?—

Скорѣе можно думать—что тутъ многое еще не договорено, многое прикрыто. — Въ какую глубину безвѣрія погружены нижніе и средніе классы во Франціи, это даже и представить себѣ трудно. Не цитуемъ недавно читанную нами, въ одномъ изъ русскихъ журналовъ, статью объ этомъ, даже невѣроятномъ для насъ, безвѣріи; потому что она не передаетъ ничего новаго: всюду, гдѣ только говорится объ этомъ, въ какой угодно литературѣ, кромѣ, разумѣется, ультрамонтанскихъ книгъ и журналовъ, говорится одно и тоже. Но ка-

кимъ же образомъ могъ дойти тамъ народъ до такой глубины безвѣрія? проповѣдниковъ ли вѣры не стало?—поставлены ли они въ черезъ-чуръ неудобныя условія для своей дѣятельности?

Нѣтъ, проповѣдниковъ вѣры, казалось бы, черезъ-чуръ достаточно. Вотъ наличный составъ духовенства, нѣсколько лѣтъ тому:

15 архіепископовъ, 66 епископовъ, 176 главныхъ викаріевъ—дѣйствующихъ, 296 главныхъ викаріевъ—почетныхъ, 661 канониковъ, 20 канониковъ въ Сенъ-Дени, 393 каноника почетныхъ, 1,304 начальника и наставника въ семинаріяхъ, 3,301 священниковъ несмѣняемыхъ (кантонныхъ), 28,201 священниковъ смѣняемыхъ (дессерванъ), 6,486 викаріевъ, 388 священниковъ при часовняхъ (капелановъ), 1087—при казенныхъ заведеніяхъ, 1,225—служащихъ по частнымъ наймамъ.—Итого—41,617—прямыхъ и непосредственныхъ проповѣдниковъ вѣры христовой. Если во Франціи положить 30 милліоновъ католиковъ, то на каждаго изъ этихъ проповѣдниковъ падетъ—съ небольшимъ по 700—цифра далеко не огромная.

Но кромѣ этихъ, тамъ еще есть изрядная армія монашествующей братіи, подъ разными именованіями,— Бенедиктинцевъ. Доминиканцевъ, Капуциновъ, Картезіанцевъ, Корделіеровъ, Кармелитовъ, Траписговъ, Іезуитовъ, и пр. и пр.,—всѣхъ не перечтешь. Всѣхъ монашескихъ общинъ считается теперь во Франціи—двѣ тысячи восемьсотъ семдесятъ—не узаконенныхъ, и четыре тысячи девятьсотъ тридцать двѣ—узаконенныхъ; всего семь тысячъ восемьсотъ двѣ. Если положить на каждую хоть по нѣскольку десятковъ, то, очевидно, цифра окажется очень утѣшительною.

Есть, значитъ, кому трудиться ради религіознаго просвѣщенія народа?

Или условія неблагопріятны?—Напротивъ. Католичество—государственная церковь во Франціи. На архипастырей и пастырей государство отпускаетъ за пятьдесятъ милліоновъ

франковъ въ годъ; столько же, если не вдвое, выберутъ они еще съ общества. Фонды монашествующей братіи, еще въ 1856 г., были исчислены въ 81.975,000 фр.; теперь полагаютъ ихъ во 150 милліоновъ. Значитъ, и условія благопріятны — какъ едва ли гдѣ въ другой странѣ.

Какимъ же это образомъ: дѣятелей съ избыткомъ, условія для ихъ дѣятельности благопріятны, и—глубокое безвѣріе народа?

Самымъ простымъ: къ эгоистическимъ цѣлямъ, а не къ религіозному просвѣщенію народа направляется вся эта дѣятельность, въ этомъ и вся разгадка. Захватившіе всю церковную власть въ свои руки и безконтрольно располагающіе ею вглавѣ всего поставляютъ одну quasi—истину — о безусловномъ подчиненіи церкви, т. е. ихъ деспотической власти. Но съ этой quasi истиной развѣ возможна проповѣдь евангелія которое есть противоположный полюсъ всякому деспотизму, и особенно духовному? Изъ двухъ, что нибудь одно: или безусловное подчиненіе епископскому деспотизму, или свобода евангелія. Требуется, главнѣе всего, первое; тѣмъ самымъ отрицается второе. Какое же тутъ можетъ быть религіозное просвѣщеніе народа?

И при этомъ ли моглибы быть терпимы священники — съ сознаніемъ зла и съ желаніемъ, по мѣрѣ силъ и возможности, исправлять его?—никакъ! Они революціонеры, они враги—и никого иного, не епископовъ — безпощадныхъ деспотовъ, а а именно церкви. Но жизнь ихъ чиста и безукоризненна? но пастырство ихъ плодотворно?—Тѣмъ хуже для нихъ. Бѣлое пятно на черномъ фонѣ до боли раздражаетъ зрѣніе,—долой его. Такъ и эти,—наиболѣе энергичные изъ нихъ гибнутъ, не имѣя даже того утѣшенія что посѣянное ими добро не будетъ заглушено ихъ преемниками; слабые и робкіе оплакиваютъ зло втихомолку и не дерзаютъ вступить въ борьбу съ нимъ. Такъ, изъ исчисленныхъ выше десятковъ тысячъ клира, всегда нашелся бы не одинъ десятокъ единицъ, которыхъ даже семинаріи не выдѣлали ни въ фарисеевъ, ни въ паразитовъ; которые,

послѣ нѣсколькихъ лѣтъ священства въ народной средѣ, могли бы указать—мѣру зла, настоящія причины его и опытные способы для увраченія его; но кому это было бы нужно? кто это позволилъ бы? Вѣдь это повело бы къ преобразованіямъ, т. е. къ подрыву деспотической власти;—развѣ же это возможно? Пусть зло—до послѣднихъ его предѣловъ, до всецѣлаго отрицанія всего-что зовется христіанствомъ и евангеліемъ, но за то деспотическая власть неприкосновенна: pereat mundus, fiat nostra voluntas.

И странно, поражающія послѣдствія всей этой несчастной системы бьютъ въ глаза ея охранителямъ, и не смотря на то, ни даже помысла въ комъ либо обратиться къ самымъ источникамъ зла. Какъ ни оглушительно вопіетъ ультрамонтанство о своемъ преспѣяніи въ дѣлѣ христіанскаго просвѣщенія племенъ и народовъ, однакожъ глава его, въ своей послѣдней буллѣ о созваніи вселенскаго собора, долженъ былъ сознаться: «всѣмъ и каждому извѣстно, какая ужасная буря потрясаетъ теперь церковь, и какія бѣдствія удручаютъ общество. Самые ожесточенные враги Бога и людей нападаютъ на католическую церковь, на ея спасительное ученіе, на верховную власть апостольскаго престола; церковныя имущества разграбляются; распространяются всякаго рода нечестивыя книги, зловредные журналы; всюду развивается множество самыхъ опасныхъ сектъ; у духовенства почти вездѣ отнимается воспитаніе несчастнаго юношества, и, что еще хуже, это воспитаніи ввѣряется во многихъ мѣстахъ учителямъ заблужденія и грѣха».

Да откуда же и вслѣдствіе чего вся эта буря? кѣмъ и чѣмъ вызвана она? Вотъ эти, и подобные этимъ, вопросы, должно быть, не будутъ подлежать обсужденію замышленнаго собора; потому что тутъ потребовалось бы разобрать и обсудить епископовъ съ ихъ управленіями; потребовалось бы разсмотрѣть—на сколько сама католическая церковь полна правдой, любовію и свободою, безъ чего истинная христова церковь не мыслима; потребовалось бы опредѣлить—на сколько милліонныя

стяжанія монастырей, стяжанія собранныя самымъ наглымъ мороченьемъ легковѣрныхъ, развѣиваимыя на откармливанье самыхъ зловредныхъ паразитовъ общественной жизни,—подходятъ подъ христіанское ученіе о нестяжательности вообще, и о безусловномъ отреченіи монашествующаго люда отъ всѣхъ благъ земныхъ вчастности; и пр. и пр. Нѣтъ, такимъ вопросамъ не будетъ мѣста на соборѣ, какъ не будетъ рѣчи и объ евангеліи, о которомъ и въ папской буллѣ едва лишь упомянулось. И то сказать, до него ли тутъ, когда предполагается сдѣлать послѣднюю попытку для закрѣпленія свѣтской власти папы, т. е. абсолютизма этой soi-disant церкви? Объ евангеліи ли тутъ можетъ быть рѣчь, когда оно явилось бы обличителемъ и судіей всѣхъ этихъ притязаній, дикихъ и гибельныхъ, благодаря которымъ самое христіанство обращается въ посмѣхъ и поруганіе? Вотъ иное дѣло,—грянуть анаѳемой на «нечестивыя книги и зловредные журналы»,—тутъ общимъ хоромъ грянутъ. И подѣломъ,—не разоблачай религіозной лжи и мракобѣсныхъ стремленій!..

Такъ и всегда и вездѣ: оттолкнутъ общество отъ животворнаго свѣта евангельскаго, да и стараются взвалить вину антихристіанскаго направленія то—на «ожесточенныхъ враговъ Бога и людей», то на «множество самыхъ опасныхъ сектъ», то на «зловредные журналы и нечестивыя книги» и п. т. п.;—и ищутъ чисто внѣшними способами поправить дѣло,—пытками, кострами, по меньшей мѣрѣ—полицейскими преслѣдованіями. А та простая истина,—«удали причину, не будетъ послѣдствій», конечно не воспоминается при этомъ. Оно, сказать правду, не много пріятнаго въ вспоминаніи этой истины: «удалить причину», вѣдь это равняется тому чтобы сдѣлаться апостолами—какіе были въ первыя времена христіанства; а развѣ сладко подумать объ этомъ среди всевозможной житейской роскоши, среди сладчайшихъ наслажденій азіатскаго чинопочитанія, среди юпитеровскаго всевластія?

А между тѣмъ зло растетъ, и чѣмъ дальше тѣмъ дѣлается неизцѣлимѣе. Хуже всего, антихристіанство дѣлается той слѣ-

пой силой которая и сама не знаетъ — противъ чего она ратуетъ. Разсвирѣпѣвшія противъ духовенства толпы, въ первую французскую революцію, кричавшія: — «à bas le crucifix», имѣлиль хоть какое нибудь понятіе объ распятомъ? Никакъ!.. Еще неродился тотъ человѣкъ на землѣ который, хоть разъ въ жизни, услышавъ евангельскій разсказъ объ распятомъ, не преклонился бы передъ нимъ съ благоговѣніемъ и любовію, и особенно человѣкъ массы. Это была слѣпая сила, громившая предметъ вѣрованія изъ за недостойныхъ служителей вѣрованія. Современные отрицатели христіанства, кричащіе тоже лишь въ другой формѣ, изучалиль его въ его начальномъ источникѣ? — никакъ! Хоть что нибудь разумѣющій человѣкъ, — который не преклонился бы передъ великимъ страстотерпцемъ за правду, любовь и свободу, — такой человѣкъ не мыслимъ. Люди мысли и науки, въ родѣ Неандера, Ренана и т. п., штраусовскимъ отрицаніемъ начинавшіе изученіе евангелія, кончали — или безусловнымъ вѣрованіемъ въ распятаго — какъ первый, или самымъ благоговѣйнымъ поклоненіемъ ему — какъ второй.

Значитъ, и тутъ — таже слѣпая сила, и дѣйствуетъ потому же. Но къ чему же, въ концѣ концовъ, можетъ привести эта слѣпая сила? во Франціи еще разъ, — можетъ и не разъ, потому что фарисейство живущо, къ народнымъ поруганіямъ всего святаго и чтимаго, съ неисчислимыми общественными бѣдствіями притомъ; — а въ другихъ мѣстахъ?...

Да, весьма любопытно и поучительно всмотрѣться въ положеніе сельскаго духовенства во Франціи; особенно поучительно видѣть, въ автобіографической запискѣ одного изъ сельскихъ священниковъ, какъ выработывается слѣпая сила антихристіанства въ народныхъ массахъ.

Святая церковь и ея принадлежности. М. Медвѣдскаго. Содержаніе: Для чего необходимо богослуженіе.—Начало богослуженія и мѣста, гдѣ оно совершалось.—Происхожденіе христіанскихъ храмовъ.—Понятіе о церкви, внѣшнее и внутренее раздѣленіе. Принадлежности:—Алтарь.—Престолъ.—Горнее мѣсто и жертвенникъ.—Принадлежности богослуженія.—Священныя одежды.—О третьей заповѣди. Цѣна 6 коп. вѣс. отъ 1 до 10 экз. за 2 ф.

Уроки по закону Божію въ 32 урокахъ. Сост. священ. Люперсольскимъ. Содержаніе: О бытіи Бога и о Святой Троицѣ.—Адамъ и Евва.—Ихъ дѣти.—Потопъ.—Разные народы.—Авраамъ и его потомство.—Моисей и царства Іудейское и Израильское.—Время передъ пришествіемъ Іисуса на землю.—Жизнь, смерть и воскресеніе Іисуса.—Притчи.—Чудеса.—Пресв. Богородица.—Ангелы.—Пророки, апостолы, святители, мученики, преподобные и праведные.—Жизнь ихъ.—Святыя иконы.—Подробности. о храмѣ и о принадлежностяхъ богослуженія, праздникахъ и постахъ. Цѣна 25 коп. Вѣс. за 3 экз. 2 фунта.

Духовныя стихотворенія разныхъ сочинителей: Ломоносова, Державина, Капниста, Мерзлякова, Ѳ. Глинки и проч. съ замѣчаніями о ихъ жизни. Собр. В. Золотовымъ. Въ 16 д. л. 128 стр. Ц. 20 к., перес. отъ 1 до 10 экз. за 2 ф.

Вечернія бесѣды съ крестьянамиія Священника Белюстина. Книга II. Содержаніе: Община. Общественныя должности. Клятва и присяга. Своя и чужая собственность. Правда и ложь жизни. Цѣна 50 к. Вѣс. ф.

Вечернія бесѣды съ крестьянами. С. Белюстина. Книга I. Содержаніе: Семья. Бракъ. Глава семьи—мужъ. Хозяйка—мать. Ученіе дѣтей. Цѣна 50 к., вѣс. за 2 ф.

Космосъ, Библія природы. Бенера. Съ рис. въ текстѣ. Книга 1-я. Содержаніе: Оцѣнка естествознанія; свидѣтельство изслѣдователей природы. Созерцаніе Бога въ его твореніяхъ. Звѣзды, свѣтила и метеоры. Хаосъ. Планеты. Древность земли и людей. Вѣсъ и обращеніе земли. Луна. Солнце. Затмѣнія и проч. Законы. Непзмѣримость вселенной и владычество Божіе. Обитаемость міровъ. Область Божественнаго величія. Ц. 75 к., вѣс. 2 ф.

Космосъ, библія Природы. Бенера книги: 2 и 3. Содержаніе 2-й книги: Чудеса свѣта и міръ атомовъ: свѣтъ солнца; полярный; сѣверное и южное сіяніе; блуждающіе огни; пламя свѣчи; греческій и бенгальскій огни. Миражъ. Радуги. Гармонія лучей. Скорость и поляризація. Глазъ. Микроскопъ. Трубы. Фотографія. Теплота и локомотивы. Электричество. Молнія. Грозы. Телеграфы и проч. 3 книга: Первобытный міръ: Горные пласты и горы. Періоды формацій. Жизнь и флора пластовъ. Сотвореніе человѣка. Общіе результаты исторіи земли. Хромолитографическія таблицы и рисунки, поясняющіе текстъ. Цѣна за обѣ книги 2 р. 25 к., вѣс. 3 ф.

Письма противъ матеріализма. Фабри. Ц. 1 р., вѣс. 2 ф.

Современный матеріализмъ. П. Жане. Ц. 1 р., вѣс. 2 ф.

Мозгъ и мысль. П. Жане. Ц. 1 р., вѣс. 2 ф.

Тѣло и душа. Ульрица. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Выводы естествознанія къ религіи. Люка. Ц. 50 к., вѣс 2 ф.

Небесный Отецъ. Навиля. Ц. 1 р., вѣс. 2 ф.

Іисусъ Христосъ и Его время. Прессансэ. Ц. 1 р., вѣс. 2 ф.

Апологистическія бесѣды о Іисусѣ Христѣ. Шикоппа. Ц. 1 р., 50 к., в. 2 ф.

Библія и наука. Вл... Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

ПО МИЛЛІОННОЙ УЛИЦѢ, № 6.

ПРОДАЮТСЯ:

Богъ въ природѣ, по Фламмаріону, подъ ред. М. Б. Чистякова. Сочиненіе это составлено *противъ современныхъ матеріалистовъ*. Такъ какъ они для своихъ выводовъ преимущественно основываются на химіи и физіологіи, то авторъ употребилъ противъ нихъ ихъ же орудіе. Для этого, въ книгѣ разсмотрѣны: 1) законы солнечной системы; 2) законы неорганическаго царства; 3) законы развитія жизни растительной и животной; 4) законы духовной дѣятельности человѣка. На основаніи этихъ изслѣдованій, авторъ доходитъ до неопровержимыхъ положеній, что въ природѣ, кромѣ матеріи, есть силы; кромѣ силъ физическихъ—силы духовныя и всѣ эти силы зависятъ отъ единой, безконечной и разумной силы—Бога. Такъ, вмѣстѣ съ матеріализмомъ, онъ ниспровергаетъ и атеизмъ. Сочиненія Бюхнера, К. Фохта, Моллешота, Дарвина и др. могутъ попасться въ руки юношества, и рѣзкостью своихъ парадоксовъ способны увлекать молодые умы; поэтому книга «Богъ въ Природѣ» будетъ чрезвычайно полезна, не только въ умственномъ, но и въ нравственномъ отношеніи. Авторъ дѣйствуетъ двумя способами: и «силою убѣжденія. и силою насмѣшки». Послѣднее, едвали не дѣйствительнѣе перваго, Цѣна 2 р. 50 к., вѣс. за 2 ф.

Краткое историческое изложеніе объ истинной православной, древней Христовой вѣрѣ церкви въ Россіи, и *о причинахъ происхожденія раскола*, съ ученіемъ и характеромъ его, въ утвержденіе истинныхъ чадъ церкви и къ вразумленію *старовѣровъ* и *старообрядцевъ*. 2-е исправленное и дополненное изданіе. Цѣна 25 к., вѣс. за 2 фунта.

Пособіе къ доброму чтенію и слушанію слова Божія въ книгахъ Ветхаго и Новаго Завѣта. Смарагдова. Съ картою земли Обѣтов. и Путешеств. Св. Павла. Содержаніе: Понятія и замѣчанія о Священныхъ книгахъ и какъ пользоваться Писаніемъ. Обозрѣніе книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта, наименованіе книгъ и писателей; время написаніе и сущность. Дополнительныя замѣчанія къ лучшему разумѣнія написанія. Цѣна 1 р., вѣс. 2 ф.

Объясненіе богослуженія православной церкви. Составилъ Иванъ Недешевъ. Содержаніе: О молитвѣ, крестномъ знаменіи и поклонахъ. О храмѣ и его принадлежностяхъ. Объ утвари, одеждахъ, иконахъ, епиміамѣ и свѣтильникахъ. Богослужебныя книги. О совершающемся богослуженіи. Молитвы. Ектеніи. Священныя пѣсни. Всѣ роды богослуженія. Разсмотрѣніе праздниковъ. Службы повременныя. Цѣна 30 к., вѣс. за 5 экз. 2 фунта.

Объясненіе значенія обрядовъ при совершеніи семи Святыхъ Таинствъ православной церкви. Содержаніе: Понятія о таинствѣ и объясненіе обрядовъ: крещенія, муропомазанія, покаянія причащенія, брака, елеосвященія и священства.—Для чего при молитвѣ мы осѣняемъ себя крестнымъ знаменіемъ. — Молитвы. Цѣна 10 коп. вѣс. отъ 1 до 10 экз. за 2 ф.

Смотри на оборотѣ.

„Букинистъ“
В. И. Клочковъ
Литейный, 55.
С.-Петербургъ.

LIBRARY OF CONGRESS
0 028 310 037 6